

Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy

HUMAN IN PAST AND PRESENT:
Multidisciplinary studies

Volume 6

Moscow
2012

Российская Академия Наук
Институт философии

ЧЕЛОВЕК ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
Междисциплинарные исследования

Выпуск 6

Москва
2012

УДК 300.312
ББК 156.56
Ч–39

Ответственный редактор

доктор филос. наук *М.С. Киселева*

Рецензенты

доктор филос. наук *Л.С. Перепелкин*

доктор филос. наук *Б.Г. Юдин*

Ч–39

Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. М.С. Киселева. – М. : ИФРАН, 2012. – 181 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0223-2.

Проблема выбора – классическая для антропологии. Каждый новый вызов ставит снова и снова перед человеком задачу соответствующих адекватных реакций и нахождения верных поведенческих практик. Но не только человек делает выбор; от его имени выбор совершают страны, народы, политические партии, научные сообщества, общественные организации и т. п. Телеология и выбор; современная политическая ситуация и самоидентификация человека; пространство и время выбора в культуре; психологическая составляющая выбора; выбор веры и вера в правильность выбора, современные интернет-технологии, дающие новые возможности выбора, – вот далеко не полный перечень проблем, которые обсуждаются в этом выпуске сборника.

ISBN 978-5-9540-0223-2

© Коллектив авторов, 2012
© ИФ РАН, 2012

Содержание

Введение	7
----------------	---

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА

<i>Игорь Михайлов</i> Методологический выбор между субстанциализмом и функционализмом.....	12
<i>Елена Ярославцева</i> Выбор как поиск синергийного результата.....	27

ЧЕЛОВЕК – СОЦИУМ – СВОБОДА: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

<i>Юрий Резник</i> Человек и время: проблема жизненного выбора	47
<i>Юрий Гранин</i> «Глобализация» или «вестернизация»? Pro & contra	76
<i>Александр Разумов</i> Свобода выбора – выбор свободы (между добром и злом)	93

CASE-STUDY: ВЫБОР В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

<i>Ольга Шульман</i> Тема выбора в «Житии Бенедикта» («Диалоги II» св. Григория).....	116
<i>Даниэль Садыков</i> Концепция личности в культуре: евразийский выбор (П.П.Сувчинский)....	133
<i>Татьяна Чумакова</i> Частный случай выбора: сталинская перепись 1937 г. и «выбор вер»	140

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ВЫБОР?

<i>Сергей Малков</i> Аксиологические основания гуманитарных технологий манипуляции сознанием.....	150
<i>Галина Степанова</i> Интернет как пространство выбора человека.....	161
Аннотации	175
Summary	179

Contents

Preface.....	7
--------------	---

METHODOLOGICAL ATTITUDES TO THE PROBLEM OF CHOICE

<i>Igor Mikhailov</i> Methodological Choice Between Substantialism and Functionalism	12
<i>Elena Yaroslavtseva</i> Select a search for synergetic effect	27

HUMAN – SOCIUM – FREEDOM: THE PROBLEM OF CHOICE

<i>Yuri Reznik</i> Human life & the time: the problem of life choices	47
<i>Yuri Granin</i> Globalization or Westernization? Pro & contra.....	76
<i>Aleksandr Razumov</i> Freedom of Choice – Choice of Freedom (Between Good and Evil)	93

CASE-STUDY: THE CHOICE IN THE HISTORICAL CONTEXT

<i>Olga Shulman</i> The problem of free choice in the hagiography of saint Benedict («Dialogues II» by saint Gregory).....	116
<i>Daniel Sadykov</i> The personality concept in culture: Euroasian choice (P.P.Suvchinsky).	133
<i>Tatiana Chumakova</i> A Case of Choice: Stalin’s Population Census of 1937 and the “Choice of Believe”	140

MODERN TECHNOLOGIES: IS THE CHOICE POSSIBLE?

<i>Sergey Malkov</i> Axiological principles of mind-manipulating human techniques	150
<i>Galina Stepanova</i> The internet as a space of Human choice	161
Summary	179

Введение

Проблема выбора – ключевая для данного сборника – определяет лицо европейской культуры как в ее историческом времени, так и в современности. Безусловно, точку отсчета, начало этого феномена, как, впрочем, и всех иных культурнозначимых человеческих деяний, следует искать в далеком прошлом, в религиозных основаниях культуры.

Творение человека как акт Божественной воли, Свободного Божественного Выбора соединил на религиозной почве культуры Ближнего Востока и Европы. В этой мифологеме пред-положены по крайней мере *два модуса* свободных деяний человека, обеспечивающих тем самым *его человеческий выбор*. Так или иначе, эти модусы – действия, которые могут быть осмыслены как ответ Создателю. Вполне возможно, что именно в этом корневая причина неразрывности выбора и *ответ-*ственности человека. Оба модуса просты и сложны одновременно, ибо и тот, и другой прокладывают дорогу прямо противоположным действиям человека и задают параметры разных смыслов, обуславливая то, что теперь мы называем выбором.

Созданный по «образу и подобию Бога», первый человек Ветхого Завета обязан был следовать заповеди Божией жить в саду Эдема, чтобы «возделывать и хранить его», вкушать плоды от всех деревьев сада, кроме одного: «от древа познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2.17). Комментаторы достаточно обсуждали вопрос о том, что означала во времена Адама угроза смертельного наказания. Не будучи рожденным, первый человек не мог быть знаком с тем наказанием, которое обещал ему Господь. Кроме того, знание добра и зла – что хорошо и что плохо – заключалось в плодах именно того древа, от которого вкушать было Адаму запрещено. Однако слова, провоцирующие возможность отказа от божественного запрета, были сказаны самим Богом. А потому *выбрать другое*, противоположное тому, что сказал Бог, – вот трагическая фабула человеческой культуры, но и ее, этой культуры, возможность. Без соблазна выбора не было бы начала...

Ветхозаветный первый человек мифологемы творения мог выбрать послушание или непослушание Богу, соблюдение или несоблюдение заповеди. Выбор Адама – только из этих двух возможностей. По-слушание или о-слушание.

Адам совершает действие очень простого рода. Он *выбирает* то, что дает ему Ева – плод запретного древа, и ест его. Его оправдание перед Богом имеет основание: Ева, жена, «которую Ты мне дал» (Быт. 3.12). Адаму не известен змей. Однако последний говорит Еве слова, прямо противоположные тем, что сказал Адаму Бог: «И сказал змей жене: нет, не умрете» (Быт. 3.4.). Но и здесь «неумирание» также не может быть ясно, как и слова «смертию умрете».

Однако поставим риторический вопрос: насколько случайно или осознанно для самого Адама происходило *событие выбора*?

Содержание книги Бытия можно представить как повествование именно о таких событиях – целом ряде выборов, сделанных человеком вне какого-либо осознания значимости и глубочайших последствий, которые произойдут затем. Адам и Ева послушались Бога, это их выбор; Каин, убивший Авеля, – сделал свой выбор; Ной, услышавший повеление Бога, – свой; Авраам тоже совершает выбор, отвечая на требования Бога принести в жертву своего единственного сына Исаака...

Этот последний ветхозаветный сюжет об Аврааме и Исааке поверг в страх и трепет Сёрена Кьеркегора, пытавшегося осознать, пережить и прочувствовать выбор Авраама, суть которого – его бытийственное, жизненно трагическое наполнение. Тема выбора вошла в философию именно в трудах экзистенциалистов, импульс которым сообщил Кьеркегор. Состояние страха, а точнее страха смерти, пребывание в котором определяет *со-стояние* человека между Послушанием Богу и послушанием, невинностью и виной, добром и злом, верой и неверием и т.п., для Кьеркегора определяет необходимость или, лучше, неминуемость *осознания выбора*. Однако все, что содержит текст «Страха и трепета» датского мыслителя, дословно *не* присутствует в тексте Ветхого Завета. Там – событие, переданное как эпическое повествование. У Кьеркегора – переживание и его реконструкция как рефлексия происходящего, длящегося, но не завершенного действия – *выбор совершаемый*. В библейском тексте дело сделано: плод съеден, Авель убит, послушный Авраам уже занес нож над телом сына...

В тексте «Страха и трепета» уловлена проблема, которая может быть предана огласке только Иоханнесом де Силенцио – Иоханнесом «Молчащим». Выбор для человека – внутренняя работа, *его* переживание, *его* страх и *его* трепет.

Божественная воля карает человека за его непослушание и увлечение земными радостями человеческой жизни – эти сыны и дочери человеческие, занявшиеся друг другом и умножавшие род человеческий, забыли о своем Творце: «велико развращение человеков на земле... все мысли и помышления их были зло на всякое время» (Быт. 6.5). Потоп – последнее и неминуемое наказание.

Но и Богу известен выбор: Его «или-или». Он решает найти своего рода «альтернативу» среди всеобщего земного греха. Он видит праведника. Послушание Ноя необходимо и достаточно для спасения *части земного человечества*. Создатель *выбрал* Ноя; сделанный им по указанию Господа ковчег укрыл его, его семью и скотину. Непослушание Богу ведет к злодеяниям, Ной же – послушник: «И сделал Ной все; как велел ему Бог, так он и сделал» (Быт. 6.22). Что же есть выбор и есть ли выбор человека во всей этой истории? Ной после спасения по указанию Бога вышел на землю, выведя всю семью, птиц, скот и гадов пресмыкающихся для нового заселения земли, и отблагодарил Бога, сделав жертвенник и принеся в жертву «от всякого скота чистого, и из всех птиц чистых» во всеожжение (Быт. 8.20).

* * *

Бог Нового Завета демонстрирует совсем иную возможность выбора, посылая Христа как искупительную жертву за *не Им совершенный адамов грех*. Новозаветный выбор – решение Бога, Единого в своей Троичной сущности. Этот выбор есть и *Свобода* (Духовная святость), и *Невинная Жертва* (Крестное страдание Христа), и *Послушание* (Сына Отцу). С новозаветного времени выбор неизменно сопряжен с осознанием возможности или невозможности человеческой свободы. Человеческая природа Христа создает сложную и порой непосильную для человека задачу – выбрать самому собственную свободу. Изначально – в подражание Христу... Однако европейцы увлеклись решением этой задачи. И вот ближе к концу XIX в. Фридрих Ницше уже отвергает Христа, призывает антихриста. Похоже, европеец оставляет в историческом прошлом метафизические основания веры и неверия...

Глубоко трансцендентная метафизика христианской веры – основа, на которой взрастала европейская культура. В исканиях умов и художественных талантов, в молитвах верующих и деяниях святых, в строгости научных доказательств агностиков и сокрушительных ударах нигилистов *возможность выбора человека как свободного существа* предполагала Бога, чтобы подражать Ему, или подвергала сомнению саму мысль о Его существовании.

«Новогамлетовский» ницшеанский соблазн – быть или не быть «по ту сторону добра и зла» – во весь XX в. воплотился экзистенциальными ужасами войн, лагерей и потерей веры. Опыт XX в. убеждал (убедил ли?), что «по ту сторону» Бог мертв. И похоже, что этот выбор сделан навсегда.

* * *

История выбора европейского человека детерминирована христианской культурой, как в созидательной, так и разрушительной его практике. Европейец свободен *в своем* выборе, потому что у него была его христианская история, и именно она научила его необходимости глобального культурного выбора – осуществления проекта мировой культуры. Сегодняшние вызовы ставят перед человеком новые задачи, их проективность принадлежит именно этому общекультурному контексту.

Под влиянием современного расширения доступных социальных пространств, многообразия государственных, политических, профессиональных, экономических, финансовых, новых технологических институций «трансцендентная вертикаль» выбора – позвоночный столб прошлой культуры – превратилась в сложно устроенные, горизонтально или произвольно проложенные связи, функционирующие по законам рынка, обеспечивающего жизнь человека. Такие связи поддерживают социальный порядок на расширении «предложений» и многообразии предпочтений (именно это слово просится взамен слову «выбор» в данном контексте).

Кардинальная проблема, как она представляется авторам сборника, состоит в том, что, глобализуясь, современная культура практически расстается с тем, что составляло когда-то стержень Европы – ее субстанциальную основу, сформированную культурой

в Новое время. Эта основа скреплялась как христианской верой, так и классической моделью знания; как нравственным законом, так и самореализацией личности, образованием, которое составляло ее базовую ценность. Функциональность, пришедшая на смену субстанциальности, изменила и мир, и человека. Теперь репликация знаний, технологическая свобода и презентация анонимности в массовой культуре перевела стрелки интересов на коммуникативную свободу, снимающую всякие регуляторы социума и культуры. «Социально нейтральное» – политкорректное, денациональное, гендерно-неопределенное, профессионально-неустойчивое, неполносемейное, провокативное в политике, в современных СМИ и в других коммуникативных сообществах – таковы характеристики современной цивилизации, где выбор человека как его внутренняя работа становится чрезвычайно проблематичным или вовсе ненужным. Возможно, «цивилизация функциональности» нуждается только в правовой стабильности, однако и ее функционирование – применение конституции, работа судов, адвокатуры в позиции сервильности властям – все более приходит в противоречие с собственными субстанциальными основаниями права.

Итак, проблема выбора как методологическая, антропологическая, историко-культурная, социально-политическая, а также связанная с инновационными технологическими процессами современности, предлагается вниманию читателя.

Ответственный редактор
Марина Киселева

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА

Игорь Михайлов

Методологический выбор между субстанциализмом и функционализмом

Человеку часто приходится делать выбор. Мы привыкли исходить из того, что это собственно человеческое занятие, если и поскольку он является осознанным. Можно даже поспорить, что в акте выбора свобода и сознание логически взаимосвязаны. Ведь если представить себе, что некто реализует свою свободу, состоящую в возможности предпочесть любой из имеющихся вариантов, не задействуя функций сознания, то такой выбор несложно представить как природно детерминированный – со стороны бессознательных механизмов или как-то ещё – и, следовательно, выбором в собственном смысле слова не являющийся. Тогда, если это рассуждение верно, сознание является логически необходимым условием свободы, которая в свою очередь лежит в основе всякого выбора. Следовательно, чтобы наше исследование человеческого выбора и всего, что с ним связано, имело надёжные основания, нам необходима работающая теория сознания. Как её найти и идентифицировать?

Настоящая статья имеет целью обоснование двух взаимосвязанных позиций.

1. Из всех имеющихся подходов в современной философии сознания следует предпочесть функционализм как единственную концепцию, избавляющую от метафизических атавизмов и в то же время спасающую предметность философии сознания от физикалистской и бихевиористской редукции.

2. Находимые в аналитической традиции версии функционализма скорее похожи на эскизы эмпирических теорий (их обзор см. [1, С. 105–111]). Чтобы поднять функционализм на концептуально-философский уровень, необходимо функциональные зависимости, построенные на каузальных связях ментальных состояний, переместить из природной в семантическую сферу, а для этого переформулировать функционалистское понимание ментальных состояний как операций «ввода/вывода» на индивидуальном уровне в их понимание как межсубъектных состояний, опосредующих коммуникационные акты.

Для целей настоящей статьи я буду определять функционализм через его противопоставление субстанциализму.

В философии сознания термин «субстанциализм» не имеет широкого хождения. Обычно функционализм противопоставляется монизму и дуализму классической метафизики, а также физикализму внутри аналитической философии, с одной стороны, а с другой – бихевиоризму как своему ближайшему подобию и предтече (см. об этом [2, Р. 73–77]). Но можно задаться вопросом: что общего в решении психофизической проблемы у различных направлений классической метафизики и у физикалистского редукционизма? «Теория тождества типов», реакцией на которую, собственно, и выступил функционализм, предполагает, что «ментальные состояния являются физическими состояниями мозга и нервной системы. Каждому типу ментальных состояний соответствует определённый тип физических состояний, более того, эти два типа связаны отношением тождества» [1, С. 104]. И тогда закономерен встречный вопрос: а в чём, собственно, различие? В частности, чем отличается представленная концепция от классического метафизического монизма? По сути ничем, кроме терминологии. А роднит эти концепции общий подход к объяснению: объяснить – значит найти «первую сущность», которая не нуждается в других сущностях для своего существования и акциденцией или атрибутом которой является объясняемое.

В этой схеме самой по себе ничего страшного нет: объяснением, в принципе, может служить всё, что воспринимается как таковое. Если лёд нам становится более понятным, когда мы узнаём, что он состоит из воды, то, возможно, и в сознании останется меньше загадок, когда мы узнаем, что оно «состоит» из нейронов

головного мозга и их электрического взаимодействия. За исключением одного «но»: если речь идёт о *философской* теории сознания, то тогда – в случае принятия такой объяснительной схемы – ей с необходимостью должна быть предпослана некая онтология, «наперёд знающая», что и как есть в этом мире, и открытая тем самым всем возможным обвинениям в догматизме. Как будто Канта и не было вовсе.

Ведь именно такой и была классическая метафизика, систематизированная Вольфом.

Субстанциализм и функционализм

Итак, под субстанциализмом в рамках и для целей данной статьи я предлагаю понимать широкий круг концепций в философии сознания, от традиционного материализма, идеализма, субстанциального дуализма (картезианства) до более современного физикалистского редукционизма, теории «тождества типов» и др., общим для которых является признание необходимой зависимости сознания и его свойств от его же субстрата-носителя, как бы последний ни понимался, равно как и неразрывной онтологической связи между ними.

Напротив, термином «функционализм» я предлагаю обозначить семейство концепций, пытающихся найти объяснение ментальным событиям при помощи выявления их функциональных зависимостей от ряда других – ментальных и нементальных – событий, отвлекаясь от их возможных онтологических экспликаций. Интересно, что, по мнению Джегуона Кима, «функционализм есть часть более широкого бихевиористского подхода к сознанию и может быть понят как обобщённая и усложнённая версия бихевиоризма» [2, Р. 77].

Согласно любопытному pdf-документу, который можно найти в ряде мест в Интернете [3], (он представляет собой email-переписку между Сёрлом, Деннетом и редактором научного журнала, состоявшуюся в 1997 г. и собранную вместе Деннетом) главный аргумент Сёрла, которым он защищается от обвинений в примитивном субстанциализме, состоит в том, что биохимический субстрат мозга обладает «достаточными каузальными силами» для

того, чтобы причинно обусловить сознание. То есть, проще говоря, он необходим и достаточен для сознания. Деннет настаивает, что в одной из публичных лекций Сёрл употребил метафору «секреции» по отношению к связке «мозг — сознание», сравнив её с отношением молочной железы и молока, чем немало позабавил Деннета и Хофштадтера. Можно сказать, что позиция Сёрла в основе своей имеет доктрину субстанциализма, а позиция Деннета может быть интерпретирована как функционализм. Он воспроизводит известную аналогию противников субстанциализма: одно время полёт так же считался функцией «биологического субстрата» птицы, и это убеждение ничем не помогало братьям Райт в их конструкторских усилиях, пока они – вполне в духе функционализма – не подошли к вопросу с точки зрения законов аэродинамики и конечной цели строительства летательного аппарата, отказавшись от попыток прямой имитации природы. Контрвозражение Сёрла: он имел в виду не «секрецию» в буквальном смысле слова, а «каузальные силы», которые, по его мнению, могут содержаться не только в биологическом субстрате мозга, но любой его заменитель должен обладать эквивалентными «каузальными силами» для «производства» сознания. Ответа Деннета на это контрвозражение в рукописи не сохранилось, но мы можем попытаться сделать это за него. Что значит быть причинно зависимым от субстрата? Когда специалисты по искусственному интеллекту (ИИ) – не философы – пытаются делать то, что делали братья Райт на начальном этапе, а именно, имитировать природу, они создают так называемые «нейронные сети», которые по сути представляют собой те же компьютерные программы, только более сложные. Тогда загадочная причинная зависимость от субстрата, демистифицированная в эксперименте, оказывается всё той же функциональной зависимостью от программы, а проблема воспроизводимости из непреодолимого теоретического предела превращается в вопрос технического искусства.

Однако Деннет и Сёрл, будучи противниками в одном контексте, становятся по одну сторону баррикад в дискуссии с Беннетом и Хекером [4], которые с витгенштейнианских позиций критикуют как «философов сознания», так и значительную часть нейрофизиологов за засорение научного языка иллюзорными субстанциалистскими терминами. Они рассматривают это как своего рода неокартезианство, которое на место субстанциального дуализма

Декарта ставит структурный дуализм тела – мозга, приписывая ментальные предикаты только последнему. Беннет и Хекер возражают против этого варианта дуализма в духе витгенштейновской концепции «глубинной грамматики»: когда говорим «я знаю» или «он потерял сознание», мы не подразумеваем мой или его мозг в качестве подлежащего. Попробуем заменить личные местоимения в этих выражениях на «мой/его мозг» – получим бессмыслицу. Свой методологический бихевиоризм авторы демонстрируют в следующем рассуждении о знании: «Если животное знает нечто, оно может действовать и отвечать на стимулы, получаемые из среды, так как не могло бы действовать и отвечать в отсутствие этого знания; если же оно действует таким образом, то обнаруживает знание. Можно сказать, что мозг является транспортным средством этих способностей, но это означает лишь то, что в отсутствие соответствующих нейронных структур животное не смогло бы делать то, что может делать при их наличии. Нейронные структуры мозга отличны от способностей животного, а функционирование этих структур от применения животным его способностей. Короче говоря, знающий есть также агент действия, и его знание проявляется [is exhibited] в том, что он делает» [4, p. 150]. Бихевиористские аргументы, равно как и уместность бихевиористского прочтения витгенштейновских идей, мы обсудим ниже.

Гипотеза ИИ

Общепринятым является мнение, согласно которому прямолинейному физикализму очень трудно преодолеть аргумент множественной реализации: «маловероятно, что ментальные состояния определённого типа должны связываться исключительно с определённым типом физических состояний» [1, С. 104]. Иными словами, ничто в известном нам мире не мешает предположить, что одни и те же ментальные состояния могут соответствовать различным типам материальных субстратов и их состояний. Так, мы предполагаем, что боль могут испытывать очень по-разному устроенные живые организмы. Но чтобы сделать этот аргумент ещё более рельефным, поговорим немного о возможности реализации человеческих ментальных состояний средствами машинного интеллекта.

Термин «искусственный интеллект» (ИИ) был введён Джоном Маккарти в 1956 году для обозначения науки и инженерных практик создания «умных машин». В настоящее время среди множества диверсифицировавшихся направлений можно выделить логическое программирование (см. интересную работу Поспелова [5]), нейронные сети [6] и мультиагентные системы [7].

В 1950 году Алан Тьюринг [8] сформулировал принцип идентификации машинного интеллекта, который вошёл в историю как «тест Тьюринга» (ТТ). Тест предполагает, что человек (тестер) должен определить, кто из его собеседников является машиной; если он может идентифицировать таковую с вероятностью, не превышающей простое статистическое распределение, она считается прошедшей тест, а следовательно, мыслящей.

До настоящего времени, несмотря на кажущуюся простоту теста, ни одна машина или программа не прошла его.

ТТ вызвал и продолжает вызывать критические атаки. Наиболее серьёзными аргументами кажутся соображения о логической связи теста и теоремы Гёделя о неполноте [9], а также предполагаемая неспособность концепции, лежащей в основе теста, справиться с проблемой *qualia*. Последний термин обозначает психические образы или переживания, к которым предположительно закрыт доступ «другим сознаниям»: видение цвета, ощущение боли и т. п. Согласно определению Н.С.Юлиной, «в общей форме можно сказать, что квалиа есть то, каким образом что-то выглядит для нас, кажется нам, в каком качестве оно предстает перед нами» [10, С. 39]. Вопрос о *qualia* уже довольно долго разделяет философов аналитической традиции на две группы: (условно говоря) «бихевиористов», настаивающих на иррелевантности *qualia* для теории значения (Витгенштейн [11, № 257 и далее] и последователи [12]), с одной стороны, и более традиционно ориентированных «философов сознания» (Сёрл [13], Перри [14]) часто именно в *qualia* усматривающих суть последнего, а не в формальных правилах и операциях с символами, – с другой.

Сравнительный анализ «измов»

Попытаемся теперь обобщить различные позиции относительно необходимых и достаточных условий интеллекта (мышления, сознания – пусть пока они будут синонимами). В качестве таких мы можем рассматривать альтернативно: (1) культуру, вслед за Ильенковым [16, 18] ↔ (2) естественное или искусственное воплощение вычислительной программы, манипулирующей символами (Деннет, Хофштадтер [19, 20]), (3) биохимию мозга (Сёрл [13, 15], Дубровский – по крайней мере, как его концепция представлена в «Проблеме идеального» [17]*). (1) и (3) можно представить как разновидности субстанциализма. Добавим еще одно измерение в виде различия холизма (акцент на социальном целом) и индивидуализма и получаем:

	Субстанциализм	Функционализм
Индивидуализм	(3)	(2)
Холизм	(1)	?

Позицию, обозначенную знаком вопроса, сформулируем в конце статьи.

Возражение против (1) и (3): что значит быть функцией субстрата? Сам субстрат, каким бы он ни был, есть, или по крайней мере понимается в рамках современной научной картины мира как определённая структура. Тогда мышление – это функция социальной, или атомно-молекулярной, или ещё какой-нибудь структуры.

* В более поздней работе в связи с критикой Сёрла Дубровский объявляет себя сторонником функционализма, однако последний видит «в качественном разграничении отношений функциональных и физических (с учетом необходимой связи первых со вторыми), в отрицании редукции функционального к физическому, в обосновании особого типа каузальности и закономерностей, не сводимых к физическим, что имеет принципиальное значение для исследования самоорганизующихся систем (где главная роль принадлежит расшифровке кодовых, т. е. функциональных, зависимостей). Эта суть выражается принципом воспроизводимости одной и той же функции на различной субстратной основе и принципом инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя» [21, С. 67]. Мне, честно говоря, пока не ясно, как эта установка сочетается с мыслями Давида Израилевича об уникальности мозга как субстрата сознания [17, С. 141, 147–148].

И тогда любое утверждение эксклюзивности структуры определённого типа в качестве претендента на роль субстрата ментальных событий очевидно несёт печать догматизма или же оно должно быть солидно эмпирически обосновано, что, конечно же, выходит за пределы компетенций философии.

Позиция (2) Деннета, по-видимому, состоит в том, что мышление есть программа, осуществляемая в мозге, но могущая быть реализована в любом субстрате (уже приведённая выше аналогия с полётом). Однако, согласно Беннету и Хекеру, локализация мышления в мозге приводит (в т. ч. и значительную часть нейрофизиологов) к своего рода *неокартезианству*, когда роль субстанций выполняют тело и мозг, и при этом ментальные предикаты приписываются только последнему. Однако знает, верит, теряет сознание и падает в обморок именно человек (животное), а не мозг. Да, это всего лишь «внутренняя грамматика» языка, но она задаёт онтологию. Можно сказать, что в случае с потерей сознания употребление «я» – лишь языковая конвенция: на самом деле речь идёт о неполадках в мозге. Но можно ли сказать, что «знать» и «думать» – это тоже предикаты мозга?

Беннет и Хекер интерпретируют Витгенштейна бихевиористски: знание есть его проявление в поведении. Насколько такая интерпретация справедлива, я надеюсь, станет ясно из дальнейшего изложения. Для этого необходимо обсудить понятие интенциональности, введённое в аналитическую традицию ученицей Витгенштейна Г.Э.М.Энскомб [22] и развиваемое в дальнейшем Сёрлом [23, р. 77–90].

Итак, позиция (3) тесно связана с концепцией интенциональности. Сознание – не столько содержание, сколько направленность на предмет, или, как её интерпретируют некоторые англоязычные авторы, *aboutness*. Согласно Сёрлу, сознание производится биологическим субстратом мозга. Следовательно, главная работа последнего – производство интенциональных состояний, основа которых – в биологической чувствительности и активности.

Интенциональные состояния тогда – в этой интерпретации – занимают своё онтологическое место рядом с *qualia*, становясь феноменами субъективной реальности, полностью не выразимыми в языке (как боль, цвет и т. п.). То есть я сначала на собственных состояниях учусь тому, что значит «знать», «полагать», «сомневаться»,

а потом уже по аналогии приписываю эти предикаты другим. Тогда должно быть некоторое «состояние сомнения», в которое входит мозг и которое сопровождается «чувством сомнения», находящимся на стороне qualia. Причиной сомнения могут быть какие угодно обстоятельства внешнего мира, их следствием должно быть состояние сомнения, а его следствием – чувство сомнения. Полная аналогия с болью: я знаю, что это такое, по своим ощущениям и догадываюсь, что другим бывает больно, по их поведению. Правда, Витгенштейн активно оспаривал такую концепцию боли [6, № 257 и далее], но дело даже не в этом. Боль – состояние не интенциональное: оно в себе содержит свой собственный предмет. А сомнение – всегда «сомнение в том, что...». Необходимо предполагается некоторый предмет сомнения и обстоятельство, которое делает его сомнительным. Возникает цепочка: (а) факт + фальсифицирующее его обстоятельство → (b) состояние мозга → (с) чувство сомнения.

Попробуем разобраться, чем с точки зрения «глубинной грамматики» отличаются выражения «я в сомнении» и «мне больно». Если следовать рассуждениям Сёрла, значением высказывания «я в сомнении» должны быть (b) или (с). Если мы говорим в первом лице, аналогия с болью может быть продолжена: я говорю: «Моё сомнение», – и подразумеваю соответствующее состояние моего мозга или «внутреннее» ощущение. Но что мы подразумеваем, когда говорим: «Его сомнение» или «Он сомневается»? Мы делаем вероятностное умозаключение? Кто-то может сказать: но ведь когда мы говорим: «У него бронхит», – мы тоже подразумеваем воспаление бронхов, о котором догадываемся по внешним признакам. Значит, наши суждения об интенциональных состояниях других суть сплошь гипотезы?

Посмотрим, может быть сама идея ИИ поможет нам в концептуальном решении этой проблемы. Представьте себя на месте конструктора искусственного «мозга», перед которым стоит задача научить машину сомневаться. У вас есть комбинация (а), которую ей предстоит воспринять и оценить; вы не знаете, способны ли в принципе заставить её испытывать (с) и насколько это вообще важно, а вот (b) – это как раз то, что и составляет вожделенное решение. Предположим, что техническую задачу восприятия и идентификации машиной действительного положения дел вы решили. Вам необходимо получить от неё сигнал полной решительности

(например, загорающуюся зелёную лампочку), если оцениваемые обстоятельства не оставляют места для сомнений, и сигнал сомнения (жёлтая лампочка), если имеющихся данных недостаточно для принятия определённого решения. Для большей реалистичности этого мысленного эксперимента предположим, что вы работаете в условиях ограниченного финансирования.

У вас может появиться искушение создать разветвлённую нейронную сеть и моделировать в ней состояние человеческого мозга, соответствующее сомнению, всякий раз, когда к тому располагают оцениваемые обстоятельства, так чтобы только через эту процедуру включалась жёлтая лампочка. Но в этом случае финансово ответственный участник вашей команды наверняка укажет вам на неоправданное расходование выделенных средств и будет прав. Да и зачем может быть нужно такое моделирование – чтобы воспроизвести (с)? Но вы никогда не узнаете, «почувствовала» ли машина своё чувство сомнения. Гораздо дешевле и разумнее, скажут вам, написать программу, основанную, например, на какой-либо «нечёткой» или «субъективной» логике, которая позволит машине включать ту или иную лампочку в зависимости от вероятностной оценки предлагаемых обстоятельств. Но тогда, возразите вы, точно так же можно имитировать и «болевое поведение», программно заставляя машину включать определённую лампочку при наличии соответствующего раздражителя. Более того, актёр, изображающий испытывающего боль персонажа, сам её, скорее всего, не испытывает... Хорошо, а если актёр играет сомнение – в чём на самом деле состоит его актёрская задача? Он должен правдоподобно имитировать «сомневающееся поведение». Значит ли это, что и сам он испытывает сомнение своего героя по ходу пьесы? Если нет, то бихевиористский принцип «сомнение есть сомневающееся поведение» оказывается под ударом.

Известно рассуждение Витгенштейна о «грамматике боли»: если бы не было «болевого поведения», то скорее всего было бы невозможно научить ребёнка правильно использовать слово «боль» [11, № 257]. Можно ли научить кого-либо сомневаться, если не существует «сомневающегося поведения»?

Вернёмся к «сомневающейся» машине. Предположим, что между её рецепторами, воспринимающими сомнительную ситуацию (а), и «жёлтой лампочкой сомнения» мы поместили сложней-

шую нейронную сеть, способную с максимальным приближением воспроизвести состояние человеческого мозга в момент сомнения. В каком случае машина должна включить это состояние? Очевидно, когда её рецепторы сообщат о положении дел, не позволяющем сделать желаемый вывод или принять желаемое решение с достаточно высокой степенью вероятности / обоснованности. И тогда на основе анализа входящих данных машина запустит программу, которая в свою очередь определит наличие оснований для сомнения и... переведёт сложнейшую нейронную сеть в состояние, соответствующее «состоянию сомнения» человеческого головного мозга. А уже наличие этого состояния станет основанием для включения жёлтой лампочки. Не похоже ли это на странную конструкцию самолёта, который после включения двигателей начинал бы хлопать крыльями, подражая взлёту голубя?

Сторонник Сёрла может сказать, что включение нейронной сети в технологическую цепочку необходимо, если мы хотим моделировать именно сознательное сомнение, а не его автоматическую имитацию, поскольку именно её состояние и есть необходимая онтологическая основа интенционального состояния, а следовательно, и сознания как такового. Но тогда резонен вопрос: если эта онтологическая основа сомнения на самом деле не необходима в случае с машиной (жёлтую лампочку – «сомневающееся поведение» – может включить сама управляющая программа), то почему мы решили, что она необходима сомневающемуся человеку?

Однако напрашивающееся в этом пункте возвращение к бихевиористскому тезису «сомнение есть сомневающееся поведение» уже заблокировано шахом, поставленным ему аргументом от актёра, способного сыграть сомнение так же, как он играет боль, не испытывая её на самом деле.

Другое возможное возражение технологического свойства: нейронная сеть не «вводится в состояние» некоей программой – она и есть эта самая «программа сомнения», только существенно более сложная. Но что это меняет концептуально? И зачем такие сложности, если лампочку можно включить значительно более простыми программными средствами?

В действительности наша проблема в её правильном концептуальном выражении состоит в другом. А именно в том, что там, где один человек усомнится, другой будет слепо верить, а

третий... тоже слепо верить, но в прямо противоположное и т. д. Если же мы построим два или более экземпляра сомневающейся машины, основываясь на простой технологии: рецептор → программа → лампочка, то они скорее всего будут завидным образом солидарны в выражении своих сомнений в сходных обстоятельствах. А ведь именно «свободу мышления», «творческий подход к оценке проблемного поля» и т. п. мы и рассматриваем в наших онтологических презумпциях как сущностные характеристики собственно человеческого сознания в отличие от управляющих программ всевозможных автоматов. И вот в этом пункте сторонник «мышления мозгом» должен встать «во весь свой рост невероятный» и провозгласить: так вот за что ответственны сложнейшие комбинации нейронов головного мозга! У разных людей они хранят различные горизонты знаний и опыта, бессознательные комплексы, обуславливают их принадлежность к различным психоэмоциональным типам, и всё это вместе предопределяет различные интенциональные состояния разных людей в одинаковых обстоятельствах. И поклонников этой в общем-то естественнонаучной – парадигмы объяснения не смущает такое концептуальное соображение: если нейронная модель помогает нам докопаться до причин индивидуальных различий в поведении и интенциональных состояниях, то... какая же это свобода? Свобода гражданина NN «сомневаться или не сомневаться» в моих глазах тогда состоит исключительно в моей досадной неосведомлённости относительно сложного комплекса причин, которые в конечном счёте предопределяют его выбор.

Но я не хотел бы здесь концентрироваться на защите свободы как фундаментальной человеческой ценности, тем более, что история знала авторитетных мыслителей, готовых покончить со «вздорной побасенкой о свободе воли». В конце концов, это не более, чем ещё одна онтологическая презумпция относительно человека. Гораздо интереснее следовать со всем возможным упорством за нашими основными путеводными ценностями: простотой и достаточностью концептуального воспроизводства возможных ситуаций.

Что сделает любой, даже не самый продвинутый программист, если его попросить построить два или более «сомневающийся» автомата, которые в сходных обстоятельствах выбирали

бы различные интенциональные состояния? Правильно, в несложную программу, управляющую цветом лампочки, он добавит рандомизатор – генератор случайных значений. И тогда с высокой степенью вероятности там, где один автомат усомнится жёлтой лампочкой, другой зажжёт зелёный свет святой веры. А теперь представим себе, что наличие другого с его (случайным?) интенциональным состоянием является важной составной частью проблемного поля первого автомата. То есть, его рецепторы воспринимают, а управляющая программа оценивает не только «Верно, что p », но и «Верно, что p , но B в этом сомневается». Предположим также, что между автоматами A и B существует некий языковой интерфейс, и каждый из них предопределён к преследованию некоторой цели с использованием в том числе ресурсов другого и при этом способен к подбору средств её достижения методом проб и самообучения на ошибках. Разве это не является достаточным описанием человеческой коммуникационной ситуации, в контексте которой только и имеют смысл такие интенциональные состояния, как «знание», «сомнение», «вера» и т. п.? Если это так и человеческий тип коммуникации в принципе воспроизводим машинами при указанных условиях, то интенциональные состояния – это не состояния мозга или осуществляющейся в нём программы. Более того, это и не модусы поведения, чем искушают возможные бихевиористские интерпретации. Это *модальности*, составляющие специфические *логические структуры* различных *коммуникационных ситуаций*.

Свободными в своей вере и своих сомнениях нас делают вовсе не нейронные сети, а коммуникационные ситуации.

Гипотеза ИИ, избавляя формулировки проблемы от антропоморфности и психологизма, обнажает её структурно-логический каркас и позволяет тем самым увидеть решение в его концептуальной простоте: слова «знание», «мышление», «сомнение» и т. п. обозначают не более и не менее, чем взаимно определяемые позиции акторов в логической структуре той или иной коммуникационной ситуации. Мозг, компьютеры и другие естественные и искусственные «дивайсы» необходимы акторам для правилосообразного функционирования, но недостаточны для того, чтобы знать, мыслить или сомневаться. Такую интерпретацию можно было бы

обозначить как *коммуникативный функционализм*, если бы не тяжеловесность этого термина. Возможно, со временем обнаружится лучшее название.

Литература

1. *Иванов Д.В.* Функционализм. Метафизика без онтологии. // Эпистемология и философия науки. 2010. № 2.
2. *Kim, Jaegwon.* Philosophy of Mind. Brown Univy, Westview Press A Subsidiary of Perseus Books, L.L.C, 1998.
3. <http://www.scribd.com/doc/45344182/Dennett-vs-Searle>.
4. *Maxwell Bennett, Daniel Dennett, Peter Hacker, John Searle.* Neuroscience and Philosophy. Brain, Mind, and Language. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2007.
5. *Поспелов Д.А.* Десять «горячих точек» в исследованиях по искусственному интеллекту // Интеллектуальные системы (МГУ). 1996. Т. 1. Вып. 1–4. С. 47–56.
6. *Hopfield J.J.* Neural networks and physical systems with emergent collective computational abilities // Proc. NatL Acad. Sci. USA. Vol. 79. P. 2554–2558. April 1982. Biophysics.
7. *Mathias Scheutz, Virgil Andronache.* The Apoc Framework for the Comparison And Evaluation of Agent Architectures // Proceedings of Aaai Workshop on Intelligent Agent Architecture. 2004. P. 66–73.
8. *Turing A.M.* Computing Machinery and Intelligence // Mind. (49)1950. P. 433–460.
9. *Lucas J.R.* Minds, Machines and Gödel // *Minds and Machines* / Ed. Alan R. Anderson. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1964. P. 14.
10. *Юлина Н.С.* Головоломки проблемы сознания. М., 2004.
11. *Wittgenstein L.* Philosophical investigations. Oxford: Blackwell, 1968.
12. *Норман Малколм.* Состояние сна. М.: Прогресс, 1993.
13. *Searle J.* Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. (3)1980. P. 417–457.
14. *Perry J.* Knowledge, Possibility and Consciousness. The MIT Press Cambridge (Mas.); L.: England, 2001.
15. *Searle J.* Intentionality. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
16. *Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. Киев: Час-Крок, 2006.
17. *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002.
18. *Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Вопр. философии. 1979. № 6–7.

19. *Douglas Hofstadter*. Reflections on Searle // Hofstadter and Dennett (eds.). *The Mind's I*. N. Y.: Basic Books, 1981. P. 373–382.
20. *Daniel Dennett*. *Brainchildren, Essays on Designing Minds*. MIT Press and Penguin, 1998.
21. *Дубровский Д.И.* Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007.
22. *Elizabeth Anscombe*. *Intention*. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1957.
23. *John R. Searle*. *Consciousness and Language*. Berkley: **Univ. of California**, 2002.

Елена Ярославцева

Выбор как поиск синергийного результата

Человек в ситуации выбора решает серьезную проблему, которую в сжатом виде можно обозначить следующим образом. Необходимо, во-первых, осознать множественность предстоящих действий. Подобная ситуация проявляет потенциальную потребность системы в открытой перспективе развития, которую она стремится и, как правило, чутко реагирует на ограничения в этой области. Во-вторых, опираясь на кооперативный, синергийный эффект взаимодействия, который обеспечивается множественностью, нужно искать наиболее оптимальные решения. Именно в этом состоит суть выбора и свободы. Наконец, свой выбор в настоящем времени, человек по существу, должен делать прогноз, связывать свое еще не наступившее, виртуальное будущее с опытом и ресурсами прошлого.

Человеку приходится отыскивать тот единственно возможный вариант, который, как он предполагает, будет соответствовать решению его задач в отдаленном времени. Здесь вероятны столкновения множества возможностей с предопределенностью однозначного выбора. Противоречие состоит в том, что множество возможностей гарантирует системе устойчивость, но перспектива развития связана с выбором определенности. Последнее оказывается зависимым от активности человека, его способности продумывать и творчески конструировать перспективу. Можно говорить о противоречии между накопленной ресурсной базой для реализации выбора среди многообразия возможностей и ориентацией

человека на сохранение самих ресурсов в неизменном состоянии. В этом случае появляются трудности в определении перспективы развития; она остается фактически свернутой, не выявленной для самого человека.

Выбор одного варианта из веера возможностей можно назвать *линейным* – наиболее простым, очевидным, который человек может воспроизвести и повторить несколько раз. Подобного рода выбор относится к таким повседневным задачам, как выбор продуктов, материалов, а также книг, программного обеспечения и прочего – того, что уже не изменяется и существует как данный человеку предметный мир. Осуществляя в своей повседневной практике множество **линейных** выборов, способных к репликации, человек одновременно встречается с обстоятельствами иного рода, когда возврата к предыдущей ситуации (повторения) в принципе сделать невозможно. Тогда он имеет дело с нелинейными, незавершенными событиями, требующими интегрировать уже не вне, а внутри себя множество условий. Совершенный выбор оказывается необратимым, поскольку процесс, в котором он задействован, приводит человека к качественному изменению жизни. В таком случае становится понятно, что происходит более сложное и значимое событие, чем то, которое следует за перебором вариантов. Результаты такого **нелинейного** выбора также оказываются более сложными, так как они продуцируют многообразие следствий, которые невозможно предусмотреть заранее.

В нелинейном процессе срабатывает механизм объединения **потенций той пары возможностей**, между которыми человек выбирал и которые дали вполне понятный, но непредсказуемый заранее результат. Надо заметить, что он выбирал «между» возможностями, а не один из многих имевшихся в зоне внимания объектов. При определении ориентиров, как учил еще Аристотель, лучше придерживаться не крайних позиций, а тех, которые содержат в себе элементы обеих, то есть выбор сопряжен с нахождением *меры*, «золотой пропорции» или, по существу, как учил еще Аристотель, «золотой середины»¹.

В сфере идеального соотносятся цели, намерения, знание и незнание, добро и зло и т. д. и т. п. В такой ситуации выбор – непосредственное **соразмерение различных** сторон и обстоятельств, определяющих действия, их причины и последствия. Человек осу-

ществляет выбор – значит, **ищет меру**. Он не пользуется тем, что уже есть, что готово к его услугам, а предпринимает действия по созданию некоторого нового явления. Важно заметить, что в коммуникации человека значимой оказывается не одна из двух возможностей в соотнесенности двух факторов, а возникающая как итог соразмерения *третья*, являющаяся перспективой развития и определяющая его выбор. Эффект коммуникативной активности человека, которая поддается ретроспективному анализу, позволяет в подробностях увидеть, что именно реализовано в результате совершенных действий, но только тогда, когда уже подведены итоги. Поэтому вернуться к исходной ситуации и произвести «другой выбор», несмотря даже на строгое воссоздание условий, похожих на «первичные», невозможно.

Результат нелинейного выбора можно считать **синергичным**, показывающим, как через коммуникации человек получает осуществление различных возможностей. Он переводит зародившиеся возможности открытой системы из потенциального состояния в актуальное, придавая им направленность и определенность, формируя в них аттрактор цели. Коммуникативные способности индивида являются «волшебным средством», которое творит перспективу развития и создает будущее как факт реальности.

Выбор, как видим, осуществить непросто. Представляется еще одна ситуация, когда для него не нужно ни многообразия возможностей, ни даже соотнесения двух или нескольких предметов. Это – **рутинный выбор**. По существу человек ежедневно совершает банальную процедуру: делает выбор, сопрягает два фактора, один из которых постоянный – это он сам. Проблема в том, что человеку трудно абстрагироваться и наблюдать за собой, хотя он постоянно смотрит на мир со своей собственной точки зрения. Факторы внешнего мира – природы или социума – всегда существуют в зоне его внимания и требуют личного отношения. Человек реализует себя как свободная открытая система и, вступая во взаимосвязь, всегда должен соразмериться, создать такое соотношение, которое может быть благоприятным для его перспективного развития. По технологии осуществления эта ситуация может быть названа реализацией свободного выбора, а значит, человек совершает выбор практически постоянно. В целом можно сказать, что индивид всегда находится в ситуации свободного развития и,

как становящаяся, постоянно усложняющаяся система, осваивает в процессе коммуникации новые пространства, а также и саму технологию эффективных коммуникаций, которая и есть выбор. В процессе интерактивного взаимодействия человек создает вокруг себя среды разного уровня проблемности, в частности, те три варианта, которые были описаны выше: линейный выбор (1), нелинейный, синергийный выбор (2), рутинный выбор (3).

* * *

В определенном смысле ситуация выбора для человека онтологична. Она является свойством поведения любой биологической системы, различия существуют лишь в степени сложности. В своем развитии система проходит много разветвлений, которые можно понимать как «протоформу» действия выбора. И если обратиться к уровням формирования организма человека, то увидим, как осуществлялся этот процесс в филогенезе, а также особенности проявления в период онтогенетического развития индивида. Это бытийственное состояние индивида, которое глубоко связано с естественным природным процессом. Проявление филогенетических качеств в его онтогенезе имеет вполне реальную форму пробуждения в организме индивидуальных потенций. Происходит развитие психофизиологических основ природы человека, что в начале прошлого столетия подробно изучено в работе отечественных психологов².

Сложную деятельность человека можно разделить на пять уровней движения, которые выделил в процессе исследования российский советский ученый Н.А.Бернштейн³. Это *уровни А, В, С, D, E*, которые проявляются по мере физиологического развития организма как результат расширения возможностей его мозга. В этой концепции показывается, как новые системы сигналов биосистемы появляются в непосредственной связи с формированием уровней, слоев и нервных волокон в мозге, в различных его участках, имеющих разную толщину коры⁴. Уровни *А, В, С* можно наблюдать как у сложноорганизованных животных, так и у человека. Уровни *D* и *E* только у человека. Каждый новый надстраивается над предыдущим, создавая более сложную и в то же время более открытую

систему связей организма с внешним миром, и становится новым вариантом использования тех действий, которые делает человек на предыдущем уровне. Уже на самых первых этапах формирования можно обнаружить ситуацию выбора.

На уровне А (тонический) организм проявляет свою способность подстраиваться под внешнюю среду; *на уровне В* (объединение в движении, синергии, штампы) возникает способность создавать синергийный эффект, например, согласованное взаимодействие органов тела, т. е. создание функциональных органов, а также способность совместных движений в стае, массовых коммуникаций. *На уровне С* (формирования пространственного поля) происходит опредмечивание потребностей, вписывание человека во внешний мир, пространствование предметных коммуникаций. Но, по мнению ученого, «в области **предметных действий и смысловых цепей** все, чем располагают даже антропоидные обезьяны, является лишь элементарными зачатками по сравнению с неисчислимыми психомоторными богатствами, освоенными человеком»⁵. *На уровне D* (действия по правилам и схемам) формируется умение решать задачи, а *на уровне E* (действия на основе интеллекта) возникает способность создавать образы, цели, формировать движения в перспективу. «Каждая более новая координационная система, – отмечает Н.А.Бернштейн, – ...обозначаемая нами как очередной уровень построения движений, вносит в обиход центральной нервной системы... новые способы восприятия этого материала, его оценки, осмысления и синтезирования с донесениями до других органов чувств и вытекающее из этого измененное на новый лад реактивное отношение к внешнему миру... Развитие уровня синергий, эффекторно обслуживаемого pallido, идет в ногу с формированием основных массивов главного сенсорного средоточия головного мозга – зрительного бугра»⁶.

На основании концепции уровня движений ученого-физиолога современный исследователь-биолог Е.В.Максимова⁷ разработала систему «уровней общения», в которой сделан акцент на разработке возникновения и проявление произвольности в действиях человека. В этой системе, как можно предположить, происходит формирование уровней свободы. Каждый этап развития, переход в новое состояние сопряжен с предварительным построением новых связей, а затем, при возникновении соответствующей доминанты,

с использованием сформировавшихся связей как управляющих по отношению ко всем предыдущим уровням движений. Такого рода возможности психофизиологического уровня связаны с образованием новых слоев нервных волокон мозга, их миелинизацией и созданием работоспособных связей. Новые нервные волокна коры головного мозга обеспечивают существование возникающих уровней движения, которые подобно матрешкам как бы вкладываются друг в друга, служа для новых уровней фоном. При этом связи между ними имеют не иерархический, а «кооперативный» характер⁸, благодаря чему система регуляции движений является динамичной и самоорганизующейся⁹.

Исходные уровни, по Бернштейну, начинают формироваться еще в перинатальном периоде, а два последних завершаются уже в достаточно взрослом возрасте. Каждый новый уровень движения осуществляет своеобразную связь с предшествующим, соотносится с ним, при этом всегда есть доминирующий уровень. И система каждый раз совершает выбор перспективы: посредством эфферентационных процессов через обратные связи¹⁰ постоянно происходит перепроверка, насколько готова окружающая среда поддерживать актуальные действия организма. Заметим, что здесь идет речь не о сознательном выборе, а скорее о той его форме, которая, являясь динамичным биологическим процессом, совершается постоянно, как рутинная связь через отношение организма как целостности с самим собой, со своей данностью.

Если абсолютно, тотально доминирует *уровень А* (первичный, тонический животный), то следующий – *В* – может в нужной полноте и не возникнуть, поскольку игнорируются условия, необходимые для его поддержки. В связи с этим онтогенез, как самостоятельный протекающий системный процесс, может выйти из зоны открытых возможностей развития, и система перестанет усложняться, что не позволит ей подняться на новый уровень. В этом случае совершается своеобразный онтологический выбор, система в своем онтогенезе фактически **выходит из зоны порождения перспектив**, создания нового аттрактора и развития более сложного аутопоэзиса¹¹. Если организм успешно, целостно выходит на *уровень В*, то система начинает усложняться и через внутренние согласования развиваться. И это происходит в той мере, насколько она способна координировать взаимодействие отдельных частей усложняющегося организма.

Охватывая всю целостность последнего, *уровень В* настолько же **тотален**, как и *А*, но при этом он, как более сложный, надстроенный, расширяет сектор возможностей. Одновременно он полностью снимает, включает в себя *уровень А*, не уничтожая его, но сам становясь доминирующим. Надо заметить, что они продолжают оставаться самостоятельными, но очень тесно связанными, строя по необходимости новые продуктивные связи, создавая соотношения. Из этой соотнесенности образуется точка роста, которая создает внутреннее напряжение, **потенцию** развития.

При становлении организма человека на *уровне В* формируется способность координации. Его можно еще назвать уровнем синергий. Парные органы позволяют увидеть синергийный эффект особенно ярко, создавая своеобразный функциональный орган (Ф.О.) Среди них наиболее заметным и хорошо наблюдаемым парным органом являются глаза, которые работают как целостная система, позволяющая человеку эффективно соотносить себя с внешним миром. При этом важно заметить, что конвергенция глаз, т. е. их объединение на цели, проходит более успешно, если человек использует указательный палец. Подобное совместное взаимодействие самостоятельных органов также создает синергийный, кооперативный эффект, порождая *указательный жест*, который по существу выводит человека на новый, более высокий уровень развития, позволяя ему уверенно вести себя в пространстве, динамично соотнося себя с природными объектами.

Здесь проявляет себя нелинейный выбор биосистемы. Потенциальные возможности глаз позволяют интерактивно находить цель «между» ними на любом доступном отдалении, и даже создавать виртуальный образ, используя его как точку опоры в дальнейших построениях. Интересно заметить, что эта ситуация подобна созданию *зонда*, который позволяет прощупывать перспективу, только эта деятельность осуществляется на биологическом уровне, зрительно, лишь глазами. Человек становится способным рассматривать незнакомое для себя пространство, совершая поиск и выбор цели. Он может выделить как одно из нескольких устремлений (1), так и за счет своеобразного синергетического объединения эмоции и действия (2) получить новую возможность достижения результата. Эмоционально насыщенная целеустремленность создает интегральное состояние, сфокусиро-

ванное на перспективу, приобретающее свой аттрактор движения. Стремление становящейся системы к этому фокусу¹², реализация цели становится условием получения как эмоционального удовлетворения, так и завершения поставленной задачи.

В основном, как можно предположить, *уровни А и В* формируют в организме человека через доминирование последнего, потенциальные состояния, которые готовят его к выходу в открытую перспективу, выбрасывая в свободное пространство мира из замкнутой хорошо сбалансированной биологической сферы организма. Указательный палец приобретает надстроенную над физиологической новую, интегрирующую функцию. Превращаясь в доминанту, он становится фактически первой системой, приспособленной для внешнего тестирования и соответственно выбора. В этом случае через интерактивные сонастройки происходит переход к более сложным уровням действий.

На качественно новом, также имеющем физиологическую базу *уровне С* – в пространственном поле человека – происходит поглощение, снятие предыдущих *уровней (А, В)*, а также установление доминирования *уровня С*, позволяющее перейти к творческому освоению внешнего мира. Важно, что на этом уровне внутренние по своему происхождению индивидуальные потребности опредмечиваются, получая закрепление вовне. Для человека тоже становится очевидным, что он вступает в определенные отношения с внешним миром, что он совершил переход из внутреннего во внешнее. Скорее всего на данном этапе у него обозначилась возможность выделения из природы, создания собственно человеческих сфер коммуникации. При доминанте пространственного поля связь с внешней средой может устанавливается фактически любым способом, посредством всех функциональных органов (частей тела), подтверждая тем самым реальность выбранных целей и возможность их успешного достижения. В итоге среди значительного количества проб закрепляются те действия, что дают эффективный результат. У человека ведущую роль стали играть руки, которые также являются парным органом и в потенциале всегда содержат синергию, формирующую кооперативный результат. Но если по каким-то причинам руки отсутствуют, то их могут замещать другие органы, в какой-то мере компенсирующие возникшее у человека ограничение.

На *уровне С* также происходит становление новой системной целостности, сложный организм вписывается в социум. Возникает собственное интерактивное пространство, топос человека, где он может успешно реализовать себя, имея достаточно высокую по сравнению с предыдущими уровнями (*A и B*) свободу действий. Он постепенно начинает осознавать свое нахождение в расширяющемся свободном пространстве, встречу с безграничным богатством визуального мира и вновь оказывается перед необходимостью выбора, поскольку охватить все сразу невозможно. Индивид открыт, проявляет себя непосредственно, как есть, осуществляя все действия «здесь и сейчас». В целом этот уровень характерен для действий ребенка, наивно воспринимающего и исследующего мир.

Подобная модель поведения за счет искреннего самопроявления человека часто называется детской и позиционируется как идеальная. Но в случае закрепления такой модели у взрослых возникает опасность инфантилизма: *уровень С* может надолго остаться доминирующим, не позволяя системе организма проходить новые стадии усложнения. Взрослый окажется ребенком, демонстрирующим поведение, в котором мало ответственной активности, но много переживаний незащищенности и претензий к внешнему миру. По существу речь идет о страхе выхода в принципиально новую открытую среду, где нужно вновь обрести устойчивость и весьма трудно существовать в прежнем состоянии, необходимо постоянно восстанавливать свою целостность.

Сложность этой задачи связана с онтологической особенностью нового уровня, позволяющего дробить внешний мир. *Уровень D* – это формирование способностей действий по правилам и схемам. Здесь происходит важнейший процесс – дифференциация целостного мировосприятия, его структурирование, опора на внешние знания, схемы. Это новый уровень сложности, где у человека уже неизбежно появляются мотивы, воля, направленные действия в **предвосхищаемом, потребном будущем**¹³. *Уровень E* показывает действия на основе интеллекта: умение создавать образы, цели, формировать перспективные действия на основе самостоятельно поставленных задач. На уровнях более высокого типа сложности – *D и E* – мозг созревает в той степени, что могут формироваться абстракции, возникает самоустремленность, опора на

образы, способность к активной работе с интеллектуальными схемами. У взрослого они доминируют в развитии, а предшествующие уровни становятся фоном. По существу он сам уже осознанно встречается со своей сложностью, строит отношение с самим собой, осознавая личные качества, совершенствуя способности самоорганизации. У человека возникает устойчивое доверие как к внутреннему опыту, так и к внешней реальности, которые инвариантны друг другу, вполне соотносимы и определены в характеристиках. Он может повышать свою активность, создавать собственные цели, порождая аттрактор деятельности.

Развитие *уровней D, E* делает в целом более богатым опыт деятельности, поведения человека: способности мышления суть результат развития этих уровней мировосприятия. Человек ментальным образом создает собственное идеальное. Но переход на более высокий уровень построения движений проблематичен, поскольку происходит перебалансировка многих систем организма, вызывающая различные переживания. Порой очень серьезные переживания, связанные с потерей прежних ценностей, переосмыслением своего места в мире.

Необходимо заметить, что *уровни C, D, E* могут сосуществовать в виде определенных поведенческих элементов, не поглощая друг друга полностью: они не тотальны. Сектора свободного развития становятся столь обширны, что позволяют «разместиться» всем обретенным опытам. Рядом с совершенно детским эмоциональным поведением может соседствовать достаточно зрелое умение работать в интеллектуальной области. Могут формироваться профессиональные навыки.

Вызываемое адаптационными процессами **расширенное формирование** систем организма, появление новых уровней свободы становится принципиально важным качеством онтогенеза человека. Но одновременно это является испытанием, специфической нагрузкой. Нередко бывает, что какие-то уровни могут развиваться не в полной мере, «выпадать» из онтогенеза, создавая особенности характера или даже риски патологий. В норме динамические изменения ведут к активизации компенсаторных механизмов на уровне биологических систем организма, поиску компромиссов и порождению особенных траекторий развития индивида подобно тому, как на дереве после его обрезки развиваются как инвариантные

структуры, нужные ветви. Но возможны также ситуации, когда появляется ограничение свободы через избыточность возможностей линейного (1) выбора: формируется сильнейшая перегрузка, и система, если она не может создать самоограничение, начинает резко тормозить в развитии. Она фактически не может противостоять предложению, навязывающему множество вариантов выбора, за которым стоит с необходимостью множественная ответственность. И также не способна найти синергичное решение.

Наличие в онтогенезе человека сложных уровней действий, их различное соотношение между собой, а также динамика могут создавать многообразные функциональные модели, поведенческие формы. Настройка новых реакций организма на внешнюю среду возникает как синергетический эффект в соотношениях уже накопленных качеств. Однако при этом необходим определенный баланс: все должно находиться в продуктивном соотношении. Фактически на пяти уровнях, охватывая их как целостность, существует специфическая обратная связь, которая показывает естественные ограничения человека, его организма, возникающие при выполнении тех или иных действий.

Поскольку всякая устойчивая система, стремящаяся сохранить себя, обеспечивая воспроизводимость онтогенетических качеств индивида, существует в определенной мере как закрытая, то развивающийся человек встречается с весьма серьезными ограничениями. Поскольку расширяться во все стороны организму не удается – на это не хватает ресурсов, выбирается какое-то одно из направлений, которое одновременно и сохраняет систему, и открывает перед ней определенную перспективу. При этом важно, чтобы это была не просто линейная устремленность и выход за пределы, фактически разрушение границ системы, а создание новых связей, соотношений. Человек выходит из зоны своих стандартов, штампов, которые вместе с синергиями обнаруживают себя уже на *уровне В* через такое усложнение, результаты которого он не всегда способен предвидеть. На непредсказуемость выбора в момент неустойчивого состояния системы и возникновение точки бифуркации указывает синергетическая теория, в которой одновременно подчеркивается богатство открывающихся возможностей, возникновение эмерджентных качеств системы¹⁴.

Надо заметить, что человек не разрушает предыдущие состояния, но, опираясь, отталкивается от них. Это можно считать своеобразным «невозвратным» усложнением, когда исходные структуры становятся материалом для преобразований в более сложные соотношения и их уже невозможно восстановить в прежнем варианте: они начинают развиваться в самостоятельную инвариантную систему. Предшествующих связей уже не вернуть: исходную целостность уже не реанимировать, уровень сложности – не упростить. В каком-то смысле такие обстоятельства дают положительный результат: они защищают сформировавшуюся систему от деструкции, а способность человека к сложному, синергичному выбору (2) гарантирует самосохранение. Можно сказать, что у человека естественным образом складываются и закрепляются модели поведения, опыт свободы/выбора. Свобода – выход за границу стандартов, складывающихся на каждом из уровней, а выбор – наиболее эффективный способ обеспечения этого выхода.

Свобода и выбор как глубоко онтологически укорененные потребности человека существуют одновременно и как уникальное, и как стандартное качество. Уникальность в том, что высока ценность развития, связанная с выходом за пределы ограничений, который не может совершаться иначе, как индивидуально. Стандартность отражает другую сторону: выработался устойчивый инвариантный механизм, который воспроизводится в некоторых случаях уже автоматически. Выбор в этом контексте представляется как специфическая деятельность по превращению абстрактных возможностей (свобод) через постановку цели в более конкретные перспективы. По существу человеку необходимо научиться создавать цели, развивать собственную целеустремленность. В определенном смысле это технология порождения аттрактора цели на основе соотношений, которые человек создал при осуществлении выбора. Находясь в неустойчивой ситуации, он сопрягает как минимум две величины, определяя вектор движения, перспективу собственной практической деятельности. Одновременно формируется чувство ответственности, основанное на существовании системной обратной связи с собственной целью, на способности человека к рефлексии, что в определенном смысле отражает феномен совести. Возникновение элементов внутренней собственной

самонастройки, баланса приводит к становлению самостоятельности, самости человека. Проявляется его нрав, тип реагирования нервной системы, способный создавать как ограничения, так и преимущества действующего индивида, показывающий его чувство меры, мораль.

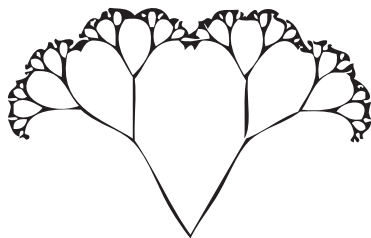

Рис. 1. Фрактальные зонтичные деревья или фрактальные кроны

Не исключено, что последнее состояние может коррелировать с психофизиологическими возможностями, которые соответствуют *уровню E* (действия на основе интеллекта), но формирование этих уровней филогенетически не завершено, открыто в своем становлении; они остаются потенциально непроявленными, позволяющими предполагать возможность проявления новых сфер интеллекта человека. Логика развития сложных систем подсказывает, что здесь может возникнуть интенсивный процесс, аналогичный развитию фрактала по типу дерева или зонтика, который приобретает стремительное ускорение¹⁵ и охватывает через интерактивный топос все этапы становления целостного организма.

Возможно говорить даже о формировании дополнительных уровней, основанных на появлении не существовавших ранее связей и соотношений между сферами интеллекта человека и биоса. Современный процесс развития научных технологий предполагает такую возможность. Область «искусственного интеллекта», который в прошлом веке был представлен просто «умными машинами», сегодня являет собой множество открытых проектов, вплоть до создания искусственного человека, аватара¹⁶, который в принципе может иметь совсем не человеческую, привычную сегодня для нас оболочку. Соматическая сфера, биос, развивав-

шийся на всех рассмотренных выше уровнях *A-E* натуральным образом, сегодня становится областью приложения медицинских и биологических технологий, подвергается активной конструкции и деконструкции¹⁷.

Конкретные результаты исследований в этих областях позволяют говорить о бифуркационном процессе, взрыве инвариантов развития. Близкие каждому человеку жизненные устои стремительно наполняются новыми смыслами и реалиями. В популяции человечества есть уже несколько поколений, рожденных посредством искусственного оплодотворения (*in vitro*); существуют дети, у которых есть и биологические, и «социальные» родители (заказчики); растут дети, воспитываемые в однополой семье или имеющие неустойчивых по половой принадлежности отца или мать, и пр. – все это сюжеты, о которых в прошлом веке не заходила речь даже в самых смелых фантазиях. И нередко потому, что работал внутренний культурный код, не позволявший предположить возможность подобного выбора, попытку выйти за эти культурные нормы, стандарты. Сегодня эти границы вполне проницаемы для воплощения самых смелых проектов.

* * *

На сегодняшний день можно говорить о принципиальном преодолении границы не просто в области познания, но и в практике вмешательства в порождение жизни на клеточном и на геномном уровне. Искусственные биологические среды – это современная реальность, которая способна внести серьезные изменения в физиологический уровень развития организма. Российские ученые из Новосибирска успешно моделируют нервную систему организма¹⁸. В США в 2010 г. завершился проект по разработке искусственного гена, позволивший создать синтетическую жизнь. В принципе этот клеточный конгломерат способен уже в ближайшее десятилетие встретиться с организмами, восстановленными из анабиоза¹⁹. Персональное развитие оказывается принципиально открытым процессом, который позволяет моделировать большое количество сложных систем с разными способностями устойчивости. Эксперименты в этом направлении продолжаются.

Насколько человек как природная биосистема окажется устойчивым к производимым трансформациям, зависит во многом от того, как он будет осуществлять выбор в практически непрогнозируемой ситуации. Человек фактически остается один на один со своей свободой, предложенной ему постоянно усложняющимся аутопоэтическим развитием²⁰. Сегодня сама постановка вопроса об изменении соотношений показывает перспективу многократного увеличения вариантов взаимосвязей между новыми областями. Если учесть, что рассматриваемые сферы сами интенсивно трансформируются, то ситуацию можно определить как близкую к состоянию хаоса. Но именно в нем – в предельном выражении свободы – с большой долей вероятности возникают возможности выбора. Наибольшего эффекта достигнут системы, имеющие опыт успешного развития на основе принципов самоорганизации, что вполне доступно человеку с его длительным опытом филогенеза, чего в принципе нет у искусственных систем. Надо заметить, что технологии, которые моделируют жизнь человека, стремятся воспроизвести именно этот принцип природы – способность к саморазвитию. Форма в этом случае не имеет принципиального значения: биосистема человека становится лишь поставщиком идей, как в свое время ими были объекты живой природы, а технологии соответствуют уровню знания, научно выявленных закономерностей. В этом смысле онтологически человек всегда обгоняет себя же познающего, гносеологического. Он может сохранить приоритетные позиции, если будут успешно соревноваться со своими собственными изобретениями, моделирующими естественный процесс.

Существуют современные компьютерные технологии, активно развивающиеся **tach-модели, представленные интерактивным оборудованием для образовательного пространства, а также для индивидуального пользования²¹**, позволяющие переходить к работе непосредственно рукой. В них идет воспроизводство «указательного» – естественного, самого древнего типа навигации организма, успешно интегрирующего все его разноуровневые возможности. Сферой коммуникации на интерактивных поверхностях является искусственное программное пространство, а точнее, плоскость, в которой интегрировались две функции – направления себя и управления имеющимся мультимедийным объектом. Причем указатель-

ную функцию может по существу играть любой палец. Здесь, как можно заметить, есть выход за пределы стандарта: никто не указывал мизинцем или всеми пальцами по очереди. Навигационные способности через такое соприкосновение активируют точки мозга, которые никогда не были связаны с этой функцией, создают запрос на создание соответствующего интегрального нервного возбуждения, которое не требовалось ранее.

Решение этих задач является новым в онтологическом плане опытом, и в то же время они наиболее экологичны, естественны для человека, способствуют открытию его индивидуальных, персональных возможностей. Они вполне могут быть доступны не только человеку на ранних этапах развития – ребенку, но и тем, кто уже не склонен расширять свой личный опыт, людям преклонного возраста, социально дезадаптированным членам общества, которым важно получить новый импульс развития. В высшей степени это может быть полезно людям с ограничениями в развитии (ОВЗ), не имеющим возможность реализовать свой потенциал стандартным образом.

Практически для всех групп социума в области обучения можно эффективно использовать современные интерактивные поверхности (доски, планшеты), на которых возможно осуществлять действия рукой, а при необходимости и другим образом, более быстро достигая результата. Указательный жест, тактильное касание позволяет увидеть включенность в работу разных, от *A до E*, уровней движения. Еще более глубокой интегрированностью может отличаться работа уже не на плоскости доски, а в новом, активно развивающемся интерактивном пространстве, с 3D моделями. Для человека это в принципе тоже выбор нового уровня свободы, выход в нестандартные, но близкие по экологическим параметрам ситуации.

Важно подчеркнуть, что искусственные системы будут полезны в том случае, если они смогут активировать систему внутренних движений человека, аналогичных его природным потребностям как вида *Homo sapiens*. Это позволит воспроизвести те модели соотношений и связей с внешним миром, которые вырабатывались естественным путем. Тогда можно ожидать и поддержки внутренних устремлений человека **к свободе и выбору**, которые бы не замещались инфантильной установкой на создание искусственной среды, где человеку можно было бы ничего не делать.

Если рассматривать ситуацию в целом, то следует сказать, что развитие как единый процесс имеет устойчивую тенденцию выделения человека из природы, из его естественной среды обитания. В далеком историческом прошлом это стало для предков человека важнейшей возможностью расширения потенций, приобретения все новых уровней сложного развития. Сегодня можно заметить, что происходит усиление данной тенденции, существует стремление к преодолению любых **биологических ограничений**, что стало знаком времени, параметром современного цивилизационного развития, сформировавшего противоречивую ситуацию. С одной стороны, человек стремится, передав рутинные функции машине, освободить себя от давления необходимости; а с другой стороны, помещая себя в экспериментальные условия, в непредсказуемые ситуации, ставит перед жестким выбором, чреватым потерей себя как человека.

В каком-то смысле можно говорить, что индивид стремится покинуть тот **сектор свободы**, созданный им в ноосферной природной нише, где он мог в определенной мере доминировать и соответственно контролировать процесс природной жизни. Фактически именно он, как утверждают современные философские исследования, конструировал мир²². Природная среда, которая попадала в область практических интересов человека, представляла собой естественный объект исследований и преобразований. Сегодня ее дополняет и активно расширяет машинная и робото-техническая среда, создаваемая самим человеком, мультимедийные 3D пространства, а также сетевое пространство коммуникаций, порождающее виртуальное общение, необычные для большинства психологические состояния. Здесь складывается тот опыт, который не был известен человеку в его природных состояниях, в филогенетическом развитии. Он не столько управляет биосом, сколько перестал жестко зависеть от условий и ритмов его развития. Здесь *уровень E*, система интеллектуальных доминант становится ведущей.

Но принципиально открытой возможностью становления свободы и выбора остается социальная среда, в которой с опорой на технические и технологические прорывы реализуются потенции индивида. Нередко оказывается, что свобода одного становится не просто прорывом собственных ограничений, но и одновременно вторжением в границы другого. Реализовав свою свободу, человек нередко ставит других в положение внешней

среды, внешних условий своего существования – своеобразного ресурса, за счет которого реализуется его свобода. В результате многие члены социума не могут выйти за пределы собственных ограничений, становясь своеобразным условием и способом реализации свободы других индивидов, играя роль активного компонента среды. Различные формы личностного существования, интерактивный топос таких индивидов, способы индивидуальной самореализации становятся близки к нулю. Одновременно надо заметить, что таковой социально успешный гиперактивный индивид, вступая в коммуникацию с таким подавленным им, несвободным индивидом, сам не сможет достичь продуктивного результата, поскольку синергичное взаимодействие, кооперативный эффект возможен только при соразмеряемых потенциалах свободы у всех взаимодействующих сторон. Сможет ли человек выйти в более широкие пределы социального пространства, создать модели эффективного и неразрушительного взаимодействия, сохраняя свои функции, приобретенные в процессе развития, остается сегодня большим вопросом.

Решать возникающие проблемы необходимо на основе комплексного подхода к рассмотрению описываемых моделей и типов выбора человека.

Примечания

- ¹ См.: *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984. Шестая книга «Никомаховой этики» посвящена интеллектуальным добродетелям. Как поясняет Аристотель: «Следует избирать середину, избегая излишеств и недостатков. Середина соответствует правильному порядку» (17.04.12. 21-00 // http://velikanov.ru/philosophy/nikomahova_etika_aristotel'.asp).
- ² В России с 1912 г. под руководством Г.И.Челпанова начал работу Психологический институт, ставший флагманом российской экспериментальной психологии, несколько десятилетий активно работавший в советский период в составе Российской академии наук.
- ³ Н.А.Бернштейн, известный российский ученый, с 1922 г. возглавлял Институт труда; его основная работа «О построении движений» вышла в 1947 г. Его идеи о синергии упоминает в своих работах Г.Хакен.
- ⁴ Ниже даны названия этих уровней в системе неврологических понятий. **Уровень А. Стволово-спинальный** (палеокинетический) уровень, управляющий аксиальной мускулатурой, обеспечивающий тонус всей мускулатуры и

поддержание равновесия. **Уровень В. Таламо-паллидарный уровень** (уровень синергии и штампов), ответственный за стереотипные, часто повторяющиеся синергии, которые вовлекают большие группы мышц, а также требуют временной координации и непрерывной проприоцептивной коррекции. **Уровень С. Пирамидно-стриарный уровень** (уровень пространственного поля), обеспечивает выполнение движений в пространстве, которые требуют формирования интегрированных представлений о внешней среде путем синтеза зрительной и иной сенсорной информации. **Уровень D. Теменно-премоторный уровень** (уровень действий), обеспечивающий целенаправленные, смысловые движения или серии движений, которые представляют собой манипуляции с предметами и требуют сложившихся в опыте представлений о форме, размерах и предназначении предметов, а также топологической схематизации пространства. **Уровень Е. Высшие кортикальные уровни**, регулирующие сложные символические действия, такие, как письмо или речь. См.: *Бернштейн Н.А.* «О построении движений», 1947 г., а также <http://medicalplanet.su/neurology/248.html> (26.06.12).

- 5 *Бернштейн Н.А.* Биомеханика и физиология движений: Избранные психологические труды. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008. С. 227.
- 6 Там же. С. 216.
- 7 См.: *Максимова Е.В.* Уровни общения. Причины возникновения раннего детского аутизма и его коррекция на основе теории Н.А.Бернштейна. М., 2008. К теории Н.А.Бернштейна, ставшей классикой российской психофизиологической школы, обращаются многие исследователи. См.: *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию: курс лекций. М., 2010.
- 8 «Структуры, участвующие в регуляции движений и относящиеся к различным уровням нервной системы (например, премоторные зоны коры и базальные ганглии), имеют многочисленные вертикальные связи, которые устроены по кольцевому принципу ...составляя единый контур регуляции». *DeLong M.R.* Primate models of movement disorders of basal ganglia origin. *Trends Neurosci.* 1990. Jul,13(7). P. 81–285. См. также: <http://medicalplanet.su/neurology/248.html>
- 9 *Alexander G.A., DeLong M.R.* A, 1992. <http://medicalplanet.su/neurology/249.html> (10.04.12). См. также: *Alexander G.A., DeLong M.R.* Central mechanism of initiation and control of movement // *A.K.Asbury, G.M.McKhann, W.I.McDonald* (eds). *Diseases of Nervous System. Clinical Neurobiology.* 2-ed. Philadelphia, WB Saunders, 1992 (http://www.infamed.com/nb/pub_htmldoc.php?s=11052482f1e43492f34.57388472).
- 10 См.: *Анохин П.К.* Избр. тр. Кибернетика функциональных систем. М., 1998.
- 11 В этом случае вполне успешно могут развиваться более простые организмы, для которых тонический уровень является вполне продуктивным для жизни. Подобный выбор системой траектории развития фактически становится феноменом естественного отбора. В отношении человека можно говорить только про патологию развития, которая несовместима с его жизнью как более сложного организма.

- 12 Синергетический эффект фокуса автор рассматривала более подробно в рамках коммуникативного процесса. См.: *Ярославцева Е.* Коммуникативная онтология – принцип фокуса // *Человек вчера и сегодня.* Вып. 5. М., 2011. С. 76–94.
- 13 См.: *Максимова Е.В.* Указ. соч. С. 172; *Гунпенрейтер Ю.Б.* Указ. соч. С. 178.
- 14 *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М., 2006.
- 15 *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. М., 2002. С. 22. Рисунок взят из: http://www.sernam.ru/book_fract.php?id=17 (26.06.12). Крайняя граница верхней части данного фрактала, ее колебания – выпуклости и углубления также напоминают границу, которую можно увидеть на срезе мозга, показывающем складки – увеличение поверхности мозга посредством формирования извилин. Это позволяет предположить аналогичность процессов развития и последовательность формирования слоев нервных клеток коры мозга, которая в разных местах имеет разное уплотнение. Она, в соответствии с принципом расширения данного фрактала, нарастает своеобразными складками, что может определить возможную перспективу количества и формы извилин.
- 16 Российские специалисты, выпускники университета в Зеленограде, в рамках движения «Россия – 2045» создают искусственного человека, аватара. Наиболее близкое понятие – манекен, электронная кукла, которая может работать на основе современных программных решений (<http://www.2045.ru/expert/4.html> (10.04.12)).
- 17 *Тищенко П.Д.* На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб., 2011. С. 29–39.
- 18 <http://www.youtube.com/watch?v=sNdd5xLEFmc&feature=related> (26.06.2012);
- 19 <http://www.youtube.com/watch?v=bxffV7DnC7Q&feature=related> (26.06.2012);
- 20 См. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М., 2001.
- 21 Интерактивные доски были первым широким предложением для развивающегося образовательного рынка, школ и высших учебных заведений в России. Подробнее об этом см.: *Сетевые перспективы. Интерактивные коммуникации и системные ИТ технологии в современном российском образовании /* Науч. ред. Е.И.Ярославцевой. Вып. 1. М., 2007. Сегодня наиболее активно развиваются модели индивидуального использования, представленные интерактивными планшетами и смартфонами.
- 22 См.: *Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке.* М., 2009.

ЧЕЛОВЕК – СОЦИУМ – СВОБОДА: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

Юрий Резник

Человек и время: проблема жизненного выбора

Жизненный выбор: понятие и временной континуум

Альтернативность заложена в природе времени, в котором мы живем. Мы сами выбираем его, а не оно выбирает нас. Я убежден, что мы живем не только в разных социальных мирах, но и в разные времена и даже исторические эпохи. При этом нашим временем считается то, которое мы сами выбираем, а не только то, в котором живем. На одном промежутке истории столько времен, сколько в нем находится групп людей, способных их воспринимать и переживать (субъективный аспект). Речь идет не только о субъективном времени, которое у любого человека свое, но о характерном для отдельных социальных групп (интерсубъективный аспект). Можно допустить по аналогии с картиной мира, что у каждого социального субъекта (группы или общности людей) существует общая картина времени.

Жизненный выбор человека – это определение приоритетов его жизни либо на долговременную перспективу (выработка стратегий жизни), либо в локальном масштабе, т. е. конкретной ситуации места и времени (ситуативные установки). Причем в обоих случаях человек сталкивается с нерешенными ранее жизненными проблемами, являющимися для него не только личностно значимыми, но и важными с точки зрения критериев конструирования времени, в котором он живет. Другими словами, в ходе жизненного выбора мы выбираем время своей жизни.

Эта проблема человека выражает противоречие между разными планами его бытия – идеальным (будущим) и реальным (настоящим). Как известно, по Дж. Хонигману человек проявляет себя в

повседневной жизни одновременно как идеальная личность, соответствующая идеалу, норме или ожиданиям своего непосредственного окружения, и реальная, переживающая настоящий момент.

Следовательно, идеальное и реальное как планы личностного бытия человека определяют временные координаты его жизни. Аутентичность же как способность индивидуума быть самим собой на определенном жизненном этапе находится на пересечении прошлого и будущего. Однако ее центр не совпадает с настоящим моментом и скорее смещен в сторону будущего.

Поиски человеком нового образа составляют содержание процесса *самопреобразования* – первого этапа жизненного выбора. Но стремление обрести себя в новом качестве не всегда и во всем совпадает с возможностями. Здесь и находится источник непрекращающегося конфликта между самостью и непосредственно «проприумом» или креативным центром личности и ее персоной (личной маской), т. е. тем, какой она желает казаться или произвольно кажется другим.

Второй этап жизненного выбора человека – *самоопределение* – заключается в стратегическом ориентировании или сознательном формировании будущего. Я рассматриваю самоопределение в традициях персонализма как конструирование личностью своего места в мире, осознание и осуществление собственного жизненного предназначения. Его суть связана с определением приоритетов жизни (целей, принципов, установок и пр.) при помощи конкретных технологий и процедур. Основной конфликт разворачивается между стратегическими ориентациями (схемой будущих действий) и способами их реализации.

Наконец, третий этап – *самоактуализация* – означает переход человека от потенциального состояния в актуальное, который завершается фиксацией момента аутентичности личности¹. Как утверждает К.Роджерс, чем активнее идет процесс самоактуализации личности, тем менее она зависима от внешних влияний и больше осознанности в ее поступках, а следовательно, она более свободна, поскольку у нее больше возникает ситуаций осознанного выбора альтернатив автономного поведения². Этот этап характеризуется противоречием между модальностями возможности (личностный потенциал) и необходимости (внешняя детерминация поведения).

Время является сущностной характеристикой жизненного выбора человека, задавая следующие координаты его существования: от прошлого к настоящему (проспектива); от настоящего к прошлому (ретроспектива); от настоящего к будущему (респектива); от будущего к настоящему (перспектива); от будущего к прошлому через настоящее (трансперспектива) и, наоборот – от прошлого к будущему через настоящее (трансетроспектива).

Каждая из временных координат имеет несколько разных измерений: субъективное, интересубъективное и объективное; индивидуальное, интериндивидуальное и метаиндивидуальное; психологическое (время, переживаемое личностью), социальное (например, время социальных групп) и психосоциальное (восприятие личностью времени других субъектов); осознанное, полусознанное (например, предсознательное) и неосознанное (например, бессознательное); рациональное, нерациональное или предрациональное (например, эмоциональный, чувственный интеллект или рассудок) и иррациональное (например, мистическое) и др.

В зависимости от учета этих измерений исследователи выделяют различные способы интерпретации времени жизни человека:

– концепция психологического поля как пространственно-временного континуума личности (К.Левин; 1964);

– концепция «первичных», спонтанных и «вторичных», рациональных суждений о времени (Л.Дуб; см. его монографию «Модели времени», 1971);

– концепция временного горизонта личности: линейное и пространственное мышление (Т.Коттл; см. его монографию «Воспринимаемое время», 1976);

– модель концептуального (осознанного) времени личности (А.Аарелайд, 1978);

– концепция «сквозного» времени (трансперспективы), отражающего взаимосвязь ретроспективных и перспективных моментов человеческого бытия (Ковалев, 1979)³.

Так, автор концепции поля К.Левин утверждает, что «...поведение зависит не от прошлого и не от будущего, а от поля настоящего. Это поле настоящего имеет некоторую глубину во времени. Оно включает “психологическое прошлое”, “психологическое настоящее” и “психологическое будущее”»⁴.

Однако выше речь идет о времени, переживаемом человеком, которое получило название психологического времени, опосредующего причинные или целевые отношения между событиями жизненного пути. Существует также социальное время жизни человека, которое определяется его включенностью в деятельность социальных групп и общностей.

В результате аналитического наложения или пересечения координат, измерений времени жизни человека, с одной стороны, и этапов его жизненного выбора, с другой стороны, мы получаем временной континуум (см. табл. 1).

Таблица 1

Временной континуум жизненного выбора человека

Координаты времени жизни	Измерения времени жизни		
	<i>Субъективное – объективное</i>	<i>Психологическое – социальное</i>	<i>Рациональное – нерациональное</i>
1. Самопреобразование (формирование человеком нового образа или существенная коррекция его прежнего образа)			
<i>Трансперспектива</i> (от будущего к прошлому через настоящее)	Промежуточные состояния самопреобразования (интерсубъективные, психосоциальные и предрациональные)		
	Преимущественно субъективный способ «выращивания» новых образов	Психологическое происхождение новых образов человека	Преимущественно иррациональный характер формирования образов
<i>Трансретроспектива</i> (от прошлого к будущему через настоящее)	Промежуточные состояния самопреобразования (интерсубъективные, психосоциальные и предрациональные)		
	Воспоминания о сильных сторонах и ярких событиях прошлого жизненного пути, имеющих значение для будущего	Подкрепление нового образа положительным социальным опытом и фактами поддержки значимых других	Формирование новой жизненной легенды, оправдывающей смену образа человека
2. Самоопределение (соотнесение нового образа человека с возможностями его реализации; выработка стратегических ориентиров жизни)			

<i>Перспектива</i> (от будущего к настоящему)	Промежуточные состояния самоопределения (интерсубъективные, психосоциальные и предрациональные)		
	Выработка жизненных приоритетов и стратегических ориентиров долговременного действия	Адаптация стратегических ориентиров к имеющимся социальным условиям жизни	Обоснование стратегии жизни и разработка жизненных планов на ближайшую перспективу
<i>Респектива</i> (от настоящего к будущему)	Промежуточные состояния самоопределения (интерсубъективные, психосоциальные и предрациональные)		
	Опора на имеющиеся у личности средства и ресурсы, необходимые для осуществления стратегии	Поиск личностных и социальных ресурсов для реализации стратегии	Рефлексия личностью путей достижения стратегических ориентаций
3. Самоактуализация (отнесение человека к старому опыту и воплощение им своего нового образа в настоящем времени)			
<i>Ретроспектива</i> (от настоящего к прошлому)	Промежуточные состояния самоактуализации (интерсубъективные, психосоциальные и предрациональные)		
	Обнаружение ситуативных установок, конкретизирующих содержание новой жизненной стратегии	Оценка реальных возможностей осуществления стратегии жизни, диагностика ситуации	Создание конкретных сценариев ситуативного взаимодействия по поводу реализации новой стратегии жизни
<i>Проспектива</i> (от прошлого к настоящему)	Промежуточные состояния самоактуализации (интерсубъективные, психосоциальные и предрациональные)		
	Реконструкция прежних установок и ориентаций	Определение резервов личностного и социального развития человека	Переоценка имеющихся средств достижения целей; коррекция опыта

Следовательно, с точки зрения временных координат самопреобразование – от будущего к прошлому через настоящее и обратно (трансперспектива $\leftarrow\rightarrow$ трансретроспектива), самоопределение – от будущего к настоящему и обратно (перспектива $\leftarrow\rightarrow$

респектива), самоактуализация есть фиксация момента перехода от образа прошлого к настоящему и обратно (ретроспектива ← → проспектива).

Таким образом, время жизни человека является объемным личностным и социальным феноменом, который дифференцируется точками выбора. Оно включает в себя разные аспекты. Это (1) индивидуальное (психологическое) время жизни человека или субъективное измерение жизненного выбора (жизненный путь как индивидуальная траектория жизни) и интериндивидуальное время жизни человека или интерсубъективное измерение жизненного выбора (жизненный мир как опыт переживания совместного существования); (2) социальное время или продолжительность жизни социальных субъектов (объективно-деятельностное измерение). Первые два вида времени соотносятся обычно с индивидуальной и интериндивидуальной формами существования человека, последний – с его коллективным бытием.

В качестве исходных предпосылок я буду придерживаться далее следующих положений:

– в своей индивидуальной жизни человек переживает и конструирует время двояким образом: с одной стороны, как череду или последовательность событий, ведущих к заданной цели (жизненный путь); с другой стороны, как пространство со-бытия с другими субъектами (жизненный мир);

– в своей коллективной жизни человек руководствуется представлениями о времени той социальной группы, которую он выбирает по ценностным, профессиональным, этнокультурным и прочим основаниям;

– ценностные основания жизненного выбора человека определяют характер или тип предпринимаемых им действий в повседневной жизни, соответственно выделяются традиционное, целерациональное или инструментальное и ценностно-рациональное действия, а также соответствующие им типы субъектов;

– в зависимости от ценностных предпочтений (приоритетов) человек вырабатывает и реализует ту или иную жизненную стратегию, рассчитанную на долговременную перспективу, а также апроприрует соответствующие ей поведенческие модели и технологии.

Время жизни человека (субъективный и интересубъективный аспекты)

Жизненный путь человека

В качестве важнейшей предпосылки предлагаемой модели жизненного выбора человека следует рассматривать *концепцию жизненного пути*, создаваемую разрабатываемую совместными усилиями психологов и социологов.

Каждая из наук, изучающих жизненные процессы личности, предлагает собственные трактовки жизненного пути и способы его научной интерпретации. Так, психология делает акцент на изучении субъективной стороны жизненного пути, выражающейся в жизнеописаниях разного рода. Ее интересуют в первую очередь индивидуальные траектории жизни. Социология же рассматривает жизненный путь личности в социальном контексте, выделяя непосредственно институциональные аспекты и коллективные (групповые) траектории ее жизненной динамики.

В рамках обеих наук разрабатывается биографический подход. «С биографической точки зрения “жизнь одного человека” есть все его телесно-душевно-духовное становление, поведение и судьба в мире, от рождения до смерти»⁵. Именно в таком смысле, близком по содержанию к понятию «жизненный путь», чаще всего и используется некоторыми исследователями понятие «жизнь». Это – способ личностной репрезентации окружающей реальности, превращение ее в-себе и для-себя сущее бытие.

Психология жизненного пути. Психологи впервые в отечественной науке стали исследовать жизненный путь человека как его индивидуальную историю. Данная проблема разрабатывается как общей психологией, так и психологией личности.

В рамках общепсихологических исследований жизненного пути особо следует выделить работы С.Л.Рубинштейна, Б.Г.Ананьева и И.С.Кона.

Для С.Л.Рубинштейна жизненный путь – это движение человека к высшим, более совершенным формам жизни, к лучшим проявлениям своей сущности. Жизненный путь он рассматривал, с одной стороны, как целостное образование индивидуальной жизни человека, а с другой – как некоторую последовательность

качественно определенных этапов, которые он проходит на протяжении своей жизни, отвечая на вопросы: чем я был, что я сделал, чем я стал?⁶.

В понимании Б.Г.Ананьева жизненный путь в обществе – это его социальная биография. Он выступает основной формой развития личностных свойств человека⁷.

«Изучение жизненного пути, – писал И.С.Кон, – одна из центральных, ключевых проблем современного человекознания, в которой сфокусированы фундаментальные интересы философии, социологии, демографии, этнографии, истории, антропологии и многих других наук. Тема эта весьма многогранна и подразумевает множество разных вопросов»⁸.

В психологии личности следует назвать прежде всего концепции жизненного пути как самоосуществления человека Ш.Бюллер, мотивационных структур жизни С.Л.Рубинштейна и жизненного пути как организации психологического времени личности А.А.Кроника и Е.И.Головахи.

Ш.Бюллер впервые установила закономерности смены фаз (стадий) жизни и доминирующей мотивации личности в зависимости от ее возраста. С позиций системной теории Л.Берталанфи она рассматривает личность как открытую систему, взаимодействующую с окружающим миром посредством спонтанной активности. Жизненный путь человека выступает, с ее точки зрения, в трех аспектах: (1) как внешний, объективный ход событий жизни («внешние» события), (2) как история и результаты творческой деятельности и (3) как возрастные перемены во внутреннем мире личности («внутренние» события). Фазы же жизни имеют в своей основе целевые структуры личности, т. е. обуславливающие ее выбор и самоопределение. Всего Ш.Бюллер обнаружила пять фаз: начальный период (до 16 лет), период проб (16–25 лет), пора зрелости (25–45 лет), фаза стареющего человека (45–65) и период старости (свыше 65 лет). Следовательно, жизненный путь человека имеет пространственно-временную структуру⁹.

Я полагаю, что в связи с увеличением продолжительности жизни и продлением интеллектуальной активности человека произошел временной сдвиг этих периодов. Необходимо выделить период роста (25–45), а пора зрелости сдвинулась на воз-

растные рамки 45–65 лет. За ней следует период стареющего человека. Однако у каждого человека это может происходить индивидуально.

Одним из первых в отечественной науке к этой концепции обратился С.Л.Рубинштейн, который еще в 1935 г. дал оценку работы Ш.Бюллер, посвященной проблеме жизненного пути как индивидуальной истории личности¹⁰. «Сущность человеческой личности, – писал он, – находит свое завершающее выражение в том, что она не только развивается как всякий организм, но и имеет свою историю»¹¹.

Последняя же характеризуется прежде всего его деятельностью, в которой он преследует определенные цели и достигает некоторых результатов. Поэтому прогноз жизненного пути человека можно делать, опираясь на знание его мотивационных структур. Жизнь человека во многом определяется тем, чего он хочет сам и к чему он стремится. Система мотивации (потребности – интересы – влечения – установки – тенденции развития – идеалы и пр.) определяет направленность жизненного пути.

Жизненный путь стал предметом многолетних исследований украинских философов и социальных психологов (Л.В.Сохань, Е.И.Головаха, А.А.Кроник и др.)¹².

По мнению А.А.Кроника и Е.И.Головахи, при изучении жизненного мира необходимо использовать методологию каузометрического психолого-биографического анализа. Жизненный путь человека представлен в его программах, сценариях, картах времени. «Суть каузометрического анализа состоит в понимании личности и ее жизненного пути через психологическую реконструкцию системы причинных и целевых связей между жизненными событиями, свойствами личности, значимыми для нее людьми. Отражаясь в сознании человека, эти связи образуют многослойную субъективную картину жизни, которая в свою очередь выполняет функции долговременной регуляции и согласования жизненных замыслов и поступков человека с замыслами и поступками других людей»¹³.

Социология жизненного пути. У представителей социологической общественности к этой области имеется давний интерес.

Результаты одного из первых социологических исследований, посвященных изучению жизненных планов молодежи, опубликованы еще в 1966 году¹⁴. А в конце 1970-х годов отечественными уче-

ными совместно с их западными коллегами был реализован международный исследовательский проект «Жизненные пути молодежи в социалистическом обществе». Среди социологических исследований жизненных стратегий и перспектив следует выделить работы исследовательских групп М.Х.Титмы, Г.А.Чередниченко, В.Н.Шубкина и др. Общий итог социологических исследований жизненного пути нашел свое отражение в концепции *жизненных планов*.

М.Х.Титма и его коллеги провели целый ряд исследований, посвященных динамике жизненных ориентаций и перспектив молодого поколения¹⁵. Эти ориентации измерялись по четырехбалльной шкале: (1) значимость в жизни человека тех или иных видов деятельности (когнитивная оценка занятий); (2) наиболее важный вид деятельности (когнитивный выбор); (3) желание заниматься чем-либо и удовлетворенность от этого (эмоциональная оценка); (4) наиболее привлекательные занятия (эмоциональный выбор)¹⁶.

С точки зрения осуществления жизненных перспектив (намеченных планов) молодые люди подразделялись условно на «счастливиц» и «неудачников». Данные исследования имеют ярко выраженную социологическую направленность. Они рассматривают прежде всего проблемы включения молодежи в социальную структуру общества, ее (а не жизненное) самоопределение. Исследователей интересуют главным образом изменения социального положения в планах и реальной жизни молодого поколения.

Жизненный мир человека

Исходным для понимания интересубъективного аспекта времени жизни человека является термин «жизненный мир», которое заимствовано современными исследователями из феноменологической традиции в философии и науке.

Как известно, у основателя феноменологической философии Гуссерля жизненный мир представляет собой совокупность всех возможных и действительных мысленных горизонтов человеческого опыта. Он не только идеален, но и реален. И как таковой включает в себя базисное знание, в котором зафиксирована информация о собственном теле и стандартных ситуациях жизни (этот уровень знания используется человеком автоматически, произвольно), структуру релевантностей или сферу знания, кото-

рую формирует субъект в связи с конкретными жизненными ситуациями, и структуру типов, охватывающую знание типических жизненных ситуаций.

В «понимающей» социологии термин «жизненный мир» обозначает интерсубъективно разделяемый (взаимосогласованный) опыт, охватывающий все возможные и действительные горизонты человеческой жизни. Следовательно, этот мир представляет в данном случае не столько пространство жизни человека, сколько «внутренние» представления и переживания или, точнее, совокупность взаимосогласованных и типических значений, при помощи которых люди конструируют свою повседневную жизнь.

Этот предрациональный и непосредственный мир включает в себя их чувства и фантазии, сомнения и желания, утверждения и воспоминания. В феноменологическом смысле жизненный мир, по словам Н.Ф.Наумовой, имеет два временных измерения: «социальное, интерсубъективное настоящее и индивидуальное – от прошлого к будущему»¹⁷.

Ю.Хабермас, унаследовавший в своей теории коммуникативного действия многие положения феноменологической социологии, рассматривает жизненный мир как общий нам с другими людьми, осваиваемый «интерсубъективно», т. е. во взаимодействии с ними¹⁸. «Реальность повседневной жизни представляется мне как интерсубъективный мир, который я разделяю с другими людьми... Действительно, в повседневной жизни я не могу существовать без постоянного взаимодействия и общения с другими людьми»¹⁹.

В представлении Ю.Хабермаса данное понятие употребляется также в контексте его соотношения с другим – «системный мир». Такое разделение социума на две взаимосвязанные сферы бытия он предложил и обосновал, заимствуя и синтезируя понятия и идеи, относящиеся к двум различным научным традициям – структурно-функциональному подходу и социальной феноменологии.

При таком понимании «жизненный мир» – это прежде всего сфера «горизонтальных» связей людей, их непосредственных коммуникаций, которые проявляются в социальных отношениях в семье, дружеской компании, на работе. Сюда Хабермас относит публичную сферу, включающую разнообразные коммуникационные сети, в частности средства массовой информации. Именно здесь

создается, по его мнению, культура, возникают различные образцы взаимодействия, новые социальные формы и движения, формируется общественное мнение. Поэтому более правомерно рассматривать этот мир как сферу непосредственных коммуникаций людей и их повседневной культуры.

Вместе с тем следует иметь в виду, что жизненный мир в его феноменологическом понимании – это мир непосредственной коммуникации, мир как предданное, охватывающее систему донаучных, неотрефлексированных знаний человека о повседневной жизни. Он представляет собой целостную структуру человеческой практики, определяющую горизонт всех мыслимых и немыслимых целей и проектов.

В современном социуме ему противостоит *«системный мир»*, который образуется совокупностью безличных (анонимных) отношений людей в сфере экономической и государственной деятельности. Первоначально он вычленяется из общественного компонента жизненного мира, который становится в дальнейшем его «окружающей средой». Он подчинен инструментальной рациональности, т. е. ориентированной на целедостижение. Поэтому более целесообразно рассматривать его как часть жизненного мира, обособленную в процессе социокультурной эволюции и противопоставленную в дальнейшем всем другим его частям.

В социоструктурном плане «жизненный мир» представлен такими образованиями и феноменами, которые имеют, с одной стороны, преимущественно «естественную», биосоциальную природу (например, территориальные и репродуктивные общности, семья, дружеские компании), а с другой стороны, «искусственное», социокультурное происхождение (системы коммуникаций, общественные объединения и движения), а «системный мир» — только «искусственными» явлениями: политическими, экономическими, правовыми, религиозными и иными институтами и системами.

Вернемся теперь к логике нашего исследования. С точки зрения реализации стратегий жизненный мир личности представляет собой поле ее актуальных и потенциальных возможностей. Это

часть или сфера личностного бытия, которая поддается сознательному изменению и конструированию в соответствии с принятыми ранее установками и ориентирами.

Итак, понятие «жизненный мир» характеризует сферу объективно обусловленного и субъективно значимого опыта людей, а также систему их непосредственных межличностных и групповых отношений, детерминированных как естественными (например, биологическими или половозрастными) различиями, так и социально-психологическими факторами. Это – мир коммуникаций и интерактивных форм социального взаимодействия людей, регулируемых при помощи ценностных и символических посредников. Он характеризует социокультурное измерение человеческой жизни вообще.

Временные границы жизненного мира и жизненного пути человека

Определим далее границы между так понимаемым жизненным миром и другими формами существования личности. В первую очередь покажем соотношение между понятиями «жизненный мир» и «жизненный путь».

Во-первых, различие между указанными выше понятиями состоит прежде всего в том, что они выражают разные измерения человеческой жизни – **коллективное** (интерсубъективное) и **индивидуальное** (субъективно значимое).

Можно предположить, что жизненный мир является сферой применения и объектом стратегической деятельности коллективного субъекта (субъектов), а жизненный путь выступает как процесс развития конкретного человека в качестве субъекта сознательного конструирования собственной жизни. В первом случае подчеркивается интенциональный (объектно ориентированный) и интерсубъективный характер жизни человека, а во втором – ее субъектное и субъективное (лично значимое) измерение²⁰.

В данном случае *жизненный мир есть сфера совместного бытия личности, выступающая ареной (сценой, площадкой) сознательного изменения посредством коллективных действий и усилий, а жизненный путь – это индивидуально-типический и сознательно направляемый самим индивидом порядок осущест-*

вления жизненных событий личности, т. е. одновременно их естественный (спонтанный) ход и предмет искусственного моделирования.

Во-вторых, на второй план выдвигаются **пространственно-временные параметры** жизнедеятельности человека. Различие между этими понятиями состоит в следующем: жизненный мир как сфера применения и объект имеет четкие границы, устанавливаемые в процессе совместной деятельности субъекта, он всегда локален и интенционально обусловлен; жизненный путь характеризует вектор индивидуального развития человека как субъекта собственной жизни, он имеет временной масштаб и свою «географию».

Но нас интересуют не только пространственные рамки явлений, обозначаемых данными понятиями, но и временные интервалы их существования. Жизненный мир характеризует «интерсубъективное настоящее». Это то, что существует здесь и теперь для субъектов социального взаимодействия. Жизненный путь охватывает весь обозримый процесс жизни конкретного человека в контексте его развития от прошлого к будущему.

Следовательно, понятие «жизненный мир» обозначает сферу жизни человека и его совместного существования с другими людьми в общем для них культурном и символическом пространстве и, как правило, в настоящем времени, а понятие «жизненный путь» – индивидуальное существование человека во времени (от прошлого к настоящему и будущему), т. е. временной вектор и динамику его сознательно направляемой жизни.

В-третьих, еще одно различие между трактовками жизненного мира и жизненного пути заключается в том, что личность проявляет себя как на **общественном поприще**, так и в **индивидуальном** пространстве жизни. При этом личная жизнь человека не тождественна его частной жизни, которая противопоставляется обычно общественной. Она включает в себя психические и социальные, общественные (социально значимые) и индивидуальные (индивидуально значимые) проблемы. Поэтому личная жизнь должна войти в круг изучаемых в науке явлений наряду с другими сторонами жизненного мира.

«В отличие от жизни социальной в личной жизни человека, – пишет К.А.Абульханова-Славская, – нет тех критериев, норм и стандартов, как нет и инстанций, которые могли бы судить и оценивать, хорошо ли сложилась его жизнь, благополучна ли, правильна

ли она. Жизненные достижения, успехи, как правило, оцениваются лишь по социальным меркам и критериям – стал хорошим специалистом, добился славы, успехов, постов, материальных благ»²¹.

В то самое же время необходимо иметь в виду, что личная жизнь, будучи важной сферой жизненного мира человека, входит составной частью в его жизненный путь. Она представляется как его личная, индивидуально значимая история.

Итак, имеются по крайней мере две трактовки человеческой жизни, понимаемой в ее узком смысле, т. е. как сознательно направляемой и конструируемой. Понятие «жизненный мир» отражает не только интересубъективное настоящее личности, но и всю совокупность ее жизненных личных и социальных ситуаций, конструируемых совместно с другими участниками жизненного процесса, а «жизненный путь» лучше всего выражает, на наш взгляд, биографический аспект жизни, организуемой и сознательно направляемой самим индивидом.

Картина времени социальных субъектов

Субъекты социального времени

Время человека интегрировано в жизнь социальных групп (коллективных субъектов). Темп его социальной жизни невероятно возрос. Это в значительной степени изменило его философию и психологию. Появились люди, которые сформировали привычку жить в постоянном ускоренном режиме, теряя из виду предметы, требующие систематических и долговременных занятий. Кроме индивидуально-субъективного и интересубъективного времени, следует рассматривать отдельно социальное время человека, которое относится к характеристике жизни поколений, других социальных общностей.

Как известно, смена поколений происходит каждые 20–25 лет. У каждого из них имеется собственная культура, общие социально-психологические черты, схожий опыт адаптации к условиям окружающей среды. Можно предположить, что их представления о времени отличаются друг от друга. Например, молодое поколение несколько иначе представляет себе время, чем люди пожилого возраста. Как правило, у последних считается, что их лучшее

время уже прошло, а молодые находятся в самом расцвете сил. Их время – это время, полное радужных надежд и исполнения самых сокровенных желаний.

Можно предположить далее, что представления о времени различаются не только у поколений, но и у разных социально-профессиональных категорий общества. Ведь каждая социальная группа вырабатывает собственные культурные установки и стилевые особенности, полагаясь на свой опыт, принятые в ней стандарты образования, общения и пр. Должны ли, например, отечественные ученые строить свои представления о нашем времени, исходя из общественных умонастроений или полагаясь на информацию коммерческих СМИ? Или их мнения и экспертные оценки обязаны учитывать «объективный» контекст исследуемой реальности?

Существуют также общности людей, границы которых определяются социокультурными и прежде всего ценностными рамками. Назову их условно социокультурными ареалами или ценностными стратами. Кроме ценностных приоритетов, они различаются особым отношением к проблеме регуляции социального времени.

С точки зрения способа или характера освоения времени жизни я различаю три таких группы людей: не-деятели («обыватели»), эго-деятели («карьеристы») и эко-деятели («гармонические личности»). Различие между деятелями и не-деятелями в формировании образа времени состоит, на мой взгляд, в следующем. Деятели – это люди с активной жизненной позицией, которые живут во времени, создавая и расширяя в нем собственное пространство. Их отличает выраженное стремление к переменам в социальном окружении и изменениям в своей жизни. Напротив, не-деятели не имеют собственной картины времени. Они предпочитают встраиваться в картину времени других социальных субъектов (деятелей), обладающих большим творческим потенциалом. Поэтому их жизненная позиция характеризуется пассивностью, неосознанностью и потребительской направленностью.

Различие между эго-деятелями и эко-деятелями заключается в характере их жизненных ориентаций и стилевых особенностей. Эго-деятели предпочитают работать на себя, создавая соответствующий им образ времени и эксплуатируя ресурсы непосредственного окружения в собственную пользу. Эко-деятели ориенти-

руются на сбалансированное взаимодействие и обмен ресурсами с окружающей средой. Они предпочитают больше отдавать, чем брать или получать.

Не-деятели (субъекты традиционного поведения). Не-деятели слабо описаны в социально-научной и психологической литературе. Их отношение ко времени своей жизни отличается нерелексивным и рецептивным характером. В силу этого они не успевают перерабатывать информацию, которая обрушивается каждодневно в огромных объемах. Из сферы их внимания выпадают многие, в т. ч. важные проблемы. Получается парадокс: чем выше темп жизни такого человека, неспособного к рефлексии и избирательному отношению к действительности, тем ниже у него адаптационный потенциал.

В терминах социальной теории М.Вебера действие не-деятеля можно описать как традиционное, являющееся результатом непреднамеренного следования сложившимся в обществе традициям, аффективное, вызванное чувствами или эмоциональными состояниями, и, наконец, массовое, обусловленное господствующими социальными настроениями. Не-деятель склонен более к эмоциональному, чем рациональному восприятию социальной действительности. Его поведение направляется преимущественно чувствами и страстями. Вместе с тем действие эго-деятеля можно определить как инструментальное, ориентированное, по мнению Ю.Хабермаса, на достижение формальных целей и результатов.

Стиль жизни не-деятелей определяется в научной литературе следующим образом:

– *пассивный* и *пассивно-деструктивный* (в типологии А.Адлера);

– *избегающий*, т. е. ориентированный на бегство от решения жизненных проблем, страх перед жизнью и неуверенность в собственных силах (А.Адлер);

– *рецептивный*, т. е. ориентированный на потребление, пассивность и зависимость; преобладание потребностей в безопасности (Э.Фромм);

– *накапливающий*, направленный на накопление и сохранение накопленного, боязнь всего нового, основательность и подозрительность; потребности в безопасности, корнях и преданности (Э.Фромм);

– *конформистский*, принимающий одобряемые в его рамках цели социального действия и старающимся достигать их стандартными институциональными средствами (Р.Мертон);

– *тоталитарный тип*: склонность к подчинению любой власти или институциональным структурам, доминирующим в обществе (Р.Дарендорф);

– *потребляющий*, ориентированный в первую очередь на пользование социальными благами и услугами, создаваемыми другими людьми (Р.Дарендорф); ориентированный на благополучие (Г.Леарри);

– *стихийно-обывденный*, пассивный и зависящий от повседневных событий или ситуаций (К.А.Абульханова-Славская);

– *промежуточный тип*, находящийся в зависимости от обстоятельств, которые побуждают его действовать либо согласно долгу, либо под влиянием эгоистических импульсов (П.И.Смирнов)²².

Близким по смыслу к термину «не-деятель» выступает термин «обыватель». Бывать – это характеристика степени неприсутствия или неучастия человека в общественной жизни, его традиционный образ жизни и закрытость жизненного уклада. «Бывать» – это еще не значить «быть», т. е. являться полноценным и полноправным субъектом социальных отношений и творцом собственной жизни, т. е. деятелем. Это скорее находится рядом, недалеко от «столбовой дороги», от магистрали, по которой проходят основные ресурсы, распределяемые и направляемые на цели других субъектов. Обыватель – это человек толпы, массовый индивид, стремящийся затеряться в огромном жизненном пространстве, стать незаметным в этой жизни. По своему жизненному стилю он сродни наблюдателю, который смотрит на происходящее как бы со стороны, не вникая глубоко в суть переживаемого.

Эго-деятели (субъекты целерационального действия). В свою очередь «эго-деятель» – это человек, ориентированный на себя, игнорирующий коллективные интересы и стремящийся к извлечению максимальной выгоды из общего дела. Следуя далее теории Вебера, можно предположить, что он руководствуется логикой целерационального и частно-корпоративного действия, ярким примером которых может служить своекорыстие бюрократии или группы предпринимателей-монополистов. Они придер-

живаются критериев формальной рациональности, в т. ч. таких, как расчет (калькуляция), деловая эффективность и личный или корпоративный успех.

Назову лишь некоторые социально-временные особенности группового портрета эго-деятелей. Эта группа отличается следующими чертами:

- ориентация на формальные цели и результаты;
- следование ситуативным установкам, размытость жизненных принципов, ценностная пластичность;
- способность предугадывать новый расклад сил и влияний, чтобы не просто «плыть по течению», а извлекать выгоду из социального окружения для собственного положения;
- ориентация на временные стандарты потребительского поведения своей группы;
- умение всегда находиться в «нужном месте» и в «нужное время»;
- информационная всеядность и социальная бесчувственность;
- стремление к быстрому исполнению дел, склонность к суете.

В целом эго-деятели, занимающие ведущие позиции в современном обществе, отличаются следующими социально-психологическими характеристиками:

– *активно-деструктивный стиль*: стремление к господству над слабыми и подчинению более сильным и влиятельным людям одновременно с претензий на то, чтобы быть единственным в своем роде (А.Адлер);

– *«берущий» тип*: повышенная активность, затрачиваемая на решение собственных жизненных проблем, на фоне сниженного социального интереса – чувства эмпатии к другим людям (А.Адлер);

– *враждебный тип*: агрессивная настроенность против людей (в терминах К.Хорни);

– *рецептивный и эксплуатирующий типы*: ориентация на потребление и установка на обладание и присвоение (в типологии Э.Фромма);

– *ритуальный тип*: внимание к форме при полном безразличии к целям и содержанию деятельности (Р.Мертон);

– *инициативный* без опоры на ответственность (К.А.Абульханова-Славская);

– *функционально-действенный*: эффективная организация жизненных событий во времени (К.А.Абульханова-Славская);

– *карьерист*, действующий во имя достижения эгоистических целей, но прикрывающийся патриотическими или реформистскими лозунгами (П.И. Смирнов)²³.

Обобщенная характеристика эго-деятели может быть выражена в понятии «карьерист», обозначающем в данном случае человека, ориентированного преимущественно на упрочение собственного социального и материального положения и возвышение над другими людьми (властвование) при полной зависимости от более сильных и влиятельных лиц или структур. Именно такие эго-деятели и эго-группы составляют костяк управляющего класса сегодняшней России. По своему типу они являются преимущественно статусными, а не модальными личностями, которые определяются совокупностью стандартизированных ролей, закрепленных за соответствующим статусом и расположенных в определенной конфигурации²⁴.

Эго-деятель стремится к расширению своего влияния в публичной сфере. Это – *публичный человек*, который находится всегда на виду, купается в лучах славы и общественного внимания. Он живет одновременно частной, обособленной жизнью, не предназначенной для открытой демонстрации, и публичной, которая призвана держать в информационном напряжении толпу обывателей, вызывая у них смешанные чувства зависти и неприятия.

Эко-деятели (субъекты ценностно-рационального действия). Напротив, они формируют иной стиль взаимодействия с природным и социальным окружением, который отличается сбалансированным и гармоническим характером.

Ведущим типом действия выступает для них ценностно-рациональное, основанное на вере субъекта в безусловную, «самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет»²⁵. Можно предположить, что эко-деятель, невзирая на возможные последствия для него лично, например, необходимость достижения какой-либо внешней цели, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных и иных ценностях и т. д.

С точки зрения Ю.Хабермаса, этот тип действия можно определить также как коммуникативное, т. е. ориентированное на взаимопонимание, и практическое, направленное на создание социально значимых объектов. В практическом действии конечный результат определяется во многом не столько экономическими, политическими и информационными факторами, сколько культурным уровнем субъектов, их компетенцией, т. е. внутренними ресурсами, а также особым характером реализации их автономии.

Эко-деятели предпочитают жить и работать, не заботясь о символическом оформлении и публичной оценке результатов своей деятельности. Им важны не формальные условности, ведущие к успеху и процветанию, а общий социальный и нравственный смысл происходящего и практическая польза их действий. Как известно, Э.Гидденс противопоставляет «практическое» или «молчаливое» действие дискурсивному, субъект которого может высказываться устно об условиях своей жизни. Интенциональность проявляется в практическом действии как «молчаливое знание», предполагающее общую *компетентность субъекта*, т. е. то, что он знает относительно собственной деятельности и умеет с точки зрения наличия у него соответствующего опыта, но не обязательно высказывает вслух, добиваясь публичного признания, в отличие от коммуникативной компетентности носителя дискурсивного знания. Но это не все, что знает эко-деятель: «молчаливое» знание не всегда оказывается востребованным и «услышанным» другими субъектами. Его еще надо суметь спросить об этом, расположить к рассказу. Но именно в нем содержится предпосылка социальных и культурных инноваций.

Так кто же такой эко-деятель, и почему именно с ним я связываю надежды на возрождение современной России? С моей точки зрения, это человек, наделенный следующими чертами:

- стремящийся к равновесию с природной и социальной средой;
- разделяющий ценности сохранения человеческого рода;
- созидательный и творческий;
- толерантный к иному, принимающий все разнообразие мира;
- любящий жизнь во всех ее лучших проявлениях;
- ориентированный на самосовершенствование;
- заботящийся о своем непосредственном окружении.

Мне представляется недостаточно разработанным в научном плане образ эко-деятеля как человека созидающего. Именно созидающего, а не творящего. Творить могут, да и должны не все люди, а вот созидать может большинство из них. Недавно в проекте Закона «О культуре» я встретил традиционный раздел «Творческие работники». Это термин с весьма расплывчатым и неопределенным содержанием, как, впрочем, и отраслевое понимание культуры. Чего стоит только одно название государственного учреждения – «Министерство культуры». Как будто все остальные организации и учреждения не имеют отношения к последней. К тому же, если принять условно ее узкую трактовку, то далеко не все работники культуры занимаются творческой деятельностью. В мире искусства нужны не только творцы (художники, писатели и пр.), но и хорошие менеджеры, продюсеры и аналитики (критики).

Созидание имеет более широкий и определенный смысл, чем творчество: умножение материального, интеллектуального и духовного богатства общества. Оно возможно и осуществимо во всех сферах общественной и личной жизни. Творчество есть лишь один из моментов созидания нового для субъекта предмета или содержания деятельности. Созидать может каждый на своем поприще, развивая тем самым свой личностный потенциал и расширяя ресурсы всего общества.

Для эко-деятелей характерны такие типологические черты, как:

– *активно-конструктивный стиль*, связанный с ориентацией на достижение успеха в жизни посредством реализации «творческого Я» индивида, а не за счет самоутверждения (классификационные признаки А.Адлера);

– *социально-полезный и дающий тип*: установка на сотрудничество, забота о других и заинтересованность в общении с ними (А.Адлер);

– *продуктивный тип*: ориентация на сотрудничество с людьми, помощь им, потребность в продуктивном труде и ответственность за происходящее вокруг, творческая самореализация; потребности в свободном выборе идентичности и системы взглядов (Э.Фромм);

– *преимущественно новаторский стиль*: установка на достижение социально приемлемых целей, использование средств, выходящих зачастую за пределы принятых в обществе институциональных норм (Р.Мертон);

– *универсальный тип*: способность к выполнению разных видов деятельности в обществе (Р.Дарендорф);

– *инициативный* с опорой на ответственность (К.А.Абульханова-Славская);

– *творчески-преобразующий*: успешная регуляция собственных инициатив и их последствий во времени (К.А.Абульханова-Славская);

– *служитель-западник* (мы бы сказали «модернизатор»), проявляющийся в ситуациях, когда возникает необходимость реформ, сопровождаемая сильным давлением со стороны модернизированных стран (П.И.Смирнов)²⁶.

Таким образом, эко-деятель – это человек преимущественно интеллектуального труда, который профессионально занимается созидательной деятельностью на избранном им поприще и полагается во всё на свой собственный талант, обладающий социальной значимостью и приносящий очевидную пользу другим людям. Такой человек придерживается во всем установки «не навреди», проявляя заботу о тех, кто его окружает и, разумеется, кого он сам выбирает в первую очередь в качестве полноценных партнеров по общению. Это, как правило, модальная личность, которая укоренена в собственную культуру и находится в гармонических отношениях с природным окружением.

Таким образом, в отношении времени указанные субъекты – не-деятели, эго-деятели, эго-деятели – проявляют себя по-разному. Первые предпочитают вести традиционный и относительно закрытый образ жизни, адаптируясь к картине времени других субъектов (деятелей). Поэтому их собственный жизненный выбор не может быть реализован в полной мере. Вместе с тем они становятся объектом непрерывной борьбы за сферы влияния между двумя группами деятелей. Эго-деятели навязывают им свой жизненный стиль с характерными для него критериями личной почти не ограниченной свободы, жесткой конкуренции и своекорыстия. В свою очередь эко-деятели пытаются привлечь не-деятелей на свою сторону, предлагая им различные программы социальной поддержки.

Эго-деятели демонстрируют агрессивный стиль жизни, вовлекая в сферу своих интересов другие социальные группы и в первую очередь не-деятелей. В отношении времени они выполняют креа-

тивную функцию, наполняя его картину собственными смыслами и ценностями и выступая в роли демиургов, которые навязывают свои представления другим субъектам. Этот тип деятелей является доминирующим в странах с развитой экономикой, где наряду с некоторыми демократическими завоеваниями и научно-техническим прогрессом имеют место тенденции роста потребительства и чрезмерной эксплуатации человеческих ресурсов ради усиления экономического и политического господства правящей элиты.

Эко-деятели только выходят на историческую арену. Их жизненный выбор связан с сохранением и приумножением природных и культурных ресурсов, ослаблением деструктивных последствий научно-технической и информационной революции, отказом от любых форм насилия. Они выполняют функцию коррекции социальных изменений, не претендуя на господство собственных представлений о времени, но и не допуская деформации социальных отношений. Возможно, их будущее связано с новой формой социальной самоорганизации (постгражданская общественность), модель которой построена мною с учетом принципов трансперсонализма. Но об этом в другой раз.

Итак, время жизни социальных субъектов является сферой столкновения и противоборства разных сил и тенденций. Человек переживает время своей социальной группы: поколенческих, социально-профессиональных общностей или социокультурных ареалов. Значит ли это, что наше будущее связано с расширением пространства самодеятельности лишь одного из типов субъектов социального времени, а именно эко-деятеля? Нет, конечно. Можно лишь предположить, что в современном обществе доминируют эго-деятели и их представления о времени, а в постсовременном большее влияние оказывают на формирование картины социального времени эко-деятели.

Жизненные стратегии социальных субъектов

Жизненный выбор человека осуществляется путем выработки и реализации стратегий и соответствующих им поведенческих технологий. Жизненную стратегию я определяю как динамическую систему сознательного ориентирования человека на долго-

временную перспективу жизни. Это – способ конструирования субъектом собственной жизни посредством поэтапного формирования его будущего²⁷.

В научной литературе предлагаются разные основания типологизации жизненных стратегий. Так, например, некоторые персонологи (Г.Мюррей, Г.Леарри и др.) полагают, что личность осуществляет свой выбор между свободой действий и давлением средовых факторов, используя разнообразные стратегии поведения: *адаптацию* (учет прошлого опыта) или *трансформацию* (порождение будущего), *актуализацию* (ориентацию на настоящее) или *самоактуализацию* (ориентацию на будущее с учетом настоящего) и т. д.²⁸. Отсюда можно описать деятельность субъектов в двух шкалах: адаптация – трансформация; актуализация – самоактуализация.

Можно предположить, что не-деятели руководствуются, как правило, стратегиями адаптации и актуализации. Напротив, деятели ориентированы в основном на трансформацию. Они различаются между собой только характером отношения к настоящему. Эго-деятели предпочитают жить в настоящем (актуализация), хотя они не лишены способности порождать будущее. Эко-деятели стремятся в первую очередь к самоактуализации.

Но имеются и другие критерии типологизации жизненных стратегий. С моей точки зрения, человек как представитель различных социальных групп может последовательно занимать три разные, хотя и взаимосвязанные позиции, обусловленные видом активности: «иметь» (рецептивная активность), «достигать» (мотивационная или «достиженческая» активность) и «быть» (творческая или «экзистенциальная» активность). В зависимости от этого человек выбирает тот или иной вариант жизненной стратегии.

Стратегия благополучия. В жизни людей, придерживающихся стратегии благополучия, преобладает ориентация на «получение полного комфорта в жизни», достигаемого посредством приобретения разнообразных материальных, культурных и социальных благ. Для них характерны также отношение человека к жизни как способу удовлетворения различных потребностей, стремление к стабильности, полная уверенность в завтрашнем дне.

Не-деятели руководствуются, как правило, стратегией жизненного благополучия. Она, по мнению А.Маслоу, базируется на физиологических потребностях личности, а также ее потребно-

стях в безопасности и комфорте. У Э.Фромма она связана с позицией «иметь». «При рецептивной активности, – писал Э.Фромм, – человеку представляется, что “источник всех благ” лежит вовне, и он считает, что единственный способ обрести желаемое – будь то нечто материальное или привязанность, любовь, знание, удовольствие – это получить его из этого внешнего источника»²⁹.

Следует отметить, что потребительство не является уделом лишь одних обывателей и вообще людей, лишенных истинных человеческих радостей и ограничивших свои потребности главным образом материальными благами.

В нашем обществе в связи с резким, обвальным характером падения производства и уровня жизни населения данный тип стратегий становится доминирующим. Его разделяют многие социальные группы, придерживающиеся самых разных, иногда противоположных политических и культурных ориентаций. Особенностью их жизненного уклада на данном этапе является выбор преимущественно материального индивидуального или группового, возрастного благополучия как альтернативы прежним жизненным стратегиям, основой которых была относительная стабильность жизни, дающая уверенность в завтрашнем дне.

Времени жизни эго-деятелей соответствует *стратегия жизненного успеха*, рассчитанная на общественное признание и получение какой-либо выгоды, ярким примером которой может служить предпринимательство. Она основана на потребностях личности в признании и самоуважении. Это стратегия активизма и символических ценностей, которая выражает, по Э.Фромму, эксплуататорскую (овладевающую), рыночную (обменивающую) и продуктивную (практически-деятельную) ориентацию. «Плодотворность – это реализация человеком присущих ему возможностей, использование своих сил»³⁰.

Стремление к жизненному успеху, реализуемое посредством собственных усилий и действий человека, является отличительным признаком этого типа стратегий. Главное в нем – осуществление личных планов, идей и замыслов в расчете на их последующее общественное признание.

Стратегия успеха ориентирует человека в основном на «внешние» результаты и проявления. Эго-деятелю важно добиться своих целей. Он рассматривает свою жизнь как своеобразную «строительную площадку», возведение и демонстрация достижений ко-

торой происходит на глазах у всех. Одобрение и даже восхищение окружающих является для него основным стимулом развития, критерием которого выступает в свою очередь личный успех и возвышение над остальными людьми.

Эго-деятель всегда действует в своих интересах, извлекая из всего личную выгоду. Наиболее благоприятной средой в современном мире для него является рынок. С точки зрения Э.Фромма, в технологическом обществе «у человека на каждый момент времени развиваются именно те качества, которые могут быть проданы с наибольшим успехом»³¹.

Данный тип стратегий вызвал обостренный интерес в нашей стране, особенно в 1990-е годы. Он оказался привлекательным для многих российских людей благодаря своей логической обоснованности и технологической простоте в реализации. Однако у данной стратегии имеются некоторые ограничения: 1) чрезмерная рационализация жизни, сопровождаемая зачастую ее унификацией и стандартизацией; 2) нравственные издержки, связанные с рыночными отношениями.

Стратегия самореализации в наибольшей степени соответствует образу жизни и представлениям о времени эго-деятелей. Ее источник – «экзистенциальная» активность, направленная на создание новых форм жизни безотносительно к их внешнему признанию или непризнанию, характерная для *стратегии самореализации* личности.

В неофрейдистских концепциях самореализации подчеркивается ориентация на бытие как подлинное существование человека в мире, занимающего активную позицию и преследующего социально значимые цели³². В экзистенциализме главный акцент делается на примате индивидуального существования человека, на противопоставлении индивидуальной его свободы социальному рабству. Это определяет все основные элементы данной стратегии. Образ жизни «экзистенциального человека» – это отражение заключенного в нем духовного мира, который переживается им как субъективная реальность. При этом человек и мир сливаются в едином потоке жизни. Смыслом его существования становится он сам и другие люди как автономные субъекты, воспринимающие мир подобным образом.

Данная стратегия является исключительно плодотворной, выражая деятельное и разумное отношение человека к собственной жизни. Она формируется на основе потребностей в самоактуали-

зации и самосовершенствовании и соотносится в свою очередь с интерпретативной («понимающей») и ценностно-рациональной типами стратегий.

Примечания

- ¹ Как известно, А. Маслоу рассматривает самоактуализацию как непрерывный процесс выбора личности в пользу роста (развития) либо остановки (защиты), раскрытия своей самости, актуализации «Я» и самосовершенствования личности, а также процесс достижения высших или пиковых переживаний в процессе ее творчества (см.: *Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1999. С. 56–61).
- ² См.: *Rogers K.R.* A way of being. Boston, 1980.
- ³ См.: *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. М., 2008. С. 18–42.
- ⁴ *Lewin K.* Formalization and Progress in Psychology // *Theories of Personality. Primary Sources and Research* / Eds. G.Lindrey, C.S.Hall. N.Y., 1965. P. 214.
- ⁵ См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 159.
- ⁶ См.: *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 1998. С. 641.
- ⁷ *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977. С. 210.
- ⁸ *Кон И.С.* Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Социологическая психология. М., 1999. С. 254.
- ⁹ См.: *Максименко С.Д.* Общая психология. М.–Киев, 1999. С. 108–109.
- ¹⁰ См.: *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 1998. С. 641.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Жизненный путь личности / Под ред. Л.В.Сохань. Киев, 1987; *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. Киев, 1984, и др.
- ¹³ *Life Line* и другие новые методы психологии жизненного пути / Общ. ред. А.А.Кроника. М., 1993. С. 11.
- ¹⁴ См.: Жизненные планы молодежи. Свердловск, 1966.
- ¹⁵ См.: Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение / Под ред. М.Титма. Таллин, 1985; *Титма М., Саар Э.* Молодое поколение. М., 1986; *Титма М., Тальюнайте М.* Престиж профессий. М., 1984; Жизненные пути одного поколения / Отв. ред. М.Титма. М., 1992, и др.
- ¹⁶ См.: Жизненные пути одного поколения. С. 142.
- ¹⁷ *Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988. С. 173.
- ¹⁸ См.: Западная теоретическая социология 80-х годов: Реф. сб. М., 1989. С. 16.
- ¹⁹ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1996. С. 43.
- ²⁰ Интенциональность означает буквально направленность активности субъекта на объект (предмет, процесс и пр.).
- ²¹ *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991. С. 10.

- 22 См.: *Мень М.А.* Личностные основания лидерства (концептуальный анализ): В 2 ч. Ч. 1: Личность в социологии: теоретические предпосылки изучения. М., 2010. С. 232–290.
- 23 См.: там же. С. 232–290.
- 24 См.: Культурология. XX век: Энцикл. Т. 1. СПб., 1998. С. 406.
- 25 *Вебер М.* Избр. произведения. М., 1990. С. 628.
- 26 См.: *Мень М.А.* Указ. соч. С. 232–290.
- 27 См.: *Резник Ю.М., Смирнов Е.А.* Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М., 2002; *Костюченко Л.Г., Резник Ю.М.* Введение в теорию личности: социокультурный подход. М., 2003. Гл. 6: Жизненные стратегии личности (социокультурный аспект).
- 28 См.: *Murrey H.A. et. Al.* Explorations in Personality. N.Y., 1938. P. 121.
- 29 *Фромм Э.* Человек для себя. Минск, 1992. С. 66.
- 30 Там же. С. 89.
- 31 *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993. С. 71.
- 32 *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990. С. 94–97.

Юрий Гранин

«Глобализация» или «вестернизация»? Pro & contra

На протяжении последних лет тема глобализации и ее последствий остается в центре самых оживленных дискуссий. Казалось бы, формирование международных рынков, «свободное движение» капиталов из страны в страну, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование «транс-», «интер-» и «наднациональных» финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некую глобальную целостность. Но глобализация пока идет таким образом, что не разрушает, а консервирует планетарную иерархию различных народов и наций. Ее очевидные, прежде всего экономические преимущества для стран «большой семерки» во главе с США для многих других оборачиваются значительными потерями, вызывая защитную реакцию противодействия.

Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной «вестернизацией» стран мировой «периферии» и «полупериферии»? Какой выбор сделают они? Точный ответ, разумеется, даст будущее. А в данной статье, проанализировав основные интерпретации термина и уточнив социально-философское понимание глобализации, снимающее односторонность многих подходов, я попытаюсь показать, что нынешняя ее волна побуждает крупные региональные державы «полупериферии» вырабатывать собственные национальные формы глобализационных стратегий, препятствующие ее распространению в формах «вестернизации» или «культурной гибридации». В теоретическом плане решение

этой задачи осложняется тем, что в научном сообществе нет единства взглядов на природу, формы, характер и направления эволюции процессов глобализации.

* * *

Невзирая на то, что термин «глобализация» стал систематически использоваться лишь с конца 1980-х гг., уже спустя десятилетие был отмечен парадокс: хотя никому не понятно, что собой представляет глобализация, никто не сомневается в её реальности. С тех пор ситуация не изменилась. По существу, каждый вкладывает в этот термин собственный смысл, содержание которого варьируется в зависимости от идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности автора. В отечественной литературе эта тенденция была замечена В.Л.Иноземцевым, остроумно сравнившим «теорию глобализации» с религиозной доктриной, «поскольку ряд основополагающих ее тезисов принимается на веру, а самые авторитетные ее адепты обычно уходят от обсуждения принципиальных проблем, словно боятся нарушить какое-то идеологическое табу»¹. К числу таких принципиальных проблем автор справедливо отнес вопросы о субъектах и движущих силах глобализации, которая, по его мнению, на самом деле есть не что иное, как «вестернизация» – начавшая с середины XV в. *«экспансия “западной” модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели»*².

Оставляя пока в стороне вопрос о наличии «теории глобализации» и продуктивности отождествления последней с «вестернизацией», обратим внимание на реальные эпистемологические затруднения, возникающие в связи с возможностью ее существенно разных дисциплинарных и междисциплинарных (комплексных) трактовок, своеобразие которых в свою очередь объективно обусловлено, с одной стороны, проникновением в социальные науки фундаментальных идей современной научной картины мира (НКМ), а с другой – конкурентоспособностью различных концептуализаций истории человечества, в пределах которых вопросы о «движущих силах» и «субъектах» глобализации либо элиминируются, либо интерпретируются различным образом.

Так, используя идеи «универсального эволюционизма» и категориальный аппарат синергетики, претендующей на то, чтобы стать ядром современной НКМ, «глобализацию» истолковывают, например, как «объективную эволюцию геобиосоциосистемы»³ или как «целевую функцию» нелинейного процесса самоорганизации «социальной системы» в «суперсложный организм – Мегасоциум», который, будучи «представлен локальными социальными организмами (социумами)», в свою очередь «имеет идеальную программу жизненного цикла: проходит стадии зарождения, роста и умирания»⁴. В границах этой, как многие считают, новой парадигмы исторического знания глобализация человечества интерпретируется как этап «универсальной» или «глобальной истории», имеющих циклический характер.

Хотя категориальный аппарат синергетики и теории систем весьма активно используется почти во всех крупных работах, попыток последовательного системно-синергетического истолкования глобализации в контексте «универсальной истории» пока немного, и они неудачны. Не только из-за метафоричности использования в качестве метаязыка языка синергетики, но и из-за неясности эпистемологического статуса как самой синергетики⁵, так и проблемы «универсального эволюционизма», которую не без оснований, считают метафорой для «обозначения традиционной философской проблемы», «исследовательским проектом» постнеклассической науки, философские и научные основания которого «далеко еще не прояснены, а зачастую даже не осознаются»⁶. Поэтому большинство исследователей предпочитают работать в пределах традиционных социологических истолкований истории человечества, в которых глобализация понимается либо как *одна из нескольких* противостоящих друг другу *тенденций истории*, либо как *одна* результирующая *тенденция исторического развития*.

В первом случае, помещая глобализацию в один ряд с такими тенденциями, как «локализация», «национализация» и «регионализация», ее истолковывают как «процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий ... порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти»⁷. Во втором случае по сути тот же самый процесс – изменение

пространственно-временных характеристик (увеличения скорости, масштабов, «уплотнения» либо «сжатия») и порядка («новый мировой порядок») экономических, политических, культурных и иных взаимодействий и отношений между народами и государствами – интерпретируется как обретение историей качества глобальности (всеобщности). На роль главных детерминант процесса глобализации исследователи выбирают следующие: 1) развитие науки и техники, «техносферы» (техницистский подход); 2) развитие экономической (капиталистической), политической или культурной «мир-системы» (миросистемный подход); 3) распространение (столкновения) «культур» и «цивилизаций» (социокультурный подход) или 4) «модернизацию» обществ по линиям: «аграрное – индустриальное – постиндустриальное» или «традиционное – общество модерна – постмодерна» (модернистский подход).

Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются. Но в подавляющем большинстве исследований доминирует позиция, согласно которой глобализация воплощает очевидное увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности человечества на основе одной – западной – модели развития, экспансия которой разделила мир на развитый «центр» и отсталую «периферию», вынужденно усваивающую научно-технические, политические и культурные достижения и стандарты Запада. Соответственно этому выстраиваются исторические периодизации вестернизированного варианта глобализации: ее первый этап обычно относят к «долгому XVI веку» (И.Валлерстайн), связывая со становлением капитализма в Европе и колонизацией мира европейцами, второй – к XIX столетию, – веку индустриальной революции и формирования мирового рынка, третий – к середине XX в., эпохе НТР и международных организаций⁸. Существуют иные, более масштабные периодизации, относящие начало глобализации к неолитической революции⁹ или Осевому времени¹⁰. В этих случаях глобализация интерпретируется, например, как циклически-волновой «никогда не завершающийся, но стремящийся к завершению процесс интеграции различных государств и цивилизаций»¹¹.

В нашу задачу не входит подробный сравнительный анализ этих наиболее распространенных трактовок и периодизаций глобализации. Многие из них, как уже отмечалось, интерпретируют глобализацию как некий спонтанный, самоподдерживающийся

процесс, исходят из подразумеваемой бессубъектности этого феномена. Но все они будут дополнять друг друга, если мы интерпретируем глобализацию как *мегатенденцию к объединению* цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе *разделенного человечества в глобальную (планетарную) общность или «глобальную всечеловеческую целостность»*¹², реализующуюся (но с разной скоростью и успехом) одновременно по всем из указанных разделительных линий и в многообразии конкретно-исторических форм. Важно лишь во время снимать обычные в таких случаях абсолютизации и избегать объективизма, лучшим лекарством от которых была и остается философия, интерпретирующая социальную историю вида *homo sapiens не как поле действия* неких безличных «сил» или «систем», реализующихся вне и помимо совместной социально организованной деятельности людей, а как процесс, целостность и единство которого обеспечивается «вплетенным» в него сознанием. В этом социально-философском аспекте глобализация не редуцируется к одной из многих своих сторон, а рассматривается как сложный исторический феномен, от эпохи к эпохе меняющий свои содержание и формы.

* * *

Точка зрения социальной философии и, шире, философии истории определяется таким подходом к историческому материалу, в пределах которого обосновывается необходимость изучения событий в контексте диалектико-деятельностного единства бытия и сознания. В контексте нашего исследования это означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрения и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе взаимодействия разнообразным трансформациям и поглощениям. Известная нам письменная история человечества – это не только *история внешних взаимодействий и отношений* (в том числе господства и подчинения) **между** объединенными в малые и крупные социальные, политические и социокультурные целостности индивидами – обществами (социумами), государствами и цивилизациями, но и «внутренняя»

история возникновения, развития и исчезновения этих образований или общностей. Только будучи расчлененными скальпелем категориального аппарата теории и абстрагированными от своей феноменальной данности и одна от другой, они существуют как независимые «истории» в пределах различных дисциплинарных онтологий. Но в действительности метадисциплинарного философско-методологического синтеза, подчеркивающего диалектику внутреннего и внешнего, социального, политического и культурного, одна без другой они попросту невозможны. Как невозможно внесоциальное, в широком значении термина, существование составляющих человечество индивидов.

Следовательно, *глобализация может и должна быть рассмотрена как мегатенденция к объединению человечества*, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных, т. е. культурно и политически связанных целостностей. То есть *не только как уже отмеченное распространение людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов (географический аспект), но и как сопутствующая этому процессу и детерминирующая его предметно-практическая и духовная организация и реорганизация внешнего и внутреннего социального, экономического, политического и иного пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы («роды», «племена», «этноты», «нации»), государства и цивилизации индивидов*. Соответственно источниками и движущими силами глобализационных процессов оказываются потребности и интересы объединенных в социальные целостности людей, невозможность удовлетворения которых в локальном ареале существования стимулировала их распространение в пределах и за пределами регионов и континентов, сопровождавшееся, невзирая на постоянную борьбу за ресурсы, выработкой и установлением ценностей, норм и институтов совместной жизни.

Сформулированное таким социально-философским способом понимание глобализации как мегатенденции к объединению человечества – предельно общая, но совсем не пустая абстракция, использование которой в дисциплинарных исследованиях способно нейтрализовать представление о «бессубъектности» этого процесса и хотя бы отчасти устранить почти повсеместную редукцию

глобализации к экономической, политической или какой-то другой из многих сторон («составляющих») исторического процесса. В качестве мегатенденции истории человечества, способом осуществления которой является предметно-практическая и духовная жизнедеятельность интегрированных в социокультурно, экономически и политически различные антропологические целостности индивидов, глобализация реализуется по всему спектру отношений и взаимодействий между ними. Поэтому ее можно рассматривать как *совокупность процессов* экономической (торговой, финансовой, производственной и др.), политической (военной и дипломатической) и/или культурной (религиозной, идеологической, научно-технической и др.) глобализации, осуществлявшейся с разной скоростью, последовательностью и успехом в разных местах и разные исторические эпохи. Важно не забывать и постоянно иметь в виду взаимосвязь, пространственно-временную динамику и незавершенность этих процессов, учитывать, что в длительной исторической ретроспективе глобализация всегда выступала как последовательность сосуществующих и сменяющих друг друга исторических форм, источником которых обычно оказывалась пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории обществ, государств и цивилизаций, а содержанием – исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропологических целостностей, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между ними¹³ и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося общего внешнего и внутреннего социального пространства совместной жизни. Обобщая, можно сказать, что глобализация человечества изначально воплощает в себе становящееся единство социальной истории, обеспеченное конкуренцией и «эстафетностью» (М.Розов) бытия и сознания образующих ее антропологических целостностей. Не претендуя на полноту, рассмотрим основные этапы этого процесса, акцентируя внимание преимущественно на собственно социальной и политической его компонентах.

Как уже отмечалось, в зависимости от исходных трактовок могут быть построены самые разные исторические периодизации и соответствующие им исторические формы глобализации, относящие ее начало в том числе и в глубокое прошлое, к временам распространения по Земле биологического вида *homo sapiens*. Начиная с неолитической революции, вся известная нам история вида *homo sapiens* – это история миграций, великих переселений и войн первобытных и постпервобытных, догосударственных и государственно оформленных групп и обществ за географическое пространство – территории проживания и сосредоточенные на этих территориях ресурсы, в том числе и человеческие, удержать которые достаточно долго пришельцы и победители могли, лишь организовав *общее* экономическое и политическое *пространство совместной жизни* для населяющих эти территории людей путем выработки универсальных для них норм общежития. Так возникали сначала ранние государства и их аналоги, а позже – этнические, имперские и собственно национальные государства, в пределах которых и помимо непреднамеренных культурных диффузий сначала усилиями племенных и этнических элит, а затем государственной «бюрократии» осуществлялась ассимиляция и интеграция лингвистически, религиозно и культурно разного населения в новые относительно *гомогенные социальные целостности* – территориально, экономически, культурно и/или политически связанные в «общества»: племена, союзы племен, этносы и нации – группы людей, эмоционально-символически и концептуально идентифицирующие себя как одно целое и стремящиеся распространиться до пределов известной им Ойкумены.

В подавляющем большинстве случаев это распространение имело характер военных и колониальных экспансий, следствием которых, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, оказывался перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни. Неизбежная в таких случаях «встреча культур» сопровождалась различного рода заим-

ствованиями, непреднамеренными ассимиляциями и намеренно осуществляемыми «метрополиями» аккультурациями, «символическим насилием», вызывавшим сопротивление лингвистически и культурно разного иноверного населения покоренных и колонизируемых территорий. Но в любом случае знания, артефакты и институты одних народов оказывались доступными другим, обретали статус «мировых» ценностей, раздвигали горизонты и трансформировали мировоззрения, шаг за шагом делая экономически, социокультурно и политически разделенное человечество материально, интеллектуально и духовно все более взаимосвязанным, идею «человечества» и его антропобиологического единства – субъективно представимой и психологически приемлемой, а объединение человечества в глобальную целостность – философски и политически фундированным проектом.

Таким образом, в контексте социальной и политической истории человечества глобализация связана с появлением и развитием *интеграции* внутри и между большими и малыми, традиционно и политически организованными, культурно разными социумами, конкуренция между которыми неизбежно приводила либо к новым социокультурным и политическим слияниям, либо к распадам прежних целостностей, влекущим за собой очередную реконфигурацию внешнего (международного) пространства отношений между интегрированными в социумы индивидами. По сути дела *социально-политическая история глобализации* – это история превращения локальных историй первобытных и постпервобытных кочевых и аграрно-ремесленных обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, в *региональную историю* древних и средневековых этнических государств и империй, а затем и во *всемирную историю* наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силою государственных форм территориального контроля, но и создавших новые «анонимные» системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации. Иными словами, становление всемирной истории – противоречивый процесс, связанный с приливами и отливами «волн глобализации» на тех или иных территориях планеты, имеющих свой временной и географический масштаб.

В контексте нашего обсуждения учет последнего обстоятельства имеет принципиальное значение, подчеркивающее ограниченность построения западоцентричных интерпретаций и периодизаций глобализации, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм осуществления этой тенденции к одной из потенциально возможных. Таковыми, в частности, являются все концепции глобализации, связывающие ее начало со становлением и развитием европейского капитализма XVII–XIX столетий, сопутствующим ему развитием науки и техники, рыночных отношений и формированием национальных государств, имперский порыв которых привел к формированию капиталистической «миросистемы» и последующей вестернизации мира. Именно она, считают авторы этих концепций, – единственная из реально существовавших и возможных форм глобализации человечества в прошлом и обозримом будущем. Но это не так.

* * *

Интерпретация глобализации как вестернизации, безусловно, хорошо согласуется с большим массивом исторических фактов конца XIX – середины XX столетий. Но в более длительной исторической перспективе и ретроспективе ее нельзя считать удовлетворительной, поскольку она основывается на двух достаточно спорных гипотезах: идее последовательного одновекторного смещения центра мирового развития с Востока на Запад и идее «однополярного мира», разделенного на экономически, научно-технически, военно-политически и культурно доминирующий «центр» (Запад) и «догоняющую», стремящуюся интегрироваться в него «периферию» (Восток, Азия). Эти идеи в свою очередь опираются на предположение о линейном характере исторического развития, берущее начало в оформившейся в XVIII–XIX столетиях особой традиции (иначе – «стиле») европейского мышления, получившей в 1970–1980 гг. в трудах арабо-мусульманских, индийских, китайских и других неевропейских историков и культурологов название «ориентализма»¹⁴.

Эта свойственная всей европейской культуре и, как считают, не преодоленная до сих пор традиция бинарного, культурно-оценочного противопоставления «энергичного», «свободного»

и «цивилизованного» Запада «ленивому», «сонному» и «рабскому» Востоку стимулировалась и поддерживалась двухсотлетней практикой колониального освоения ведущими европейскими империями Азии, Африки и в меньшей степени Америки, в ходе которой выковывалась европейская идентичность «белого человека», формировалось представление о его «бремени», «цивилизаторской миссии», в конечном счете основанное на идее расового превосходства. Так первоначальное географическое разделение мира превращалось в геополитическое, обрастало культурными смыслами и, проникая сначала в европейскую историографию и историософию, а затем и в антропологию, этнологию, психологию, в конце концов сделало ориенталистский (западоцентричный) подход к изучению иных народов и цивилизаций чем-то само собой разумеющимся. Специфика ориентализма, считают его исследователи, заключается в том, что Запад всегда имел дело не с Востоком или Азией как таковыми, с их презентациями, а с вторичными по своей сути «образами Востока и Азии» – системой их репрезентаций, представленных в поэзии, литературе и академических исследованиях, которые сам для своих нужд и создал¹⁵.

Солидаризируясь с этим наблюдением, добавлю, что и Восток всегда имел и имеет дело не с Западом как таковым, а его многочисленными репрезентациями, в пределах которых, особенно в последние годы, Запад оценивается отнюдь не лучшим образом. Да и вообще тезис о соотношении презентаций и репрезентаций в научном исследовании требует глубокой проработки. Поэтому, отдавая должное исследованиям ученых-реориенталистов, результаты которых обогатили науку новыми фактами и обобщениями, не следует впадать в крайности «оксидентализма»¹⁶ и перемещать «центр» прошлого и современного глобального развития из Европы в Азию. «Белые» мифологии¹⁷ ничуть не лучше «желтых», а «востокоцентризм» и «азиацентризм» не лучше «евро-» и «западоцентризм». Предпочтительнее, снимая односторонность и цивилизационную «нагруженность» дискурса о глобализации, опираться на весь массив исторических знаний, которые свидетельствуют о том, что «центр» и «периферия» постоянно менялись местами, и история человечества, даже в Евразии, никогда не была «улицей с односторонним движением».

ем», неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. История – нелинейный процесс и результат взаимодействия, конкуренции и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического развития: индивидов, обществ, государств и цивилизаций. Соответственно и глобализация как одна из ее тенденций была результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных (социокультурных) и политических моделей. Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев выступала империя.

По справедливому замечанию А.Г.Франка, перемещение «центра мира» – колебательный процесс, отмеченный «сменяющимися друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии»¹⁸. Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования ученых-реориенталистов, убедительно доказывающих, что начиная с XII в. н. э. и вплоть до середины или конца XVIII столетия центром торгового, экономического и даже индустриального прогресса до XV в. была Азия¹⁹, крупнейшие империи которой значительно превосходили любые европейские государства своей военной мощью, размерами культурного и политического влияния²⁰. Уже в XI в. уровень образованности (20–30 % населения) в средневековом Китае был довольно высок, значительными темпами росли тиражи печатных книг по истории, философии, медицине, сельскому хозяйству и военному делу. К XIV в. в Китае имелись многие предпосылки промышленной революции, которые историки отмечают в Англии конца XVIII в. Это была, полагают исследователи, «относительно развитая рыночная экономика», формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии произошла в XVIII в., в Китае осуществилась на 700 лет раньше, обеспечив существование гигантских городов-миллионеров.

Тем не менее в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Объясняя этот исторический парадокс, многие связывают его, например, с добровольным отказом Китая и Японии от научно-технической и промышленной модернизации, которая воспринималась как угроза основам, спланивающим социуму, традиционным мировоззрению и культуре²¹, с деспотизмом и сакральным характером имперской власти в мусульманских странах, со многими другими причинами. Как бы то ни было, начиная с XVI в. глобализационный порыв крупнейших кочевых, аграрно-ремесленных и полундустриальных империй Центральной и Юго-восточной Азии (Китая и Индии) иссяк. И с тех пор, невзирая на упорное сопротивление возглавляемого османами исламского мира, последующие четыре столетия глобализация шла рука об руку с колониализмом национальных государств Западной Европы, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволили им распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке. Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной вестернизацией стран мировой «периферии» и «полупериферии»?

В значительной мере конкретный ответ на этот вопрос зависит от того, удастся ли этим странам, приспособившись к нынешней, в значительной мере скроенной по американским лекалам вестернизации, выработать собственные, национальные (национально-государственные) формы глобализационных стратегий.

* * *

Разумеется, шансов «на равных» войти в глобальную экономику у подавляющего большинства стран «периферии» почти нет. Зато вполне реальны национальные формы глобализационных стратегий индустриальных стран, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неоллиберализма, взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но главным образом на собственные социокультурные и политические традиции

и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить последнюю, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию.

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии и Индия, успехи которых в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, который занялся освоением хозяйственных и технологических достижений Запада, кардинально не меняя системы собственных социальных и политических ценностей. Более того, по мнению российских ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего патриоты. ...Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское»²², сочетающееся, добавим, с изрядной долей политического прагматизма.

Прочие страны мира скорее приспособляются к существующей глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это получается успешно, как, например, у аравийских монархий, у других – например, у стран Экватори-

альной Африки к югу от Сахары – не получается совсем. Причины того и другого в меньшей степени связаны с национально-культурными особенностями, в большей – с использованием ресурсов этих стран глобальной экономикой.

Между тем и по мере нарастания гегемонистских устремлений США и укрепления ШОС все больше вырисовываются перспективы создания треугольника «Россия – Индия – Китай» как союза трёх полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются в однополярном мире. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Существуют и более амбициозные проекты, связанные с возможностью присоединения к ШОС Ирана и Малайзии. Следовательно, будущее глобализации отнюдь еще не предопределено. И может стать, что спустя несколько десятилетий вновь наступит «эпоха Азии».

Примечания

- ¹ *Иноземцев В.Л.* Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация // *Вопр. философии.* 2004. № 4. С. 58.
- ² Там же. С. 60.
- ³ *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005. С. 407.
- ⁴ *Азроянц Э.* Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М., 2002. С. 65, 66, 248, 250.
- ⁵ См.: Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола») // *Вопр. философии.* 2006. № 9. С. 27, 31–33.
- ⁶ *Казютинский В.В.* Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма. // *Филос. науки.* 2006. № 7. С. 93–94. К этому следует добавить, что в пределах некоторых физикалистских интерпретаций идея универсального эволюционизма базируется на ряде гипотетических допущений, основу которых составляет уподобление эволюции Вселенной как саморазвивающейся системы эволюции земной жизни, в свою очередь интерпретируемой в постулатах дарвиновской теории эволюции организмов: изменчивость, наследственность, отбор. См., например: *Моисеев Н.Н.* Восхождение к разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М., 1993. С. 27. Для общественности уподобление развития социумов развитию организмов не только не является чем-то новым, но скорее шагом назад – к концепциям Вико, Данилевского, Шпенглера и др.

- ⁷ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М., 2004. С. 19. Под «потоками» авторы понимают «перемещения физических артефактов, людей, символов, знаков и информации в пространстве и времени», а под «структурами» – «отрегулированные, соответствующие определенным образцам взаимодействия между независимыми агентами, точками пересечения деятельности или центрами власти» (Там же).
- ⁸ См.: *Спикер Г.* Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003; *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. М., 2003. С. 78–82; *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Философия исторического прогнозирования. Дубна, 2006; *Иноземцев В.Л.* Глобализация и неравенство // Россия в глобальной политике. 2003. № 1; *Савас Масмас М.* Глобализация как переход к социализму // Альтернативы. 2000. № 3. С. 4. и др.
- ⁹ *Чешков М.А.* Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et contra. 1999. № 4. С. 114–127.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Хачатурян В.М.* Возможна ли глобальная история? (по материалам докладов XIX Международного конгресса исторических наук в Осло. 2002) // Цивилизации. Вып. 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., 2002. С. 235–236.
- ¹¹ *Пантин В.И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003. С. 6.
- ¹² *Мотрошилова Н.В.* Идеи единой Европы: философские традиции и современность. Ч. 1 // *Вопр. философии.* 2004. № 11. С. 5.
- ¹³ Выражающееся в увеличении числа и протяженности транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных «сетей» и коммуникаций.
- ¹⁴ «Ориентализм, – писал в 1978 г. в одноименной книге Эдвард Саид, – это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различении “Востока” и (почти всегда) “Запада”. Цит. по: *Саид В. Эдвард.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В.Говорунова. СПб., 2006. С. 9.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Саид В. Эдвард.* Ориентализм... С. 78–114.
- ¹⁶ Оксидентализм – оборотная сторона ориентализма: концепция, приписывающая Западу отрицательные черты, якобы не свойственные высокодуховным и коллективистским восточным культурам.
- ¹⁷ Именно так – «Белые мифологии. Сочинение истории и Запад» – называется обобщающий труд по ориентализму А.Янга, в котором он, ссылаясь на Э.Левинаса, обвинил всю западную историографию в «онтологическом империализме». See: *Young R.* White Mythologies. Writing History and the West. L.–N.Y., 1990. P. 14.
- ¹⁸ *Frank A.G.* ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley–Los Angeles, 1998. P. 1.
- ¹⁹ Не говоря уже об использовании пороха в военных целях и строительстве океанских флотилий, упомянем, что даже производство чугуна в Китае базировалось на передовой технологической базе (использование кокса и непре-

рывная продувка домны), которая стала известна в Англии 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. Существовали и разветвленная транспортная сеть, и развитая финансовая система.

²⁰ *Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley–Los Angeles, 1998. P. 123–127.

²¹ Самый впечатляющий пример – добровольный, вызванный основанными на конфуцианской этике моральными соображениями отказ Китая на долгое время после 1433 г. от дальнего мореплавания и строительства океанских судов, а также изготовления механических часов и водяных машин.

²² *Буров В.Г., Федотова В.Г.* Китайский опыт модернизации: теория и практика // *Вопр. философии*. 2007. № 5. С. 18.

Александр Разумов

Свобода выбора – выбор свободы (между добром и злом)

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

*Борис Пастернак.
Нобелевская премия,
январь 1959 г.*

Истоки предлагаемой вниманию читателя темы находятся в таких глубинах существования, что позволяют автору повести разговор не просто с начала, а с «начала начал». Меня согревает, признаюсь, надежда, что, двигаясь от этих поросших мифологемами глубин к свету, можно встретить поддержку со стороны исторически ориентированного ума, а также обнаружить определенные указатели на дороге. Так вот: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1, 1). Бог, Господь всего сущего сотворил, а «венцу творения», то есть нам, то есть мне, заповедовал возносить Ему хвалу, а главное – жить по Заветам. Уже первый Ветхий Завет, заключенный между Яхве и его народом, трактует в частности, что такое «добро» и «зло» в мыслях и в деяниях. Чтобы актуально и в потомках исполнить Завет, следует правильно прочесть и истолковать тексты «Книги книг» и, конечно, ее первый стих. Однако чтение и толкование древних текстов – дело тонкое и автору сих строк не по силам, но, к счастью, от меня не требуется никакой самостоятельности – достаточно обратиться к идейному наследию предков, а именно, к христианской, православной традиции.

Традиция, верования отцов разъясняют мне и хранят предание о том, что прежде видимого мира вещей Бог сотворил «небо», то есть невидимый мир бесчисленных, бестелесных духов или ангелов. Ангелы обладали силой и волей и созданы были для жизни в великой радости и любви к Богу и друг к другу. Но Создатель не желал любви по принуждению, а посему

предоставил небожителям свободу жить так, как они пожелают. Не все небесные создания ко благу использовали право на свободу выбора. Один из высших ангелов, по имени Денница, так возгордился собственным могуществом, что восстал на Господа и в итоге оборотился Дьяволом (клеветником) и Сатаной (противником Бога); был вместе с многочисленными слугами-бесами низвергнут в ад небесным воинством, откуда вмешивается в мирские, земные дела, являя «силу подлости и злобы», с которой борется «дух добра». Борьба, как мы знаем, идет с переменным успехом, а в наших головах не одни только серафимы и херувимы крылами машут.

На этом вынужден прервать свое краткое, но вполне каноническое изложение христианского толкования смысла первого библейского стиха. Дело за тем, чтобы понять, о чем нам повествует предание в свете интересующей нас темы. Так вот, если отжать мифологическую составляющую до нужной философской сути, то выясняется, что мифологема сообщает нам указания, содержит положения фундаментального свойства. Мы узнаем, что в «начале», то есть в «сущности существования», лежит акт свободного творчества; он предполагает наличие разных возможностей, из которых надлежит делать свободный выбор. Свобода ограничена рамками добра и зла. Последние – «дар небес» или происходит из иной реальности, и от «образа и подобия» зависит, как он этим даром воспользуется. В любом случае «добро и зло» логически предшествуют выбору. Их следует иметь в виду, делая выбор, привлекая для этой цели знания, которыми обладаем.

Вот что можно и надлежит прочитать в оставленном предками предании. Творчество, свобода, выбор, добро и зло образуют единый проблемный узел, в который стянуты вопросы существования, не исключено, что и ухода человеческого рода. Все они суть предметы исторического мышления, раздумий, убеждений, идеологий, верований и Заветов, то есть истин, адресованных потомкам. Заметим, что на поставленные вопросы каждое время пытается дать собственные ответы, глядя на них с вершины исторического опыта. Вершина, правда, скользит по оси времени, унося окончательные ответы в неопределенность будущего. Мы, таким образом, живем в мире, которым управляет время и о котором узнаем то, что оно нам позволяет узнать. Даже откровения,

даже слова Бога меняют смысл, обогащаются творческой свободой истолкований, свободой нашей субъективности и субъективного выбора из разных толкований. Но это еще не все сюрпризы, которые несут моей субъективности различные времена, сознанию, определяющему бытие. Мои идейные предки соотносились с Иисусом из Назарета. Но кроме Христа были еще Моисей, Соломон, а также Будда, Шаохао, Вьяса, Вальмики-Адикави, Вишнамитра, Конфуций, Лао-Цзы, Заратустра... Пора переходить ко взгляду на прошлое из своего сегодня. Но прежде позвольте замечание методологического свойства.

Тема, которая изначально казалась довольно простой, постоянно усложнялась в процессе раздумий, распадаясь на ряды кардинально разных проблем и совсем не очевидных вариантов решений. Что съесть сегодня на обед? Простой вопрос, если на стол подадут мясо «чистых животных». А если нет, если уже сделан выбор во славу Аллаха, а не Иеговы или я вообще поклоняюсь чему-либо, запрещающему мясоедение? Переходить или не переходить Рубикон? Жребий брошен, и конец демократии в империи. Выбрать Париж или мессу? Похоже, большинство последовало бы примеру Генриха Наваррского. Вот выбор, который касается только меня и нескольких заинтересованных лиц, – выбор спутника жизни. Но если меня зовут Шах Джahan, а супругу Мунтаз Махал, то последуют великие беды для индуизма и Индии и великолепное бессмертие Тадж-Махала. Или возьмите проблемы династических браков в истории с их случавшимися муже-, отце- и детоубийством. Все это, повторюсь, кардинально различные проблемы, а если присовокупить много здесь не названных, но вполне каждому знакомых, то станет ясно, что собрать воедино все их сегменты можно только в очень абстрактной теории.

Или представить, собрать их в форме методологии, понимая последнюю в качестве особого способа мышления, отличительным, существенным моментом которого является отсутствие окончательных решений, но предполагающим несколько возможных. Я выбираю этот вариант представления теории выбора, как более уместный в свете поставленной себе задачи. Своими любимыми словами и словосочетаниями в статье я объявляю «возможно», «может быть», «если, то», «похоже»...

А пока я намерен обратиться к методологии в вышеозначенном смысле этого понятия, как к особому способу мышления, а в качестве предмета для собеседования предложить результат самопознания в той его части, которая относится к существенным сторонам моего типичного ума.

В той мере, в какой я являюсь европейцем, мои идейные истоки следует искать у берегов Мертвого моря и греко-римского Средиземноморья¹, а значит, в моем уме должны сочетаться и причудливо сочетаются Библия и логические трактаты Аристотеля («Учителя»). Библия задавала и задает поныне ценностные ориентиры культуры, трактаты, позднее названные «Органомом», требуют их рационального обоснования (см. Бл. Августин, Фома Аквинский). Во мне присутствуют античная уверенность в изначальной гармонии мира, в возможность ее рационального обоснования, идея римского права и то, что с большим трудом вписывается в рациональную реальность: вера в казненного на Голгофе Бога, провозгласившего Любовь на все времена. Я – европеец и главным образом европеец, даже если, подобно выдающемуся сыну «Серебряного века» Александру Блоку, объявляю себя скифом и азиатом: «Да, скифы мы, да, азиаты мы... попробуйте сразиться с нами...» Во всяком случае мои братья по разуму и поныне воздвигают храмы, ищут в себе следы Божественного присутствия, а также возносят хвалы природе, отыскивая с помощью логики, математики, естествознания, науки доступную гармонию мира, слушают «музыку сфер». Даже если я – атеист, я – греко-христианский атеист. В душе моей светится христианский моральный кодекс, а ум обожествляет природу.

Можно сказать, что, питаюсь из обоих источников, я исповедую и принимаю некую многозначную, вероятностную логику христианства². Я разворачиваю для себя систему (логику) смыслов, где можно встретить многозначность и многозначительность, возможность противоречивых толкований и совместимость противоположностей. Возможны трансформации и мутации смыслов. В разных исторических обстоятельствах, как уже отмечалось, возможны разные прочтения текстов. В Библии можно без труда отыскать все эти «потенции».

Мимо меня проходят Вьеса, Шаохао, Вальмики-Адикави... но я нахожу много общего и возможность диалога с иными идеями и верованиями явно не европейского происхождения, кроме фана-

тичных учений и тотальных идеологий. Бог один, но путей к нему много. Я могу с пониманием отнестись к стремлению вознестись в токах энергии индуистов Шакти или к желанию хорошим поведением в ряде перерождений заслужить безмолвие и высшее состояние сознания в нирване. Не стану осуждать сторонников какой-либо из «авраамических религий». Словом, диалог возможен и желателен. Все приемлемые религии едины в своем стремлении различить добро и зло и похожи в своих моральных заповедях. Например, от ислама меня более всего отделяет заповедь, запрещающая азартные игры и употребление «горячительных напитков». Но, мне кажется, иные мои сограждане из мусульман одно из различий уже начинают стирать.

Невзирая на разное понимание дороги, ведущей к храму, любая мировая религия зовет к познанию, к свободе, к любви. Правда, истина чаще всего ограничивается рамками своей религии, свобода духа должна быть дисциплинированной, а любовь охватывает только узкий круг единомышленников. Поэтому и возникает нужда в диалоге. Чтобы обосновать и пояснить проделанный ранее свободный выбор. Якобы свободный...

* * *

Как уже отмечалось, проблема выбора сопровождает весь период человеческого сознательного существования. Возможно, оно и началось с выбора. Продолжая «традиции» биологической революции, последний стал существенной характеристикой, атрибутом бытия человека с тех пор, когда сознание взялось корректировать инстинкты. Совсем недавно, в последние тысячи лет, человек стал личностью, и многое в нем изменилось. Поле возможностей для свободного выбора значительно разрослось культурами и лучше возделано, как мы сегодня не без гордости соображаем. У нас провозглашаются свобода вероисповедания, право наций на самоопределение: мы можем выбрать политическую платформу, партию, к которой примкнем, президента, за которого можно отдать свой свободный голос. В отличие от наций, платформы и партии можно менять. Для отдельного персонажа, правда, жизнеориентация и ее смена далеко не всегда являются результатом свободного выбора, зато

он всегда может выразить несогласие, даже протест действием или оставаясь в пределах внутренней свободы мысли, что чаще всего и случается. В общем, в этом надлежит разбираться.

В мире, управляемом временем, все, что однажды возникло, имеет свой неизбежный конец. Время дарует возможность выбора и лишает нас его. Земное, телесное бытие человека в итоге оказывается трагичным. На мне лежит печать, давит пресс неизбежного конца. Давит на моих друзей и близких. У нас нет выбора, здесь кончается наша свобода. Но это еще полбеды. Можно рассчитывать на жизнь в потомках, в памяти людей и даже поколений. Трагедия в том, что выбора нет у всего человеческого рода, над которым также висит неотвратимость исчезновения. Можно сколько угодно глубокомысленно и изобретательно отслеживать варианты «антропного принципа», начиная с мировых констант, сингулярности и Большого взрыва – это не отменит нашей космической обреченности. Сама наша Вселенная перестанет быть таковой то ли вследствие перехода вещества в излучение, то ли из-за Большого сжатия и коллапса всего пространства и всей материи. Так утверждают современные космологические гипотезы. Впрочем, они утверждают еще много любопытного о вселенных разных измерений, свернутых мультивселенных, вселенных с отрицательным направлением времени и т. д., но они нас интересовать не должны как не имеющие отношение к проблеме моего выбора. Пока не имеющие. Зато к этой проблеме имеет отношение такое соображение-вопрошание. Зачем, имея в виду космическое исчезновение моего рода, зачем мы стремимся узнать, что было за миллиарды лет до нас и что будет через миллиарды лет после нас? Затем, чтобы знать, кто мы сегодня! Затем, что предпочитаем знание невежеству. Затем, что трагедия рода – это оптимистическая трагедия.

«Много есть чудес на свете,
Но чудесней человека нету в мире никого», –

уверял поэт, драматург, «отец трагедии» Эсхил.

С Востока его поддержал Омар Хайям:

«Мы – цель и высшая вершина всей Вселенной,
Мы – наилучшая краса юдоли бренной...»

Наш оптимизм до известной степени поддерживает достаточно долгий срок возможного существования, за который может произойти и уже происходит много неожиданного в мире реального и в познании. Сегодня реальность физиков множится и умножается настолько, что стираются грани между нею и вымыслом. Мы воспринимаем только одну из реальностей, причем не самую сложную, уверяют нас. Существуют параллельные миры, и общение с ними, и путешествия туда возможны, как и сигналы и информация из будущего. Представляете, какие открываются перспективы для выбора? Названы, обозначены не самые фантастические из гипотез. Критерий существования размыт и крайне либерален.

Где здесь чистый вымысел, а где не сдержанная ничем, кроме математики, мысль, я лично судить не берусь, но в любом случае гипотезы суть порождения творящего времени. Напомню отмеченное Ильей Романовичем (Илией Рувимовичем) Пригожиным (Нобелевская премия за 1977 г.) свойство времени создавать из хаоса порядок³. Везде, где есть диссипативные (неравновесные) структуры, включаются механизмы самоорганизации с характерными моментами раздвоения (бифуркации) возможного пути, а значит, и выбора. Это фундаментальное свойство физических систем продолжается в биологии и социологии, и мы знаем, что там, где есть возможность выбора, есть и надежда.

Пригожин был атеистом, но, похоже, люди никогда не откажутся от древней традиции связывать смысл собственного существования и надежду на вечную жизнь с верой в Предвечного. Хотя можно, конечно, оправдать наше появление в мире космических явлений и без веры в сверхъестественное, тем более, что такое оправдание может совсем не противоречить самой искренней вере в Создателя. Как и наоборот: вера в Творца может совсем не противоречить еще и космическому оправданию нашего появления во Вселенной. Современная наука отрицает существование Абсолютного Наблюдателя, хотя не знаю, чем он ей помешал, а значит, отрицает и Абсолютную Истину, что, похоже, следует из истории познания.

Успехи в понимании того, что лежит в пределах и за пределами «юдоли брэнной», подвигают к пониманию того, что мысли и сознание являются моментами самопознания Вселенной, в особенности если мы, вопреки Дж. Бруно, одиноки и уникальны в ми-

рах вещей и энергий. Задание не из простых, но, если исполнится, это вполне оправдывает наше появление из глубин Космоса. Но вот наше моральное оправдание, точнее самооправдание, зависит от того, сумеем ли в полной мере использовать отпущенные для этого космические и биологические сроки. Может статься, что мы окончим жизнь каким-либо из вариантов суицида, самым невинным из которых является создание систем такой степени сложности, когда их поведение становится непредсказуемым для думающих андроидов, рядом с которыми нам едва ли найдется место. Едва ли найдется место для наших миров поэзии и прозы, звуков и красок, толкования мировой гармонии. К ним перейдет право на выбор.

Еще более печально, если «свобода творчества» занесет нас куда-нибудь дальше «века физики» с такими его изобретениями, как термоядерная «слойка» выдающегося физика и гуманиста А.Д.Сахарова, достижениями химии, биологии и других наук – с внедрением в производство нервно-паралитических газов, бактериологического, психотропного и иных подобных способов разъяснить собеседнику собственную позицию. Занести нас может в век нанотехнологий с его значительно большими возможностями продвижения в отмеченном здесь направлении. Может быть, уже занесло, моей свободной мысли никто не докладывал. Но я продолжаю далее свои изыскания в области свобод и выбора в надежде на то, что каким-то образом всему человечеству удастся избежать преобразования отмеченных потенциалов в прискорбную для всего планетарного биоса актуальность. Но если сбудутся прогнозы «трангуманистов» и люди в итоге обретут бессмертие микрочипов, компьютерных программ и заменяемых металлоконструкций, то теряют смысл все мои предшествующие и последующие упражнения ума.

Задача морального оправдания нашего существования не становится менее сложной. Более того, она разрастается до глобальных масштабов, до настоятельной необходимости включить древнее «золотое правило нравственности», категорический императив и общечеловеческую мораль в мировое сознание.

Самым бесспорным повелением своему народу, человеческому роду, которое «из среды огня, облака и мрака (и бури) громогласно» изрек Господь на горе Синай и для верности записал на каменных скрижалях, была заповедь «не убивай». Сколь труд-

на она для исполнения, не подозревал тогда ни вождь и воитель Моше-Моисей, ни народ его, выведенный из рабства, из плена египетского. Не подозревали и не понимали они, что прикоснулись к самому главному и фундаментальному выбору, который тысячелетия будет сопутствовать человеческой истории, творить и определять ее. Это выбор войны и мира. От выбора и от «убий» пока не могла уклониться ни одна самая человеколюбивая религия, поэтому наши опасения безвременной кончины рода вовсе не напрасны. На «убий» тратятся колоссальные средства, работают лучшие, самые продуктивные ученые умы, государства, а «непротивленца», поборника мира Льва Николаевича Толстого отлучили от Церкви. Ни один мир не воспевался в таких поэмах и сагах, как это случилось с войнами.

Возьмем первую из мировых войн, которые нам известны. Имеется в виду война между Европой и Азией с участием эфиопов и даже отряда амазонок, которую воспел Гомер. Независимо от того, был ли он подлинным автором «Илиады» и «Одиссеи», сочинение является непревзойденным шедевром, в котором присутствуют большинство человеческих страстей, если не все: любовь, верность, мужество, доблесть, ревность, тщеславие, коварство и иные. Мы многое узнаем о природе человека. Миф смешивается с реальностью и содержит немало нравоучительного. Но и аэд Гомер совсем не осуждает ахейцев за затеянную войну, охватившую весь тогдашний «цивилизованный мир». Мы от Гомера отличаемся тем, что не считаем войну просто следствием несовершенства боговолимпийцев и слепого рока. И то хорошо!

Не убежден, что за несколько ближайших поколений мировому сообществу удастся окончательно и в положительном смысле решить проблему выбора между войной и миром. Разве что снизойдет на него «полный коммунизм» или, еще лучше, в мир явится «святой город Иерусалим, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего», и «смерти не будет... ибо прежнее прошло» (Отк. 21, 2). Но лучше, не дожидаясь, когда «ангел вострубит», уже сегодня сотворить многополярный мир и загрузить мировой Нус новым содержанием. Потребуется, ясное дело, взаимокоррекция интересов. Еще хорошо бы вспомнить учителя Лао: «Путь в тысячу ли начинается с одного шага».

С другими заповедями, выбитыми Господом на скрижалях, дело у нас в России обстоит не лучше, чем с «не убий». Да и пожелание «не убий» относится не только к войне и миру, но и к развитой отечественной уголовной практике. Сейчас я намерен сказать несколько слов о заповеди «не укради», о не всегда очевидном выборе между законом и беззаконием. Напомню, что в России всегда были сложные отношения с правом, начиная с царей и цареубийств, кончая «голью кабацкой». А между ними сановное воровство и воспетые в преданиях разбойные казаки, вроде Разина и Пугачева. Словом, жили не по закону, а по понятиям и по «совести». Возвращаясь к «не укради», хочу отметить, что внедрить в народное сознание эту заповедь едва ли возможно, если сеять семена ожиданий на каменистую почву современной реальности. «Укради» сегодня – это системообразующий фактор и присутствует в российском общежитии везде, где коррупционная составляющая вмешивается в движение бюджетов, финансов, товаров и канцелярских, полицейских, медицинских и иных услуг населению. Коррупция бывает сопровождает человека от роддома до морга и далее. Выбирает ему кладбище.

В феврале–марте 2012 г. состоялись выборы Президента РФ, в ходе которых российским народам наговорили много лестного кандидаты в президенты со товарищи. Было заявлено, что наш общий паровоз вперед летит на всех парах, продвигаясь к остановке под названием «гражданское общество». Последнее поручило своему избраннику еще шесть лет контролировать правительство, администрацию, парламент, суды, прокуратуру, а также армию, полицию, спецслужбы и весь комплекс внутренних и внешних политических отношений. В общей сложности народ поручил одному своему избраннику держать скипетр (посох по-нашему) демократии и находиться у кормила государственного корабля в течение восемнадцати лет. Пока. Столько ни один генсек, исключая тов. Сталина, у власти не удерживался. Но это еще с трудом, но допустимо. «Гражданские общества» переживали разные исторические метаморфозы. Но вот что поражает мое воображение: «Гражданское общество», которое изнутри разъедает коррупция, – это что-то новое, это наш оригинальный вклад в мировое развитие и в историю политических учений. И это еще не все, здесь рано ставить точку. Обратимся к главному.

Как можно понять, опираясь на собственные наблюдения, отслеживая на этот предмет средства массовой информации, взятки и подкуп образуют устойчивые системы связей, вертикали и горизонталы, «творят» специфические социальные группы со своей психологией, ценностными установками и интересами. То есть мы имеем дело с особой онтологией, достойной внимания аналитиков. Отмеченный системный характер криминального фактора образует сферы влияний в области экономических отношений и политического управления. Да, чуть не забыл о давних связях между нашим финансово емким и сексуально дезориентированным шоу-бизнесом и уголовными структурами. При всем при том верхний этаж политической власти старательно не замечает системного, фундаментального характера российского воровства, которое не желает исчезать, невзирая на предпринимаемые усилия и гуманизм вроде отмены смертной казни, в том числе, за хищения в особо крупных размерах, отмены на зависть всем американским клиентам «электрического стула» или террористам в Белоруссии.

Вовсе не хочу сказать, что в океане воровства и коррупции нельзя отыскать острова, архипелаги и даже материка честности. Можно, но не они определяют климат, и именно воровство и коррупция должны быть положены в фундамент памятника под названием «Благие намерения». Предстоит долгий путь изменения сознания, которое наступит не иначе, как вслед за изменением групповых интересов и упомянутой скрытой онтологии. Каким образом этот путь прошагать, давайте думать вместе, не возлагая эту обязанность на одного только выдающегося Президента, министров-капиталистов и лучших в мире законодателей с полковником В.В.Жириновским. Может случиться, что совместные раздумья и есть начало дороги, которую следует одолеть. На ней, возможно, станет формироваться новый духовный мир наших внуков и правнуков.

Постоянно заново толкуя и перетолковывая прошлое, не мудрено утратить всякий контроль над будущим, которое и без того неоднозначно. Мы лишили свое настоящее мечты (чему способствовали былые «водители»), не придумав взамен ничего нового. Вместо этого получили Ельцина в Кремле, о котором я, повинувшись указаниям древних, не говорю ничего. Еще мы получили новый бомонд из парвеню и многое другое, хорошо известное. Из прежней коммунистической идеологии мы оставили только мечту

о высоком уровне потребления, отбросив библейские заветы о равенстве и справедливости. Поскольку все равно всего на всех не хватит, следует на основе «укради» отдельным лицам «догнать и перегнать Америку».

Пожалуй, в очередной раз придется начинать все сначала. Но, возможно, мы стали лучше понимать собственную историю. Будем надеяться. Может быть, на этот раз начнем с реформ, а не с экспериментов. Еще раз вспомним Лао-цзы насчет движений в тысячу ли. Мы опять перед выбором и обязаны понять, перед каким именно. И, похоже, время обратиться к другим, более обнадеживающим заповедям, стоит продолжать движение, имея в виду заповедь «возлюби».

Спаситель Иисус из Назарета значительно более других радикален и настойчив. Перед лицом Отца, учит Он, «нет ни эллина, ни иудея, ни бедного и ни богатого». Но более всего Он настойчив в рекомендации «возлюби»: «А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44). До Божественного понимания любви мне, признаюсь, далековато, но зато я имею возможность и желание говорить о любви не столь небесной и возвышенной. Хочу кое-что сказать о своем отношении к Отечеству, к России. Правда, сразу же возникает вопрос: о какой любви идет речь? О любви в ее всепрощающем, религиозном, евангельском или в античном, греческом, рациональном толкованиях. Вторым вариантом делает крайне затруднительным та часть российской истории, которую при всем желании вряд ли можно назвать разумной, хотя места для самопожертвования и героизма в ней и тогда, и всегда хватало, как и подвигов в борьбе за веру.

Немного отвлекусь и во избежание недоразумений отмечу, что наша греко-христианская типология ума вовсе не означает единомыслия и отсутствия индивидуального своеобразия. Скорее, она указывает на общее историческое происхождение отдельных компонентов национального сознания из таких источников как греко-латинские школы, Славяно-греко-латинская академия, готовившая кадры для нужд государства и церкви (вторая половина XVII в.). Позднее общеобразовательную функцию по обучению сельского населения выполняли церковно-приходские школы. Как правило, они имели замечательные библиотеки, содержащие не только цер-

ковную, но и светскую литературу. В основном они были в известное время разграблены, что также проливает определенный свет на российскую любовь и рациональность.

История государства Российского знавала погромы, бунты, мятежи, революции и гражданские войны, в отношении которых я и мои сограждане никак не приходим к единому мнению. История Родины знала «смутные времена», последнее из них теперь называют «лихие девяностые». И опять мнения расходятся: на одном полюсе значится массовое ограбление, на другом – борьба за демократию и рынок; на одном – развал державы и миллионы русских, в одночасье ставших «оккупантами» и изгоями, на другом – возвращение России в «мировую цивилизацию».

На уровне общественного сознания мы пока не в состоянии осмыслить всех последствий нарушения «равновесия диких сил», разрушения послевоенного миропорядка. После распада СССР он рухнул навсегда, и многие не понимают, что мировое сообщество вступило на порог неизвестности и непредсказуемости. Не думаю, что эта проблема совершенно прозрачна для наших аналитиков. Кстати сказать, насколько мне известно, никто еще всерьез не изучал вопрос о том, в какой степени развал державы повлиял на антропологию российского человека, на уровень самосознания народов, русского в частности, на алкоголизм, наркоманию, уровень крупного и мелкого воровства, на регрессивные тенденции в области культуры. Никто не изучал, как этот «демократический» (вопреки референдуму) акт повлиял на чувство государственного достоинства личности и отразился в малопонятной сфере «коллективного бессознательного».

Но давайте скажем об известном, несомненном и важном: Россия – мировой чемпион ушедшего столетия по количеству загубленных жизней. Оставим без комментариев мировые войны и цену, заплаченную за Победу. История российских народов в двадцатом столетии весьма обильна смертоубийствами, вину за которые следует в основном и главным образом объяснять внутренними причинами. Таковы революции, или «перевороты», и гражданские войны начала и конца века. Войну на Кавказе никак не желают завершить остатки бандформирований и террористы. По всему по этому «Какую Россию мы выбираем?» – вопрос не праздный, достойный обсуждения во всяком случае.

Совсем недавно, если в историческом масштабе, мы выбрали руководителем страны тов. Сталина. «Этот повар будет готовить только острые блюда», – предрекал будто бы тов. Ленин. Действительно, при нем осуществили электрификацию и индустриализацию, добились «ликвидации безграмотности». Создали самую сильную сухопутную армию тогдашнего мира и военно-морской флот, но при нем же была сооружена преисподняя ГУЛАГа, и он же «приперчивал» управление арестами, расстрелами, страхом, истреблением отдельных социальных групп и классов; гонениями, депортацией, переселением народов. Еще он заслужил народную любовь, стенания и плач, много раздавленных во время похоронных шествий и яркую прощальную речь Лаврентия Берия: «Но и под этой великой тяжестью не согнется стальная партия». Многие, включая руководителя КПРФ, и ныне воздают должное, славят сталинское строительство социализма и Верховного Главнокомандующего. И многие до сих пор не возьмут в толк, что сколоченное насилием государство обязано было развалиться и развалилось еще и оттого, что некогда на его территории свирепствовали и унижали народ активисты из служб Ягоды, Ежова, Берия и подчиненных им войск, насаждавших доносительство и повальное единомыслие.

Еще раз хочу подчеркнуть, что любовь моих сограждан к Отечеству не может основываться на одних только рациональных соображениях – слишком много надо соотносить о неприглядных сторонах настоящего и прошлого. У меня не меньше оснований для критических оценок, чем у революционного демократа, эмигранта, автора романа «Былое и думы» Герцена. Возьмем, скажем, мои мысли о государстве, учитывая, что оно не просто огороженная погранвойсками и заселенная территория, но главным образом это ряд определенных социальных групп, объединенных властью для управления народом и территорией. В состав государства входят спецслужбы, армия, полиция, столетиями входила Церковь, но основной управленческий массив образует служилый люд или чиновничество, о которое напрасно обламывали сатирические перья М.Е.Салтыков-Щедрин, А.П.Чехов или упомянутый Герцен. Напрасно, потому что чиновник – самый верный из состава государства союзник власти. В определенном смысле он и есть власть в России, причем анонимная, которая сегодня управляет народом не меньше, чем всенародно избранный «гарант», и, конечно, больше, чем Конституция.

Мои думы о былых государствах, которые мне довелось пережить. Я думаю о том, что не всякому из них я вручил бы недра и водоемы России, не каждому доверил бы собственную судьбу. Но более всего мне хотелось бы соорудить более достойное государство, которому можно было бы что-то вручить и доверить. Замечу, что критическое отношение к социальным установлениям и стремление видеть в них строительный материал для более совершенного и разумного будущего уходит корнями в античность, ведет к моим идейным историческим праотцам. Но если не удастся построить ничего похожего на идеальное государство Платона, или Канта, или Гегеля, то лучше быть вовсе отделенным от него, как Церковь.

В истории моей страны и населяющих ее народов происходило много возвышенного и замечательного. Она отмечена героизмом и подвигами, о которых обязаны помнить мы и грядущие поколения. В двадцатом столетии и прежде, как и в иные времена, создавались шедевры оперы и балета, живописи, архитектуры, театра, кинематографа и т. д. Но я в данном случае толкую о другом, о заповеди «возлюби», не взывая к которой, сложно объяснить нашу привязанность к России. Как минимум Россия должна провоцировать противоречивые к себе отношения, и, действительно это так. Например, наша теоретическая и прикладная физика, кроме упомянутой «слойки», изобрела атомную энергетику и еще многое что и проникает в другие области знаний, где используют ее достижения и методы. Но ныне мы (от «бескормицы») наблюдаем начинающуюся деградацию фундаментальных наук. Жаль, потому что впереди ждут тайны «темной материи» и «темной энергии». А у нас «бегство умов» и утрата престижа ученых профессий. Вы не находите, что когда рядовой полицейский генерал в престижном и финансовом отношении «главою вознесен» выше ученого-академика РАН – это признак надвигающейся гуманитарной катастрофы?! Не единственный, конечно.

Мне не по душе такие свидетельства упадка, как тенденция раздувания полномочий Президента РФ, внедряющего малоэффективную властную вертикаль администраторов и исполнителей высших решений. Это при урезании полномочий законодательной и при большой проблемности судебной властей. Так, не является большой тайной, что глубина и обоснованность судебных решений часто главным образом зависит от величины карманов уча-

ствующих в процессе лиц. Нас должно успокоить то, что решения судов во многих случаях попросту игнорируются гражданами нашего оригинального правового государства. Должно, но не успокаивает, так же как не воодушевляет возможность благодаря существующей коррупции найти быстрое решение проблемы, которое иначе заволокитилось бы огромным количеством «необходимых» бумаг и массой согласований. Замечу, что все это мы имели, когда во главе государства пребывал всенародно избранный юрист, уже вошедший в историю переименованием милиции в демократическую, цивилизованную полицию.

Конечно, такого рода заслуги нельзя приписывать одному только действующему тогда президенту. Как минимум он должен разделить их со сменщиком, с тем, кому он пришел тогда на смену из правительства в президентство, кто пришел ему на смену из президентства в правительство, кто сегодня пришел ему на смену из правительства в президентство и кому он пришел на смену в правительство. Кажется, я ничего не перепутал... Наша демократия хороша, но не предел совершенства. Скажем, демократия Спарты, как у нас, во многом обеспечивалась нищетой и трудом илотов, но Спарта была более «демократичной»: там выбирали сразу двух «президентов» – царей, и каждый был на своем месте. Пока царь Леонид, спасая Грецию от разграбления, сдерживал огромную армию персов в Фермопильском ущелье, второй с войском сторожил в Спарте илотов, опасаясь возможной демократической смуты.

Может быть, и нам стоит освободить илотов и иной рабочий люд от изнурительной необходимости избирать и переизбирать и без того известных персонажей? Когда Николай II, идя на поводу у либералов, провозгласил избирательное право, оно было заявлено «всеобщим». Все имели право голоса, кроме детей, малых народов и женщин. Еще и еще раз вслед за поэтом повторю: «Умом Россию не понять... В Россию можно только верить».

«Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой», –

толкует Лермонтов «под говор пьяных мужиков». Ну, а какой еще любовью, кроме странной, мог любить отчизну поэт Пастернак, с которого начался разговор о всепобеждающей силе духа добра, и подавляющее большинство других поэтов, вечно конфликтую-

щих с властью?! Иное дело, что «духу добра» суждено еще долго блуждать по дорогам истории, прежде чем он явится в полном объеме. В «Грядущем Хаме» Дмитрий Мережковский разъяснил, что власть Божия как истина явилась в Ветхом Завете, в царстве Отца; во втором царстве – Сына, Новом Завете, открылась истина как любовь. И только в последнем царстве – Духа, в Грядущем Завете откроется любовь как свобода.

Пока нам приходится существовать в «царстве любви». Наверно, оно сильно владело и продолжает владеть христианскими умами, если провозглашалось и после того, как православный народ почти отверг православие и вырезал или изгнал несогласных. Точнее, не народ, а его некая значительная социально активная часть.

Заслуженно сегодня уважаемый проф. Иван Александрович Ильин в 1951 г. (февраль) написал статью «О русской идее», изданную на ротаторе. В наиболее «трудную и опасную эпоху русской истории» он утверждал, что русская творческая национальная идея, выражающая русское историческое своеобразие и историческое призвание, есть «идея сердца». «Она утверждает, что главное в жизни есть любовь», что «из любви рождается вера и вся культура духа». Она, в отличие от иудаизма и национализма, не требует повиновения от других. Основываясь на христианстве православия, она преклоняется не перед «силою» (первобытные религии) и не перед подчиненным закону догматическим моральным правилом, не мыслью, как протестантизм. Русское православие воспринимает Бога любовью, что определяет церковные песнопения и архитектуру.

Сердце и созерцание русской идеи требуют свободы. Их творчество без нее угасает. «Русская идея есть идея свободы созерцающего сердца», «свобода не для саморазнуздания, а для органически творческого само-оформления»⁴.

Теперь, объяснившись с помощью уважаемых предков в любви к России, хочу присоединиться к их пожеланиям свободы и творчества ее жителям. Присоединиться хочу, но не очень у меня получается. Подобно остальным моим современникам, я мню себя находящимся на вершине опыта. Смушает, правда, что в генетическом отношении ничем не отличаюсь от охотника на мамонтов. Конечно, я знаю, чтобы выбрать свободу и творчество, необходимо хотя бы минимизировать влияние тех российских пороков, о

которых речь уже заходила. Существует еще глобальное измерение, в которое вписываются российские проблемы, решение которых пока не слишком вдохновляет. На глубинный вопрос Эриха Фромма: «Иметь или быть?» – мировое сообщество пока отвечает: «Иметь!» не только имущество и финансы, но и знания для контроля и обладания. Стратегия иметь и обладать чревата не только такими последствиями, как «продолжение политики иными средствами» (В.И. Ленин), т. е. война, но и такими, как антропогенная катастрофа вслед за необратимыми изменениями биосферы. Не думаю, что от этих угроз может спасти одна христианская любовь. Надо актуализировать и подключать сферу Разума, науку и новую рациональность.

Но здесь я обязан подняться на новый виток спирали обсуждаемой темы. Приступаю к завершающему, возможно, самому сложному этапу и своего обсуждения, к решению той задачи, какую перед собой ставил в рамках статьи и своего разумения. Мне надо обратиться к пониманию того, как выглядит и решается проблема выбора с позиции определенной философии истории.

* * *

Понятие «история» полисемично. Мы называем так некий ряд событий (процессов), случившихся в определенный отрезок времени человеческого существования. Мы говорим «история», имея в виду память об этих событиях-процессах, сохранившихся в преданиях, в мифах и сагах, в различного рода письменах. Наконец, под историей мы подразумеваем науку, а правильное, систему наук, с помощью которой люди пытаются рационально реконструировать и обогатить память о собственном прошлом, чтобы понять настоящее и заглянуть в будущее. Мы пытаемся разделить истину и вымысел, но удается это далеко не всегда.

С появлением теории относительности и квантовой механики физики поняли невозможность отделить событие в микромире от наблюдателя этого события. В истории утвердить эту истину значительно сложнее, даже если это история физики. Честь и слава, например, всем великим отечественным историкам, но история Н.И. Костомарова отличается от истории Н.М. Карамзина, не

говоря уже об истории в изложении М.С.Грушевского. Кому мы отдадим свой голос, кого выбрать в наставники? Незаслуженно сегодня почти забытый историк Михаил Яковлевич Гефтер, человек трагической судьбы, писал: «Любой народ, любая страна – заложники своих начал. Мы же не страна. Мы – страна стран. Мы наследники сугубо разных начал. Мы – кентавр отроду, встроенный напрямую в мировой процесс. Отсюда наша особая зависимость от судьбы тех проектов, суммарное название которых – “человечество”; “единственное человечество”. Проекты “пришли к истощению, к тому завершающему итогу, где жертвы, уже нанесенные и угадываемые впереди, перевесили добытое во благо”»⁵. Запомним о жертвах, угадываемых впереди.

Со времен М.Я.Гефтера мы изрядно похудели по части «страны стран», но рациональности в понимании исторического процесса отнюдь не прибавилось. Иначе не продолжали бы мы с таким незавидным постоянством пересочинять собственную историю. Неорациональность должна учитывать присутствие познающего субъекта в познании, что и происходит в физике элементарных частиц. Правда, она платит за это непроясненностью термина «сознание». Научной непроясненностью понятия, следует отметить. В области истории присутствие «когито» является глубинным, но не исчерпывающим фактором процесса – из этого проистекает вся сложность исторического выбора. Не каждый из нас физик, но каждый – историк. И каждый привносит в понимание истории часть своего «я». Трудность еще и в том, что на «я» могут оказывать деформирующие влияния иные, чем «когито», факторы, главным из которых является власть. Последняя проникает в головы, рекомендует и формирует «логику идей» и «убеждения» – отсюда конфликты власти и интеллигенции. Но и освободившись от влияния власти, точнее, властей – политической, финансовой, власти «незыблемого авторитета» и прочей социальной «постнеорациональности», мысль все-таки привносит «человеческий фактор» в трактовку и отбор исторических событий тем более и потому, что полное освобождение может быть только в фантазии.

Чтобы освободиться от этой всепроникающей назойливости произвольного «я», следует строго придерживаться рекомендаций гениального Канта. Он советовал мыслить самому, непротиворечиво, смотреть на собственную мысль глазами другого, то есть

стать гражданином мира. Есть еще, скажем, восходящий к нашим греческим учителям «диалог» как способ отыскания истины, но ни один, ни все вместе эти способы не ведут на вершины непогрешимости, хотя каждый отстаивает право на классическую и неклассическую рациональность. Возможно, потому что непогрешимость не допускает устройство природы, лишенной Абсолютного Наблюдателя.

Напомню, что я взялся за тему и рассуждаю о «философии истории», а это понятие является не более прозрачным, чем «история». Но оно определенно включает представления о характере и движущих силах, о месте различных культур и цивилизаций в отдельных периодах и в общем потоке истории; отвечает на вопросы о ее предопределенности, познаваемости и предсказуемости. Философия истории обязана предложить ответы на вопросы: каковы цели, в чем назначение и смысл, «идея» человеческого существования? Она обязана рассказать о начале истории и о ее возможном завершении и неизбежном конце.

По вопросам предыстории, появления и хода истории я, пожалуй, отошлю Вас к работам крупнейшего специалиста по этим проблемам Владислава Жановича Келле, в частности, к работе «Историческое многообразие как проблема методологии», опубликованной в сборнике «Человек вчера и сегодня» (Вып. 3). Я же, сообразуясь с собственными мыслями, стану считать началом истории время, когда из недифференцированного сознания стали вычленяться особые парадигмы. Я говорю, как Вы понимаете, об «осевом времени», предложенном Карлом Ясперсом. Тогда на Востоке и Западе создавались представления о добре и зле, как о способах регуляции поведения, отличных от примера и обычая. Тогда формировалось упоминавшееся «золотое правило нравственности»: «Поступай с другим так, как хочешь, чтобы он поступал с тобой».

С тех пор мы шагаем путями добра и зла по столбовым дорогам и бездорожью жизни. Дошли до дуализма добра и зла, до извечной борьбы Христа и Антихриста, Ормузда и Аримана, света и тьмы. Дошли до понимания неизбежности, даже полезности теней, как Воланд Михаила Булгакова, как дошли до этого Гейне в «Путевых картинах», Анатоль Франс (Тибо) в «Саде Эпикура», Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) в книге «Задиг, или Судьба», маркиз де Сад в «Новой Жюстине» и многие другие.

Никто, полагаю, не станет возражать против того, что выбор в той мере, в какой он является сознательным, зависит от типа сознания, участвующего в нем, от ценностных установок и предпочтений, от, так сказать, направлений ума – от направленности его на объективную реальность и факты или ориентации на идеалы. Но, возможно, все это в одном уме перемешано.

Много говорили и говорят о соотносительности, взаимозаменяемости, взаимопользности добра и зла, о том, что только наличие последнего делает первое осмысленным. И вот для добра мы убиваем друг друга в войнах, для собственной пользы позволяем индустрии осуществлять неконтролируемые выбросы угарного газа, диоксида углерода в атмосферу и пр., чреватые «парниковым эффектом», «ядерной зимой» и другими (для блага) вариантами экологической катастрофы⁶. К ней нас ведет неконтролируемая сознанием эволюция. Возможно, нам не удастся пройти весь путь от альфы до омеги, обещанный антропологом, эволюционистом, католиком о. Тейяром де Шарденом.

Мы подошли к центральному вопросу сегодняшнего человеческого выбора: «Быть или не быть?» Полагаю, что исторический выбор – это не одномоментный или краткосрочный акт, осуществляемый одним лицом или небольшой группой лиц. Последние могут только нажать спусковой крючок механизма, выстроенного и подготовленного массовыми движениями. Движениями во времени коротком, если учитывать сегодняшнее уплотнение исторического времени.

В конце прошлого столетия человек выдающегося, универсального ума, охватывающего математику, физику, биологию, обществознание, историю мысли, и большой друг философии академик Никита Николаевич Моисеев написал книгу «Быть или не быть... человечеству?», которую нет смысла пересказывать, но следует прочитать. Подобно другой, написанной четырьмя годами ранее работе «Современный рационализм», она не только не утратила смысла, но стала еще более актуальной. Исходя из собственного понимания универсального эволюционизма, Н.Н.Моисеев развивает идею коэволюции человеческого общества и биосферы. Эта коэволюция идет таким образом, что человек постепенно, используя ресурсы природы, переводит биосферные параметры в состояние опасные для самого его существования. Насколько я понимаю

автора, выход он видит в активном корректирующем вмешательстве сознания в стихию бифуркаций и синергетику, так скажем, человеческого «мира миров». Но следует торопиться!

Конечно, окончательные ответы на фундаментальные вопросы относительно будущего всегда остаются за ним самим. Оно непредсказуемо, потому что идущие за нами сами выберут свои дороги. Но может быть, будущее сотворимо совместными усилиями? Создать условия для свободных усилий наших потомков – может быть, в этом заключается ограничение нашей свободы выбора? Вместо того, чтобы воровать у внуков и правнуков невосполнимые запасы нефти и газа, лучше поискать альтернативные источники энергии, затеять упомянутую перестройку сознания и иную полезную «метанойю» ума, привлекая единую систему воспитания и образования. Последнее должно включать углубленное гуманитарное знание; нам следует не урезать, как сегодня, гуманитарную составляющую образования, а делать ее более строгой. Мы обязаны противопоставить разьедающей мысли и «полноте ума» узкой специализации новое синтетическое мышление, включающее в том числе экологию и антропологию. Необходим синтез строгого естествознания и человекознания, наук и культур. Впереди светится движение к недостижимой, но желаемой полноте знания, к универсальному, и возможный диалог с грядущими поколениями. Нужна свобода, ограниченная ответственностью, замкнутая на неё. Если не обречем историческую ответственность, то будем за свою свободу и алчность, за выбор скоро наказаны по законам природы. Вопросы эти как никогда ранее являются судьбоносными.

Вопросы остаются, множатся – ответы усложняются. Но вопрос – это то, что предваряет выбор, в том числе осознанный, свободный выбор или выбор свободной ответственности, выбор свободы или свобода выбора, кому как больше нравится.

Одно из необходимых условий для этого сформулировано и тянется из седой древности. Оно заключается в настоятельной рекомендации Дельфийского оракула: «Познай самого себя!»

Примечания

- ¹ О влиянии античной философии и культуры: *Петров М.К.* Античная культура. М., 1997. С. 9 и далее.
- ² За подробностями отсылаю: *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. М., 1989. Гл. 2, § 7: «Бейесовская логика христианской мысли».
- ³ См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. М., 1999; *Пригожин И.* Конец неопределенности. Ижевск, 1999. Гл. 5: Законы хаоса и др.
- ⁴ О грядущей России. Джорданвилль–Нью-Йорк, 1993.
- ⁵ См.: *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. М., 1999. С. 465.
- ⁶ Об этом лучше всего сказано: *Моисеев Н.И.* Быть или не быть... человечеству? М., 1999.

Ольга Шульман

Тема выбора в «Житии Бенедикта» («Диалоги II» св. Григория)

На первый взгляд, монашество несет в себе лишь один выбор – стать иноком, иным, отличным от прочих. В этом представлении заключена большая доля правды. Прислушаемся, как рассказывается о ней в «Житии Антония», изложенном на современном языке отцом Адальбертом де Воюэ¹:

«Одно из воскресений в долине Нила, около 270 года. Деревенский юноша идет в церковь на службу. Преследования еще не прекратились – они будут продолжаться еще приблизительно сорок лет, но египетское христианство уже в расцвете. Наш молодой человек, которому восемнадцать или двадцать лет, только что потерял своих родителей. Он и его маленькая сестра – одни в жизни. Шагая к церкви, он размышляет о том, что услышал из рассказов, ибо он не умеет читать: как апостолы покинули дом свой, чтобы следовать за Христом; как первые иерусалимские христиане продавали свое имущество и делили вырученное с местными обитателями. Те и другие – какую надежду на небеса питали они!

Служба начинается. Все слушают эпизод из Евангелия о богатом юноше: “Все, что имеешь, продай, и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною” (Лк. 18, 22). Для Антония – ибо так зовут нашего молодого человека – чтение это становится лучом света. Слова Христа, сливающиеся с его собственными размышлениями по дороге в церковь, кажутся ему обращенными к нему лично. Он тут же решает освободиться от всего добра, оставленного ему родителями. Недвижимость – восемьдесят гектаров доброй земли – отданы муниципалитету, мебель продана, а деньги розданы бедным. Сохранилась небольшая сумма, отложенная для сестры. Вскоре он отказался и от этих денег, услышав в церкви другую фразу из Евангелия: “Не заботьтесь о завтрашнем дне”.

Раздав все свое имущество бедным, Антоний доверяет свою сестру христианским девственницам и устраивается жить близ деревни, своими руками зарабатывая себе на хлеб и на милосердные дела, неустанно молясь, выпитывая и сохраняя в памяти всякое слово Евангелия, которое ему удается услышать. Один старый монах, живущий неподалеку, служит ему водителем, другие подают ему пример. Как они, он научится поститься, бодрствовать в молитве, спать на жестком, обходиться без ухода за своим телом. Это то, что называют “аскезой”, то есть попыткой умерить свои инстинкты и подавить страсти, предав тело и душу Богу.

Проведя таким образом пятнадцать лет и устояв перед сильными плотскими искушениями, Антоний идет еще дальше. По примеру пророка Ильи он удаляется в пустыню, чтобы обездолить себя еще больше и схватиться с дьяволом еще теснее – лицом к лицу. В течение двадцати лет он будет жить в полнейшем одиночестве, запертый в разрушенном строении, окружавшем колодезь, и не видя никого – даже друзей, которые каждые шесть месяцев привозят ему запас сухарей. Чудо состоит в том, что выйдя из этого долгого затворничества, где он был постоянно мучим демонами, он предстоит всем как человек совершенно умиротворенный, в самой высокой степени владеющий собой, таинственно лучезарный. Обитающая в нем божественная благодать сделала его несравненным духовным водителем. Отныне к нему стекаются ученики, и пустыня становится населенной, как город.

Если мы напоминаем здесь о приключениях молодого египтянина, то это потому, что они имеют колоссальный резонанс. Антоний не был первым монахом – мы видели, что вокруг него были другие, но он был первым, “Житие” которого было описано всего через несколько месяцев после того, как он в сто пять лет мирно отдал Богу душу в глубине своей пустыни.

Это знаменитое “Житие Антония”, за которым последует великое множество подражаний, было написано величайшим епископом IV века – Афанасием Александрийским»².

«Житие Антония», рассказывает Августин в своей «Исповеди» (Confess. VIII, 5), сыграло важную роль в его собственном обращении.

Обращение – центральный выбор в жизни монаха; но за ним следуют искушения, которые тоже требуют выбора. Обращение – искушения – чудеса – обычная схема житий.

О жизни Бенедикта Нурсийского мы знаем только из его жития, написанного св. Григорием Великим.

Григорий полагал, что «недостаточно проповедовать Слово Божие. Надо представить живые примеры, и они произведут впечатление тем более, что они близки во времени и пространстве. Открыть для обще-

ства итальянских святых вчерашнего дня, часто почти неизвестных вне ближайшего окружения, это значит вызвать к жизни подражание им, поощрить молитву и усилие, дать новый импульс христианской жизни.

Однако большинство людей Божиих, которые должны были выйти на сцену, совершили очень небольшое количество чудес, а иногда и всего только одно. Григорий, знавший около пятидесяти таких персонажей, собрал их истории в Книгах I и III своих “Диалогов”. Между двумя группами этих менее значительных фигур он поместил целую Книгу – вторую, посвященную одному святому, который в его глазах пользовался ни с чем не сравнимым авторитетом и относительно которого он располагал многочисленной документацией: Бенедикт, родившийся в Нурсии, монах в Субиако, аббат в Монте-Кассино, умерший около сорока лет назад.

Святым становятся не для того, чтобы быть канонизированным, а для того, чтобы быть угодным Богу. Однако Бенедикту, если можно так выразиться, повезло быть взятым в качестве героя полной биографии одним из лучших писателей своего времени и одним из величайших Пап – из всех, кого когда-либо знала Католическая Церковь (это ему мы обязаны, в частности, обращением Англии)»³.

Но чтобы читать это «Житие» с пользой для себя, не надо искать в нем то, чего наши вкусы современных людей заставляют нас инстинктивно желать: индивидуального портрета, который обрисовывал бы нам оригинальную личность и особенную судьбу. То, что интересует Григория и его современников, – это не особое, непохожее на других лицо человека Бенедикта, а напротив – общие для многих черты, которые делают его святым обыкновенным, так сказать, святым расхожей модели, во всех смыслах подобным великим Божиим людям Библии.

Сестру Бенедикта – Схоластику – родители в самом раннем возрасте посвятили Богу. Сыну же они дали светское образование. Они послали его учиться в Рим. «Это время, конец V века, отмечено возрождением латинской школы под эгидой мудрого и открытого варвара, каким был король Теодорих»⁴.

Однако вскоре Бенедикт оставил учение. Нравственная распушенность его товарищей беспокоила его. Риск впасть в те же пороки казался ему более серьезным, чем польза учения. «Мир», открытой дверью в которой оно было, не будет ли он, наподобие учения, школой дурного поведения и падения? Бенедикт решил сделаться монахом.

Вот как описывает это решение св. Григорий: «Был человек жизни почтенной, Бенедикт милостью и именем. Уже в детстве сердце его было сердцем старца. Выше возраста своего во всех своих проявлениях, он и частички души своей не уделял чувственному удовольствию. На нашей земле он мог бы предаться развлечениям, но презрел цветущий мир, как если бы уже видел его увядающим.

Рожденный в свободной семье в области Нурсии, он был послан в Рим для гражданского литературного учения. Но он видел, как многие там впадали в порок. Итак, едва войдя в мир, он отступил из страха, что светские знания, которые он начал приобретать, целиком погрузят его в бездну бескрайнюю. Итак, презрел он учение гуманитарное, оставил дом и имение отца своего и, лишь Богу одному желая быть угодным, отправился на поиски монашеского облачения, чтобы вести жизнь святую. Так ушел он, искусно несведущий и мудро необразованный» («Диалоги», II, 1, 1).

В Риме и в Нурсии также не было недостатка в монахах. Но молодой человек не собирался ни оставаться в Риме, ни возвращаться в свои родные места. Он хотел разрыва гораздо более полного, и отправился на восток, пересек Римскую Кампанию, добрался до Тибора (Тиволи) и затем поднялся вверх по течению Анио, притока Тибра, в горный район, где он рассчитывал встретить монахов. Немного южнее Анио он остановился в деревне под названием Эффида (сегодня Аффилы).

В то время, как он бродил вокруг Эффида в первых своих поисках монастырей, произошел поразительный случай, значительно ускоривший его планы: он совершил чудо. Его служанка по неосторожности разбила чужую вещь. Увидев ее огорчение, он начал молиться, и вещь восстановилась. Слухи об этом быстро распространились в округе. И вот он – с репутацией святого, человека Божия, чудодея. Не в силах выносить эту нарождающуюся славу, он бежал, ничего не сказав своей служанке, и скрылся в Субиако.

На обрывистых стенах узкой долины были дикие места, которые так любят монахи. Бенедикту посчастливилось встретиться с одним из них, по имени Романус (Римлянин), который вошел в его положение, дал ему одеяние и поселил в гроте, невдалеке от своего собственного монастыря. Уважая стремление к безмолвию, Романус и привел Бенедикта в грот, не сказав об этом никому ни слова. Целых три года Бенедикт оставался там, никем не замеченный, даже общиной, обитавшей в монастыре, который нависал над его обителью в нескольких десятках метров над ним.

В конце трехлетнего периода существования Бенедикта было открыто дважды – сначала соседним священником, а затем пастухами. Визит священника, кажется, не имел продолжения. Но за открытием, сделанным пастухами, последовали своим многочисленными встречами между отшельником и этими простыми людьми. Вереница посетителей, проходившая отныне через грот, привела однажды очаровательную женщину. Через некоторое время, когда юноша остался один, он был охвачен непреодолимым желанием. Молодой человек почувствовал, что он слабеет: еще немного, и он покинет свою пустыню, чтобы соединиться с предметом своих вожделений. Тогда он лег обнаженным в крапиву и шипы, растущие перед его гротом. Боль изгнала желание.

Как исчезновение Бенедикта для человеческих глаз привело к его духовному влиянию на людей, так и пытка, учиненная им своему телу, дала ему влияние еще большее, чем прежде. На этот раз слушать его пришли уже не простые миряне, проходившие мимо, а настоящие ученики, хотевшие покинуть мир и подражать ему в собственной жизни. К некоторым из них, решившим стать его последователями, присоединились монахи соседней общины, которые хотели, чтобы он стал их аббатом. Когда настоятель их умер, они пришли к Бенедикту просить его занять это место.

Став совсем юным и лишенным какого бы то ни было опыта общинной жизни аббатом, новый настоятель принес в Виковаро, между иным прочим, аскетическую суровость, энергию и требовательность, свидетелями коих мы уже были и доказательством коим видели. Распущенным монахам, с которыми ему пришлось теперь жить, этого показалось слишком много. И то, что он предвидел, совершилось: настоятель и подчиненные не могли поладить между собой. Последовавший затем кризис стал для Бенедикта новым испытанием. До сих пор он сталкивался с двумя основными искушениями: гордыней и вожделением. На этот раз ему угрожал гнев.

Настал день, когда отчаявшиеся монахи решили избавиться от него и подали ему в трапезной отравленное вино. Его спасло чудо: когда он начертал по обыкновению крест на кувшине, тот разбился. Но его собственное поведение было тоже не менее странным. Когда он понял, что его хотели убить, не проявил ни малейшего намека на возмущение, страх или хоть какую-либо

эмоцию. И у него было, говорит Григорий, «спокойное лицо, и душа его была покойна». Сказав несколько слов, он покинул монахов и ушел.

Послушаем св. Григория: «Недалеко оттуда был монастырь. Отец общины только что умер. Вся община пришла к почитаемому Бенедикту, чтобы настойчиво просить его стать их настоятелем. Долгое время он отказывался, отстранял это от себя; он заранее предупреждал их, что его способ жизни им не подойдет. Но затем, побежденный их мольбами, он в конце концов согласился.

Но он строго следила за правильностью монастырской жизни, никому не позволяя совершать, как раньше, незаконные поступки, уводящие в одну или другую сторону с дороги иноческой жизни. Они начали с того, что стали обвинять друг друга в том, что они домогались себе в настоятели этого человека, совершенный образ жития которого был противоположен их извортливому поведению. Когда они увидели, что при этом человеке незаконное не будет законным, они сочли нестерпимым бросить свои привычки и слишком трудным заставлять себя думать по-новому неподвижным, закосневшим умом. Жизнь добрых всегда тяжела для злых. И они начали искать, как бы предать его смерти.

Посовещавшись тайно, они решили положить отравы ему в вино. Когда согласно монастырской церемонии сидящему за столом Отцу поднесли графин со смертельным питьем, Бенедикт протянул руку, чтобы очертить знак креста. Графин, бывший от него на некотором расстоянии, разлетелся на куски при крестном знамении: злоеший сосуд разбился, как если бы крестное знамение было брошенным в него камнем, И тут человек Божий увидел, что в сосуде был смертельный напиток, потому что он не перенес крестного знамения. Тогда он встал, со спокойным лицом, с душой мирной. Позвал он братьев и сказал им: “Да сжалится над нами Господь Всемогущий, братья! Почто хотели вы сделать мне такое? И что? Не сказал ли я вам, что не жить нам подобно друг другу? Ищите себе отца, который вам удобен; после того, что произошло, невозможно вам более рассчитывать на меня”.

И тогда он вернулся на место возлюбленного своего одиночества и один, под взором Небесного Зрителя, зажил наедине с Ним <...> Всегда на страже и в строгости к самому себе, всегда на себя глядя под взором Творца, всегда себя вопрошая, он не позволял очам души своей бросать взоры наружу» («Диалоги», II, 3, 2–5 и 7).

Только душа, привыкшая стоять перед Богом и смотреть в глаза смерти, может сохранять в этих условиях абсолютный контроль над собой. Подлинная пастырская любовь, в которой боль-

ше сострадания, чем раздражения, поддерживала Бенедикта в этой борьбе. Вернувшись в свой грот в Субиако, отшельник вскоре был окружен множеством превращенцев, желавших жить с ним общей жизнью. После мирян, стремящихся к уединению и совершенной жизни, теперь это была настоящая толпа людей, пришедших под его руку. За дурной общиной в Виковаро, которой он служил впустую, последовала огромная община, шедшая от него самого и полностью послушная его руководству.

Поскольку все три испытания были различными, каждое из них совершило очищение одной из ключевых точек его духовного естества. Порок суетной славы затрагивает душу в высшей ее части, порок сладострастия касается чувственности, порок гнева – агрессивности. Умственные способности и чувственный аппетит испытали на себе посещение искушения, были очищены и подтверждены послушничеством. Бенедикт закалил свои добродетели в этой борьбе, в которой свобода его нашла щедрый ответ Благодати Божией.

Бенедикт принял решение разделить свою общину на двенадцать маленьких монастырей по двенадцать монахов в каждом, подражая Иисусу, имевшему двенадцать учеников. Удивительная социальная мешанина, которую производила монастырская жизнь, заставляла жить под одной крышей, молиться в одной часовне, трапезничать за одним столом маленьких римских аристократов и одного из тех готов, на которых римляне, хоть и страшась их, все-таки смотрели свысока.

Монах-гот работал однажды на берегу озера. Железная часть инструмента его отделилась от ручки и упала в озеро, в этом месте очень глубокое. В монастыре, говорит Бенедикт в своем Уставе, всякая вещь священна. Гот поспешил исповедаться в своей неловкости. Бенедикт пришел на место его работы. Взяв ручку инструмента, он погрузил ее в озеро. В тот же момент железная часть поднялась со дна и пристала к деревянной. Бенедикт вернул готу восстановленный инструмент со словами: «Вот! Трудись и не унывай».

«В другой раз один гот, нищий духом, пришел, чтобы сделаться монахом. Человек Господень Бенедикт встретил его с большой радостью. Однажды он дал ему железное орудие, что-то вроде серпа, называемого “фошар”, чтобы вырвать заросли травы там, где собирались разбить сад. Место, которое готу надлежало очистить, расположено было на самом

берегу озера. И поскольку гот принялся за дело с радостью, стараясь изо всех сил вырвать самые густые заросли кустарника, железный наконечник соскочил с ручки и упал в озеро, воды которого были так глубоки, что не было никакой надежды отыскать его.

Потерять железо! Весь дрожа, гот бежит к монаху Мауро и рассказывает ему о потере, которую он учинил, раскаиваясь в своем проступке. Монах Мауро, в свою очередь, подробно рассказывает о случившемся человеку Господню Бенедикту. Услышав это, человек Господень Бенедикт приходит на место происшествия, берет деревянную ручку, которую держал в руках гот, и опускает ее в озеро. И в ту же минуту железо поднимается со дна озера и соединяется с ручкой. Тогда Бенедикт возвращает готу его серп со словами: “Вот! Трудись и не унывай!”» («Диалоги» П 6, 1–2).

Между тем влияние Бенедикта все возрастало, о чем свидетельствовал постоянно увеличивающийся наплыв людей, приходивших, чтобы стать монахами в Субиако. Настоятель маленького прихода Сен-Лоран, некий Флоран, относился к происходящему с большим подозрением. Священник этот воспылил завистью к человеку Божию, говоря о нем со злобой. После дурных монахов из Виковаро – теперь дурной священник. И в обоих случаях враждебность этих посвященных Богу людей шла до попытки убийства. Монахи налили яду в вино. Флоран вложил отраву в кусок хлеба, и еще хуже того, в кусок хлеба освященного. Когда Бенедикту принесли от иерея освященный хлеб, он прибег к помощи ворона, которого обыкновенно кормил. По его приказу птица унесла в клюве отравленный кусок и бросила его вдалеке – там, где никто не мог найти его.

Не сумев физически уничтожить святого, Флоран предпринял попытку отравить нравственно его духовных сыновей: семь обнаженных девушек пришли, танцуя, в сад монахов. На этот раз Бенедикт почувствовал, что ситуация становится невыносимой. Лучше было бесшумно удалиться. Он реорганизовал свои двенадцать монастырей, расселив по ним монахов, живших с ним в обители святого Климента. Только некоторые из них последовали за ним в его исходе. Вместе с ними он отправился в путь на юго-восток, где создаст свое новое детище Монте-Кассино.

В пути его настигает известие о внезапной смерти Флорана. Бенедикт оплакивает его так, словно тот был его другом. Как всегда внимательный к библейским параллелям совершающихся событий, биограф Бенедикта напоминает здесь другой образ – Давида, опла-

квивающего смерть Саула. Другие чудеса Бенедикта напоминают о Моисее, Илие, Петре, Елисее. «Полный Духа всех праведников», святой из Субиако в своем времени свидетельствует о славе Сына Божия. Новое испытание – это не простое повторение предыдущего. На этот раз реакция святого свидетельствует не только о превосходном владении собой: это настоящее милосердие по отношению к обидчику. Неспособное на ненависть, все существо Бенедикта, все чувства обращены и сосредоточены на способности любить. Этот триумф божественной любви есть нравственное чудо.

«Только лишь человек Божий смиренно убежал ненависти своего соперника, как Бог Всемогущий ужасно покарал этого последнего. Священник этот стоял на террасе, радуясь новости об уходе Бенедикта, и вдруг терраса эта обвалилась, хотя вся остальная часть дома осталась нетронутой. Враг Бенедикта погиб, раздавленный».

Ученик человека Божия по имени Мауро посчитал необходимым как можно быстрее известить об этом почитаемого отца Бенедикта, который был всего только в десяти милях от монастыря: «Вернись, ибо священник, который преследовал тебя, умер!» Услышав это, человек Божий начал громко, обильно плакать и стенать – и потому, что враг его умер, и потому, что ученик его радовался этому. Поэтому он тут же наложил на ученика епитимью, потому что тот, отправляя послание свое, осмелился возрадоваться смерти врага» («Диалоги», II, 8, 6–9).

Как будто бы для того, чтобы выразить это завершение духовного восхождения, Бенедикт устроится теперь на вершине горы. Приблизительно в ста двадцати километрах на юго-восток от Рима, возвышается над Латинской дорогой Монте-Кассино, высотой более пятисот метров над уровнем моря. Место изумительное. На востоке – высокая цепь Абрुцских гор, на западе – плодородная долина. За нею – другие горы, и вдалеке – море.

Вершина Монте-Кассино была занята языческим капищем, посвященным Аполлону, по утверждению Григория, и Юпитеру – по надписи, открытой в прошлом веке. Поселившись в этом месте, Бенедикт оказался перед необходимостью стереть все следы язычества, которое так долго здесь царствовало. Но Бенедикт не ограничился простой христианизацией места. Одновременно он евангелизировал население.

«Селение, называемое Кассинум, находится на склоне высокой горы. Гора в этом месте имеет глубокую впадину, но продолжает вздыматься на высоту в три мили, как будто для того, чтобы вытянуть вершину свою к

небу. И тут стоял старинный храм, где, согласно древнему языческому обряду, поклонялись Аполлону несчастные глупцы из крестьянского населения. Вокруг росли деревья, посвященные демонам; в это время еще целая толпа неверных с великим старанием в неведении своем приносила кощунственные жертвы.

Сразу по прибытии своем Бенедикт разбил идола, опрокинул алтарь, срубил деревья; в храме Аполлона он построил молельню во имя блаженного Мартина, а на месте алтаря Аполлона – молельню во имя святого Иоанна; постоянно проповедуя, он призвал к вере все окрестное население» («Диалоги», II, 8, 10–13).

При строительстве обрушилась одна из стен здания. Под развалинами оказался погребенным молодой монах, и он вовсе погиб бы, не восстанови аббат молитвой его раздавленное тело. Прямо перед этим происшествием дьявол явился Бенедикту, молившемуся в своей келье, и объяснил ему, что он собирается сделать.

Новая монастырская община, таким образом, начала служить Господу в проклятом месте, над которым нависла тяжелая угроза, вызванная памятью о демонах.

Таинственные провидения эти позволяют Бенедикту не однажды открывать проступки, совершенные его учениками или посетителями, и исправлять их. Пророк Елисей дал пример таких чудес, упрекнув своего слугу Гиезия в том, что он тайком выманил плату у сирийского военачальника, излеченного святым от проказы. Таким же образом Бенедикт перехватил двух монахов, которые ели без позволения за оградой монастыря, и набожного мирянина, изменившего своему обыкновению поститься, осуществляя свое ежегодное паломничество в Монте-Кассино; слугу, мошеннически присвоившего себе часть подарков, которые господин его поручил ему отнести; и, наконец, одного монастырского брата, согласившегося, противу правил, принять в подарок несколько носовых платочков от монахинь. Самый интересный из этих эпизодов – история о монахе, гордившемся своим происхождением, которого Бенедикт упрекает в этих невидимых никому чувствах. Сын «защитника», то есть муниципального чиновника или церковника довольно высокого ранга, он исполнял в этот вечер в трапезной скромные обязанности держателя лампы перед столом аббата. В какой-то момент ему пришла в голову мысль, что служба эта его недостойна. Бенедикт тут же взглянул на него и живо сказал ему: «Положи

крестное знамение на сердце свое, брат! Что говоришь тут? Положи крестное знамение на сердце свое!» И немедленно заменил его другим монахом.

«Однажды почтенный отец принимал телесное восстановление сил, и поскольку вечер сильно уже продвинулся, один из его монахов, сын одного защитника, держал ему лампу перед столом. Пока человек Божий ел, наш держатель лампы, стоя по службе своей, был охвачен духом гордыни и начал молча ворчать про себя. Он говорил себе в мыслях: “Да кто он такой, этот, кому прислуживаю, пока он ест? Я ему лампу держу, я ему рабом служу! Будучи тем, что я есть, мне – ему служить?!”. Человек Божий тут же повернулся к нему и начал строго его отчитывать, говоря: “Перекрести сердце свое, брат! Что ты говоришь тут? Перекрести сердце свое!” И он тут же позвал братьев, приказал забрать у того лампу из рук, а ему самому – оставить службу свою, сию же минуту пойти сесть и держать себя тихо.

Братья спросили монаха о том, что произошло в сердце его. Он подробно рассказал им о приливе гордости, который раздул его, о словах против человека Божия, которые произносил он в мыслях, ни слова не говоря. И тут все ясно поняли, что от почтенного Бенедикта ничего нельзя скрыть. Уху его простая мысленная речь звучала громко» («Диалоги», II, 20. 1–2).

В монастыре рождение не имеет никакого значения. Ни возраст, ни социальное происхождение не принимаются в расчет. В смысле времени важна лишь дата вступления: только в зависимости от периода этого нового рождения распределяются монахи в общине. Таким образом, «возраст» монастырский заменяет собой физический. Что до прежнего социального положения, то и оно теряет здесь свои права: отказавшись от какого бы то ни было личного имущества, братья с этой минуты не обладают ничем, что могло бы разделять их в социальном отношении. Так принципиальное равенство, которое крещение устанавливает между христианами, становится в монашеской общине видимым фактом: «Нет больше ни господина, ни раба, все есть одно во Христе», – говорил святой Павел. Это равенство между господином и слугой, богатым и бедным, которое остается в христианском народе взглядом веры, мистическим фактом, в монастыре – и только в нем – превращается в факт ощутимый.

Король явился собственной персоной нанести Бенедикту визит. Охваченный благоговением перед святым, он бросился на землю, как только увидел Бенедикта. Великий монах снова принял

своего гостя сидя. Он встал лишь для того, чтобы поднять простертого на земле Тотилу. Он не пошел навстречу королю, чтобы приветствовать его. Эта непринужденность, граничащая с дерзостью, ярко свидетельствует о великой свободе человека Божия, слуги Христа-Царя, по отношению ко всем сильным мира сего.

И тон, которым Бенедикт заговорил затем с королем готским, был не менее уверенным. Он упрекнул его в актах жестокости, призвал его прекратить их и предсказал ему будущее в следующих нескольких словах: «Ты войдешь в Рим и перейдешь море. Ты процарствуешь девять лет, а на десятый год ты умрешь». По мнению Григория, Тотила принял во внимание слова святого и с тех пор стал менее жестоким. Во всяком случае, объявленные факты подтверждаются: король взял Рим в декабре 546 года и овладел Сицилией в 550 году. Он погиб в битве при Тагине в августе 552 г., после десяти лет царствования.

«Тотила сам пришел к человеку Божию. Издалека он увидел его сидящим. Он не осмелился приблизиться и распростерся перед ним. Человек Божий два или три раза сказал ему: “Встань!” Но он не осмеливался подняться с земли пред лицом его. Тогда Бенедикт, слуга Господа Иисуса Христа, соизволил приблизиться собственной персоной к распростертому на земле королю. Он поднял его с земли, укорил его за его деяния и в нескольких словах предсказал ему его будущее. Он сказал ему: “Ты воистину делаешь зло, много его ты уже сделал; прекрати же вершить несправедливость. Ты войдешь в Рим, ты переплывешь море, ты будешь царствовать девять лет, а на десятом ты умрешь”.

На эти слова полный ужаса король попросил молитвы и удалился. Отныне он стал не таким жестоким. Вскоре он вошел в Рим и высадился в Сицилии. И на десятом году своего царствования, судом Господа Всемогущего, он потерял свое королевство вместе с жизнью» («Диалоги» II, 14–15).

Три чуда совершены были в пользу людей, посторонних общине: святой излечил двух прокаженных, а между двумя этими исцелениями не имевший денег должник был спасен от неприятностей денежной суммой, которую Бенедикт обрел для него молитвой. Достойна замечания бедность общины: если Бенедикт должен встать на молитву, чтобы спасти доброго человека, то значит, необходимую ему скромную сумму нельзя было найти в кассе монастыря.

То же милосердие к людям вне монастыря является нам в эпизоде, который произошел во время голода. Мы уже встречались с этим голодом в нашем рассказе, он, по всей вероятности, имел ме-

сто в 537–538 гг., когда война между готами и Византией, начавшаяся тремя годами раньше, вызвала ужасающую нехватку продуктов питания. Один помощник дьякона, по имени Агапит, пришел в монастырь попросить немного постного масла. Его оставалось совсем мало в почти пустом стеклянном сосуде. Бенедикт приказал отдать все, но келарь приказания не исполнил, считая его неразумным. Когда аббат заметил это неповиновение, он сильно разгневался и заставил выбросить сосуд в окно. Чудом сосуд не разбился, и масло не пролилось. Тогда Бенедикт дал его просителю, отчитал непослушного монаха перед всеми братьями и встал вместе с ними на молитву в погребе. И тут произошло второе чудо: пустая бочка наполнилась маслом. Нечувствительный к атакам, направленным против него самого, Бенедикт не может перенести оскорбления Господа. В данном случае проступок направлен против послушания – добродетели, которая ему особенно дорога. Предмет, хранимый непослушанием, отвратителен – выкинуть его в окно, чтобы очистить дом Божий!

«В те времена, когда ужасающий голод опустошал Кампанию, человек Божий отдавал бедным все, что было в монастыре, так что в подвалах почти ничего уже и не оставалось, только немножко масла на дне стеклянного сосуда. Тут приходит дьячок по имени Агапит, настойчиво прося, чтобы дали ему немного масла. Человек Господень, который решил отдавать все на этой земле, чтобы все потом получить в небесах, приказывает отдать просителю ту малость масла, что оставалась во флаконе. Монах, исполнявший обязанности келаря, приказ услышал, но исполнение его отложил.

Через некоторое время аббат спрашивает его, отдал ли он масло, как ему это было приказано, и монах ему ответил, что ничего не отдал, потому что если бы он действительно отдал масло просителю, то для братии вовсе бы ничего не осталось. Разгневанный аббат приказывает другим монахам тут же выбросить стеклянный сосуд с остатками масла в окно, ибо ничто не останется в монастыре из-за непокорности. Так и было сделано. Траектория флакона оборвалась на скале, но он остался целым, как если бы его и не бросали; он не разбился, и масло не пролилось. Человек Господень приказал поднять склянку и так, в полной целости, вручил его дьячку. Затем в присутствии собравшейся братии он снова взялся за непокорного монаха и перед всеми попрекнул его недостатком веры и гордыней его.

Сказав все это, он вместе с братьями встал на молитву. В том месте, где он с братьями молился, стояла пустая бочка из-под масла, снабженная крышкой. Поскольку святой молился долго, крышка начала подниматься

с бочки под давлением поднимавшегося там масла. Наконец, трясясь, она совсем поднялась. Поток масла, переполнившего бочку, перелился через край, вызвав настоящий разлив на каменном полу того места, где все они распростерлись. Когда Бенедикт, слуга Божий, увидел это, он перестал молиться, и масло перестало течь на пол.

Тогда он снова принялся отчитывать непослушного и неверного брата, чтобы он научился вере и смирению. Брат этот покраснел от этого спасительного внушения, ибо почтенный отец чудесами этими доказал, что Господь Всемогущий одарил его той властью, которую он преподал ему в своем наставлении. Итак, не было никакой возможности для кого бы то ни было поставить под сомнение обетование Божие, ибо в одно мгновение Он за склянку, почти пустую, воздал целой бочкой, полной масла» («Диалоги», II, 28–29).

Сестра Бенедикта, Схоластика, посвященная Богу еще в раннем детстве своем, каждый год приезжала в Монте-Кассино, и Бенедикт встречался с нею за стенами монастыря, в небольшом служебном помещении. День проходил для брата и сестры в духовных разговорах, прерываемых часами службы. Вечером они вместе трапезничали, по-видимому, один раз в день и затем расставались. Последняя из этих встреч произошла за три дня до смерти Схоластики. Хотя монахиня и не казалась больной, она, по всей вероятности, почувствовала приближение конца, ибо во время трапезы она обращается к нему с просьбой: «Прошу тебя, не оставляй меня этой ночью, мы будем говорить о радостях небесной жизни до самого утра». Но Бенедикт не соглашается. Устав не позволяет проводить ночь за стенами монастыря. Тогда Схоластика начинает со слезами молиться. Не успела она поднять голову, как разразилась страшная, внезапная гроза, так что возвращение Бенедикта в монастырь стало невозможным. Крайне недовольный, святой вынужден был остаться на месте. Для св. Григория мораль этой истории такова: для монаха быть верным Уставу – еще не все. Как верность эта ни была достойна уважения, она может быть несколько отодвинута неожиданными требованиями любви. Эпилогом рассказа служит смерть Схоластики, происшедшая через три дня. Бенедикт в своей келье видит душу сестры, поднимающуюся в небо в виде голубя.

«Тогда человек Божий, среди всплесков молнии, грома и безмерного дождевого наводнения видя, что он не может вернуться в монастырь, начал жаловаться в огорчении: “Да простит мне Бог Всемогущий, сестра моя!

Что же ты сделала?» Она ответила: «Вот! Я просила тебя, но ты не захотел меня услышать. Я просила Господа моего, и Он услышал меня. А теперь выйди, если можешь! Оставь меня и возвращайся в монастырь!». Но он никак не мог выйти из-под крыши. Не хотел остаться по доброй воле, так остался силою. И вот как они провели всю ночь в бдении, взаимно поддерживая друг друга святыми словами о духовной жизни.

Итак, я сказал, что он хотел чего-то, но безрезультатно. Ибо если мы примем во внимание мысль святого человека, то он, конечно, желал бы, чтобы хорошая погода, которая была, когда он спускался сюда, продолжалась бы, но против своего желания, по воле Бога Всемогущего он наткнулся на чудо, совершенное сердцем женщины. И ничего удивительного нет в том, что в этом случае женщина оказалась сильнее его: она хотела подольше повидать брата. По слову Иоанна, «Бог есть любовь», и, по суждению совершенно справедливому, она обладала большей силой, ибо больше любила» («Диалоги», II, 33. 1–5).

Узнав о тяжелой болезни епископа Жермена, Бенедикт молился в своей спальне. Сначала Бенедикт увидел сверкающий свет, который был сильнее дневного и прогнал всякую тьму. Затем в этом сверхъестественном свете весь мир собрался перед глазами святого. Наконец появился огромный огненный шар, в котором он увидел душу епископа Жермена, уносимую ангелами в небо. Основной интерес этого эпизода – видение всего мира, «собранного как бы в одном солнечном луче». Бенедикт постигает незначительность не только нашей планеты, но и всей Вселенной перед Божественным Абсолютом, в котором человеческий дух, по благодати, приглашен участвовать. Как объясняет Григорий, дело не в том, что космос сжался, а в том, что взгляд ясновидящего безмерно расширился в Боге.

«И вдруг в самом сердце ночи он увидел свет, упавший сверху и совершенно прогнавший ночную темень. Он был столь сверкающим, что превосходил свет дня, хотя и сиял во тьме ночной.

И совсем неслыханное чудо случилось во время этого созерцания, ибо, как он рассказывал потом, весь мир, как бы собранный в единый солнечный луч, представился глазам его. Высокохотимый отец, вонзив внимательный взор свой в это сияние сверкающего света, увидел душу Жермена, епископа Капуанского, уносимую на небо ангелами в огненном круге...

Петр. Это чудо удивительно в самой высокой мере и совершенно поражает меня. Но то, что ты сказал, что перед глазами его, будто собранный в солнечном луче, явился весь мир, – это такой опыт, которого я никогда еще не имел и который я даже вообразить себе не могу. И на самом деле, как же целый мир может быть видим одному человеку?

Григорий. Крепко запомни, Петр, что я говорю тебе: для души, которая видит Господа, все творение – малость. В столь немногом, что видела она от света Господня, все сотворенное жалось для нее. В ясности внутреннего видения расширяются возможности души; ее разрастание в Боге таково, что она становится больше мира. Даже больше того: душа ясновидящего воспаряет над самой собой. В свете Божиим она восхищена сверх себя самой, она внутренне увеличивается, расширяется. Когда она смотрит на то, что под ней, она сверху понимает, как мало то, чего она не могла понять, находясь внизу.

Итак, человек, который видел огненный шар и ангелов, возносящихся в небо, не мог узреть это иначе, и в том нет никакого сомнения, как в свете Божиим. Что же удивительного в том, что он увидел мир, сжавшийся перед ним – тем, кто возвышен в свете духа, был вне этого мира? Когда я говорю, что мир был собран перед глазами его, это не означает, что небо и земля сжались, но что душа ясновидящего расширилась: восхищен в Боге, он мог без труда увидеть все, что под Богом. Этому внешнему свету, брызжущему в глаза, соответствовал внутренний свет духа, который показывал ясновидящему, восхищенному к небесам, насколько все, что внизу, мало» («Диалоги», II, 1–7).

Как сестра Схоластика, как епископ Жермен из Капуи, Бенедикт в момент своей смерти станет другом Божиим, видимо вознесенным в небо, как Илия или Сам Иисус. Так или иначе, но в отличие от двух предыдущих, видение его вознесения было предсказано им многим ученикам. Он предвидел свою смерть, знал день, в который она придет, и оповестил о знамениях, по которым о ней узнают отсутствующие. Когда пришел последний час, Бенедикт просил отнести его в молельню, причастился Тела и Крови Христовых и умер стоя, поддерживаемый сынами своими, с руками, вознесенными к небу в молитве. В тот день двум братьям было даровано радостное видение. То, что они увидели, не было, как в случае со Схоластикой и Жерменом, видением души, уносящейся к Богу, но просто сияющая дорога, уходившая из монастыря и поднимавшаяся на Востоке, чтобы уйти в небо. Бенедикт только что прошел по этой дороге, говорит им ангел. Вспоминается лестница Иакова, которую Бенедиктов Устав делает символом духовного вознесения монаха. Для Бенедикта смерть стала лишь последней ступенью той лестницы смирения, по которой он поднимался всю свою жизнь. «Кто унижится, вознесется». Высшее унижение, каковым является смерть, ведет к завершению евангельского парадокса о возвышающем смирении.

«Если не отниму у вас тела Моего, – комментирует Григорий, – то не сумею показать вам, что есть любовь духа. И если вы не перестанете видеть Меня телесно, то никогда вы не научитесь любить духовно». Эти последние слова «Жития Бенедикта» – больше, чем простой эпилог. Они указывают на смысл всего произведения. От начала до конца эта биография человека Божия имеет единственную цель: вести к самому Богу, к духовной любви Божией.

Учение и аскеза – две возможности, которые Бенедикт счел несовместимыми. Сделав выбор между ними, он оказывается перед множеством искушений. Каждый раз он может выбирать в пользу страсти (гордыни, сладострастия, гнева) или в пользу Божию, и он не отступает от своего призвания. Каждый раз, унижая себя, он оказывается вознагражденным, как бы возвышенным ради новой трудности. Руководя целой общиной, он неизменно делает выбор в пользу добродетели – пути, который ведет к Богу. Бенедикту будет даровано ясновидение, необходимое для его пастырских трудов, и мистическое видение, предваряющее его собственную небесную славу. Таким образом, история Бенедикта – это и рассказ о милости Божией, которая на свободный выбор человека, сделанный в пользу заповедей Божиих, отвечает щедрыми дарами.

Примечания

- ¹ *о. Адальберт де Вогюэ* (1924–2011) – выдающийся католический исследователь, историк и богослов, доктор теологии (1959), издатель параллельного (латинского и французского) текста бенедиктинского Устава с богатейшими комментариями, редактор-составитель серии томов по истории западного монашества. Жил в бенедиктинском монастыре в уединении, принимая пищу раз в день и посвящая все время молитве и научной работе.
- ² *Адальберт де Вогюэ*. Святой Бенедикт: человек Божий. Р.: Collection Simvol, № 6, 1995. http://krotov.info/libr_min/v/vog/vogue.htm
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.

Концепция личности в культуре: евразийский выбор (П.П.Сувчинский)

Евразийство как идейно-теоретическое течение оформилось в зарубежье после массовой эмиграции, последовавшей в результате социальной катастрофы 1917 г. и Гражданской войны в России, «в атмосфере катастрофического мироощущения»¹. В этой катастрофичности происходящего адепты течения видели «знамение назревающего, ускоряющегося переселения и перерождения культуры»².

Революция представлялась, с одной стороны, завершением европеизации России, а с другой – как факт, означавший «выпадение» её из рамок европейского опыта, и вместе с тем как начало новой русской культуры. Евразийцы призывали отказаться от пустого обличительства и задуматься над проблемами творческими, созидательными. Они не желали видеть в России культурную провинцию Европы, с запозданием повторяющую ее «зады», и считали, что «”богиня культуры”, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов Европейского Запада, перемещается на Восток»³.

Стержнем концепции стала идея России-Евразии, на геополитическом пространстве которой сформировался особый тип культуры.

На примате последней особенно настаивали П.П.Сувчинский, Н.С.Трубецкой, Л.П.Карсавин. Изменения культуры для них представлялись самыми важными, важнее, чем в других сферах жизни общества, поскольку без совершенствования именно культуры модернизация политических идей и политического строя оставалась бы несущественной и даже нецелесообразной.

Евразийцы утверждали, что культуру создает и определяет религия. Как писал П.П.Сувчинский, русская культура концентрически выражает религиозно-нравственные основы мирозерцания русского народа. Кризис петербургской России связан в первую очередь с ее «отрывом от национальной культурной почвы». В этом смысле Октябрьская революция была совершенно неизбежна и необходима. Несмотря на все искажения и трагические испытания, послеоктябрьская Россия, по убеждению П.П.Сувчинского, вернется к истокам и осознает уникальность своего культурно-исторического пути как Евразии. Православию отводилось место важнейшей религиозной основы культуры Евразии. История России рассматривалась как история рождения, становления и развития Русской Православной Церкви, которая есть симфонически-личное бытие евразийско-русской культуры и высшая его форма. Религиозное единство России-Евразии выражается, с точки зрения евразийцев, и как единая симфоническая культура, в которой руководящая роль принадлежит культуре собственно русской. Культурное единство Евразии сказывается на единстве этнологическом.

В статье «К преодолению революции» (1923 г.) П.П.Сувчинский называл последнюю катастрофой, предсказанной и предреченной, имеющей глубокие и далекие причины в историческом прошлом России, обострившей «осознание русской культурно-политической личности»⁴. Если на первом этапе революции, писал он, развернулись главным образом социально-политические преобразования, то в дальнейшем революционный процесс сосредоточился в области духовно-религиозной.

В программном документе «Евразийство» зафиксировано, что, исходя из религиозных основ, евразийцы придают исключительно большое значение понятию и явлению личности. В третьем пункте Декларации сформулировано: «Но личность не воспринимается евразийством в отрыве от соборного целого. Служению общему делу должны быть посвящены все ее силы. Из этого служения вытекают и им оправдываются ее права»⁵.

Понимание «личности» в евразийстве – многоуровневое и всеобъемлющее. Все народы Евразии, по его трактовке, образуют единую культурную личность, которая является как бы высшим соборным единством и имеет свою самостоятельную жизнь. Однако эта соборная личность не поглощает всецело отдельные личности,

а существует через их духовную жизнь. Задача евразийства – раскрыть особенности евразийского культурного целого, т. е. культурной личности России-Евразии.

Оппонентом евразийцев выступил Н.А.Бердяев. Он приветствовал их тезис о примате культуры над политикой и с удовлетворением отмечал понимание ими русского вопроса как духовно-культурного, а не политического. Критикуя отношение евразийцев к Западной Европе, называя его превратным и ложным, философ вместе с тем подчеркивал, насколько верно они чувствуют, что Европа перестает быть монополистом культуры. Рагуя за возрождение духовной православной культуры и связывая с ней, а не с политикой или экономикой лучшие достижения общества, в этом соглашаясь с евразийством, он выступал за признание абсолютной ценности любой личности, утверждал, что именно свободный человеческий дух является творцом культуры. Н.А.Бердяев считал творчество сутью и целью человеческого бытия. Человек же становится способным к подлинному творчеству лишь в результате обретения им свободы. Свобода духа является источником и механизмом любой творческой активности. Именно «дух творит новое бытие»⁶. По мысли Н.А.Бердяева, приоритет свободы над бытием изменяет судьбу культуры, вдохновляя тем самым человека на новое понимание мира и самого себя.

Для характеристики человека как индивидуального феномена мыслитель использовал два термина – индивидуум и личность. Индивидуум есть натуралистическая, прежде всего биологическая категория, есть часть рода и подчинен ему. Индивидуум есть также социологическая категория, и в этом качестве он подчинен обществу, есть его часть. Индивидуум отстаивает свою относительную самостоятельность, но принужден рассматривать себя как часть («один из»), он не может противопоставлять себя целому, как целое в себе. Личность Н.А.Бердяев относил к категории духа, а не природы, и она не подчинена ни природе, ни обществу, не может быть мыслима как часть в отношении к целому. Личность есть целое, это основное её определение. Он творится Богом и самотворится и есть Божья идея о всяком человеке. Личность обладает способностью вмещать в себя универсальное содержание. Она может быть понята лишь как творческий акт, личность которого выковывается в своем творческом самоопределении, реализация лично-

сти предполагает аскезу как средство, упражнение, концентрацию внутренней силы, необходимую для осуществления творчества человека. Н.А.Бердяев указывал на то, что в личности есть бессознательная основа – стихийная, связанная с космосом и землей, являющаяся материалом, из которого создаются величайшие добродетели личности; есть сознание и выход к сверхсознательному, с последним связаны все высшие достоинства человека, святость и гениальность, созерцательность и творчество. Путь реализации человеческой личности лежит от бессознательного через сознание к сверхсознательному. В упрек евразийству ученый подчеркивал: поскольку общество, нация, государство не являются личностями, человек как таковой имеет большую ценность. Поэтому-то право личности и ее долг отстаивать свое своеобразие, независимость, духовную свободу, осуществлять свое призвание в обществе. Квинтэссенцией возражений Н.А.Бердяева стала констатация положения, что «учение о симфонической личности глубоко противоположно персонализму и означает метафизическое обоснование рабства человека»⁷.

Евразийцы положили новый принцип в основу определения понятия «культура». Н.С.Трубецкой трактовал её как исторически непрерывно меняющийся продукт коллективного творчества прошлых и современных поколений данной социальной среды, причем каждая отдельная культура, считал он, имеет целью удовлетворение определенных материальных и духовных потребностей всего данного социального целого или входящих в его состав индивидов⁸. С другой стороны, культуру творит «хоровая нация-личность».

В отличие от Н.А.Бердяева у евразийцев речь идет о единстве в многоликости, коллективной, симфонической личности, когда индивидуальные личности создают хоровую личность. Определение «личности» они относили к народам, ибо «только с народами, а не с царствами у Бога есть личные отношения»⁹. «Народная же субстанция, – писал Н.С.Трубецкой, – есть настоящая личность и, как таковая, имеет свою особую душу». Отмечалось, что народы, хотя и порождают очаги государственности, не совпадают с географическими границами государства, которые могут проходить «внутри цельной личности отдельного народа»¹⁰. Именно народы создают культуру, цивилизацию. Культура каждого этноса своеобразна, и как раз эта мозаичность человечества придает ему пла-

стичность. Л.П.Карсавин¹¹ писал, что путь к цели человечества лежит только через осуществление целей данной культуры и данного народа, а они в свою очередь осуществимы лишь через полную реализацию каждым его собственной индивидуальности. Церковь же должна спасать их души.

Следует считаться с тем, что не все народы, входящие в состав России-Евразии, принадлежат к Православной Церкви. И совесть соответствующих национальных личностей, пусть не полно, но единственно возможно выражается через нехристианские религии.

Евразийцы приходили к выводу, что оптимальной формой существования человечества является этническая пестрота, многообразии культур. Н.С.Трубецкой подчеркивал, что культура отдельного национального организма является наиболее жизнеспособной. Из национальных культур составляется «радужная сеть», единая и гармоничная в силу непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности.

К роли отдельной национальной культуры евразийцы подходили, основываясь на мультилинейной схеме исторического процесса. Они представляли прогресс как реализацию разнообразия возможностей, заложенных в различных культурах. Н.С.Трубецкой ввел принцип качественной несоизмеримости последних, исключая практически возможность оценки той или иной культуры.

Возражая евразийцам, проф. Н.О.Лосский отмечал, что идеальные нравственные ценности требуют общечеловеческой культуры. Но, по евразийству, можно говорить о человечестве в целом в богословском и зоологическом смыслах, а в культурно-исторической области это понятие мало плодотворно, даже в чисто познавательном смысле различие здесь продуктивнее объединения. Чрезвычайно актуально наблюдение Н.С.Трубецкого о том, что, сильно различаясь в стремлениях духовных, люди схожи в жизненных запросах и логике. Поэтому материальная техника, логика, рационалистическая наука в однородной общечеловеческой культуре должны превалировать над религией, этикой, эстетикой и т. д. Следствием этого является духовная примитивизация и бессмысленное строительство «Вавилонских башен». Пределом упрощения системы, ее технократизации является гибель. Интенсивное научно-техническое развитие неизбежно связано с духовно-нравственным одичанием. Таким образом, общечеловеческая

культура возможна лишь при предельном упрощении и, по сути, за счет уничтожения национальных культур. Культура, опирающаяся на национальный принцип, стимулирует ценности, духовно возвышающие человека. Следовательно, личность существует лишь постольку, поскольку может себя проявить творчески, самобытно, индивидуально.

Евразийство разработало новую формулу обретения идентичности, выражающуюся в религиозной или культурной сфере. Его адепты пытались доказать, что каждая нация, каждый ареал цивилизации выражает себя в той форме развития, которая ему присуща. Эта «органичность» является настолько основополагающей, что какое-либо «окультуривание» в этой области невозможно без отчуждения. В самопознании нации должно проявиться многообразие мира. Евразийство ставило вопросы об уместности культурных границ, об абсолютном своеобразии какой-либо культуры.

Выживание сверхсложных систем зависит от слаженности элементов, их составляющих. Идеи евразийства, подчеркивая уникальность каждой личности, любой национальной культуры, выдвигали на первый план значимость целостности Евразии, формирование общеевразийских идентичности и самосознания путем изучения истории культуры России–Евразии. Актуальным представляется вывод, что для современной России евразийское национальное сотрудничество должно реализовываться на основе учета интересов всех евразийских народов, равносторонней ответственности за экономическое, политическое, культурное пространство Евразии. Современные интеграционные процессы являются не только исторической реальностью, но и необходимостью, одним из факторов сохранения личности, устойчивого развития в эпоху глобализации.

Примечания

- ¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. III.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 72.
- ⁴ *Сувчинский П.П.* К преодолению революции // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 34

- ⁵ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932. С. 3.
- ⁶ *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М., 1994. С. 379.
- ⁷ *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // *Бердяев Н.А.* Царство Духа и Царство Кесаря. М., 1995. С. 45.
- ⁸ *Трубецкой Н.С.* Вавилонская богиня и смещение языков // *Евразийский временник.* Кн. 4. Берлин, 1925. С. 110.
- ⁹ *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П.Сувчинскому 1921–1928. М., 2008. С. 150.
- ¹⁰ Там же. С. 151.
- ¹¹ Л.П.Карсавин в начале 1926 г. составил записку «Церковь, личность, государство», которую Н.С.Трубецкой активно критиковал. В Париже в 1927 г. Евразийским книгоиздательством была издана его брошюра «Церковь, личность и государство», а затем одноименная статья в журнале «Путь» (1928. № 9). В 1929 г. в Каунасе Л.П.Карсавин издал работу «О личности». Н.О.Лосский в ответ указал на подспудный карсавинский антиперсонализм, отметив, что «любая из личностей» в учении Карсавина «является одним и тем же всеединством» и что «у него нет концепции истинной вечной индивидуальной уникальности как абсолютной ценности» (*Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1925. С. 317).

Татьяна Чумакова

Частный случай выбора: сталинская перепись 1937 г. и «выбор вер»

Сёрен Кьеркегор писал: «Как наследник хотя бы всех сокровищ мира не может вступить во владение ими ранее своего совершеннолетия, так даже наиболее одаренная природой личность – ничто, пока она не выберет, т. е. не определит самое себя; с другой стороны, даже самая ничтожная, по-видимому, личность – всё, если она сделает свой выбор: суть не в том, чтобы обладать тем или другим значением в свете, но в том, чтобы быть самим собою»¹. Представлял ли датский мыслитель, перед каким выбором в первой трети XX в. окажется множество людей, и какой ценой придется платить за то, чтобы «быть самим собой». С года сталинского «великого перелома» советские люди не просто должны были жить под тотальным контролем государства, но постоянно доказывать свою полную лояльность власти. Для миллионов выбора между конформизмом и нонконформизмом просто не могло быть, поскольку это был выбор между жизнью и смертью, и не только собственной, но жизнью и смертью всех своих близких, друзей, коллег и даже случайных знакомых.

Одним из ключевых событий этих страшных лет стала перепись 1937 г., результаты которой стали одной из причин большого террора 1937–1938 гг. Вторая всесоюзная перепись населения в СССР была проведена 6 января 1937 г. Предыдущие советские переписи проходили в 1920, 1923 и 1926 гг., а в 1932 г. прошла пробная. Последнюю перепись 1926 г. отделяли от 1937 г. не просто одиннадцать лет, а целая череда «дел», из которых прежде всего

вспоминается «академическое» 1929–1931 гг.², «дело славистов» (1933–1934 гг.)³ и «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», проходившее в период подготовки переписи 1937 г. Казалось бы, здравый смысл должен был заставить ученых: социологов, этнографов, историков религии – постараться создать такой продукт, который мог бы удовлетворить власть, но они, изучив международный опыт⁴, подготовили такие вопросники и инструкции для переписчиков, которые позволили получить максимально объективные результаты. Впрочем, советское правительство оказалось иного мнения, что не удивительно, ведь результаты переписи сильно расходились с официально озвученными с трибун данными. И это касалось не только численности населения СССР (по данным переписи 162 млн человек, а по официальным – никак не меньше 170 млн), но и состояния его религиозности. Уже в начале 1930-х гг. в советские чиновники пребывали в уверенности, что религия, будучи пережитком феодализма и капитализма, в социалистическом государстве умерла, и единственные ее приверженцы – это люди пожилого возраста. Этнологи, занимавшиеся изучением народной религиозности, отмечали, что «председатель колхоза не верил тому, что собрал научный работник у него под боком»⁵. Перепись показала реальное состояние дел. Верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 56,7 % от всех выразивших свое отношение к религии⁶, из них две трети крестьян и одна треть горожан, среди которых было немало рабочих и молодежи. Тем самым население смогло продемонстрировать свою нелояльность власти. Репрессии были скорыми: меньше чем через три месяца после проведения переписи ее главные организаторы – начальник бюро переписи населения О.А.Квиткин и его заместитель Л.А.Брандгендлер (Бранд), который лично занимался подготовкой комплекса инструкций по пятому пункту переписи «религия», – были арестованы вместе с другими руководителями ЦУНХУ⁷ и репрессированы. По всему СССР было почти одновременно арестовано множество специалистов и рядовых переписчиков на местах. Разгром советской статистики был завершён осенью, когда вышло постановление Совнаркома от 25 сентября 1937 г., в котором говорилось, что всесоюзная перепись 1937 г. проводилась «с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утверж-

денных правительством инструкций»⁸. Результаты переписи были признаны недействительными⁹, ее материалы засекречены, и лишь в конце 90-х гг. исследователи смогли приступить к их изучению¹⁰.

При подготовке к переписи одним из наиболее сложных был вопрос о религиозной принадлежности респондента. В предыдущих советских переписях такого не было. Исследователи считают, что решение о внесении пункта «религия» в вопросники было принято лично И.В.Сталиным. Руководство страны рассчитывало, что благодаря переписи они смогут получить отражающие действительность данные, которые вместе с тем покажут, каких огромных побед добился СССР в деле пропаганды атеизма. Возможно также, что внесение пункта о религиозной принадлежности было отчасти инспирировано наличием подобного вопроса в переписи, проведенной в Германии в 1933 г. Однако советские статистики считали, что такие вопросы нельзя вносить, поскольку они предполагают слишком субъективные ответы и потому противоречат классическим требованиям статистической науки. Ответ может быть неточным, поскольку человек не всегда может четко объяснить характер своей религиозности или сознательно исказить из страха перед возможными последствиями. Ведь к этому времени на территории СССР была закрыта большая часть христианских храмов, мечетей, синагог, дацанов, приверженцы любых конфессий подвергались преследованиям. И в этих условиях одни верующие были склонны скрывать свою религиозную принадлежность, другие, напротив, верили, что чем больше людей заявят о своей религиозности, тем больше откроют храмов, а третьи просто боялись репрессий, не зная того, какой ответ от них хотят получить, и отказывались говорить. По стране ползли слухи, что верующих «будут обкладывать налогами», что тех, кто записался таковым, «должны забрать», что всех неверующих «выжгут фашисты, а война скоро будет», что «верующих выселят из района, а детей выбросят из школы»¹¹.

Статистики предполагали, что ответ на пятый пункт опросного листа «религия» вызовет множество сомнений и разночтений. Поэтому первоначально вопрос о религии не собирались вносить в опросные листы в том числе и потому, что она воспринималась как «чрезвычайно важный», но «исторически отмирающий» признак. В XX в. большинство стран мира исключили пункт «религия» из программы переписи населения в связи с тем, что подобные вопро-

сы являются вмешательством в личное пространство человека и могут привести к нарушению принципа свободы совести. Именно этот аспект больше всего тревожил и советских статистиков в 1936 г. В уже упоминавшейся монографии А.И.Гозулова отмечалось, что «статистическая мысль приходит к убеждению, что, пользуясь арсеналом методов классической теории статистики, вряд ли стоит пытаться проникать в тайники человеческой совести. Этому немало способствовали неясности и противоречия в определении признака религиозной принадлежности, которые сопутствовали обсуждению этого вопроса в международных статистических организациях... переписи населения фиксируют лишь формальную принадлежность к религии и не ставят вопроса о самом факте религиозности, ибо это касается таких сторон сознания, где нарушается принцип “свободы” совести»¹². К чести статистиков, готовивших перепись, надо отметить, что они чрезвычайно ответственно подошли к постановке этого вопроса. Переписчики получили инструкцию, в которой подробно излагалось, как именно надо задавать вопрос о религиозной принадлежности, с тем чтобы респондент понял, что речь идет не о том, к какой конфессии он принадлежит формально, а о том, каковы его собственные религиозные убеждения: «Ответ на этот вопрос заполнять только для лиц 16 лет и старше. Речь в этом вопросе идет не о вероисповедании, к которому опрашиваемый или его родители причислялись официально в прошлое время. Если опрашиваемый считал себя неверующим, записывать “неверующий”, а для верующих, придерживающихся какого-либо определенного вероучения, записывать название религии (например, православный, лютеранин, баптист, молоканин, магометанин, иудей, буддист и т. п.)»¹³.

Но для того, чтобы обработать ответы, список «религий» надо было свести к минимуму. С вопросом о составлении такого ЦУНХУ обратилось в Музей истории религии АН СССР (МИР), директором которого на тот момент являлся В.Г.Богораз (Тан)¹⁴, а также к исследователю русского религиозного свободомыслия В.Д.Бонч-Бруевичу¹⁵. Из официального письма руководства ЦУНХУ в МИР в марте 1936 г. следует, что в чрезвычайно краткие сроки (фактические на работу оставались два месяца: апрель и май) исследователи должны составить «пособия к разработке материалов переписи по религиям, встречающимся в пределах СССР». Содержание этих пособий переписное Бюро представляло себе следующим образом:

«1) Перечисление всех позиций вероисповеданий, по которым будет разрабатываться материал. В 1897 году таких позиций, как известно, было 16¹⁶. По условиям машинной техники разработки переписи наиболее удобно было бы иметь не более 12 позиций, причем одна позиция предназначается для лиц, не принадлежащих ни к какому вероисповеданию, другая, сборная – для мало-распространенных вероисповеданий, не отнесенных к определенным группам (так называемые «прочие»), третья – для лиц, не давших ясного ответа на вопрос о религии. Таким образом, для главных религий и примыкающих к ним вероучений остается лишь 9 позиций.

2) Пособие, раскрывающее содержание каждой позиции (систематический список вероисповеданий), с перечислением всех относящихся к ней частей, синонимов и прочих названий, в том числе и устаревших, но могущих встретиться в ответах на вопрос о религии. Тут же желательно дать указание, среди каких народностей и в каких частях СССР встречается преимущественно данная религия и с какими другими вероисповеданиями по названию или по родственности может быть смешана данная группа.

3) Словарь, в котором размещаются в алфавитном порядке все названия, встречающиеся в пособии № 2, с указанием позиций, к которым они относятся.

4) Пособия эти, как указано уже в нашем отношении от 15 марта с/г, должны быть готовы к 1 июня с/г; во всяком случае, основное пособие, список позиций религий (№ 1), необходимо иметь не позже этого срока. Так как к составлению пособия Вами уже приступлено (отношение от 26 марта № 69-08), составление пособий к сроку не представит, по видимому, затруднений¹⁷.

Судя по переписке между В.Г.Богоразом и В.Д.Бонч-Бруевичем, они договорились о сотрудничестве. Главной проблемой для обоих был размер «списка религий». Бонч-Бруевич писал Богоразу: «Как видите, у них самих не установлена точка зрения, как сделать список религий, религиозных групп, согласий и сект, – подробный или более узкий, – для всесоюзной переписи СССР. Я стою за подробный список, так как иначе ничего не выйдет, или выйдет та ерунда, которая была при статистике во время переписи по вероисповеданиям при самодержавном правительстве, когда записалось 2 млн различных представителей сект и согласий, а на самом деле тут же вслед за этим было научно установлено и доказано, что их было более 20 млн. Вероятно, Вы помните статью Пругавина в “Русской мысли”, которую он подписал фамилией

Борецкий: «Два или двадцать миллионов»». По всей видимости, Бонч-Бруевич считал, что список должен быть чрезвычайно обширным, поскольку отмечает, что необходимо «его сделать не таким сжатым, как это было в статистических таблицах при самодержавии, а наоборот, сделать исчерпывающие перечисления, так как надо твердо знать, что ни один сектант, ни один старообрядец ни в коем случае не запишет себя в другое, даже близко подходящее согласие, а сектант – в секту, а если только захочет сказать, то обязательно потребует точного наименования его вероисповедания»¹⁸. При этом он отмечает, что такие таблицы им были составлены в 1932 г. «для потребностей комвнудела»¹⁹.

Богораз предложил Бюро переписи кандидатуры А.И.Клибанова²⁰, А.А.Невского²¹, В.И.Недельского²² и Г.О.Монзеллера²³. Но мы не можем с уверенностью утверждать, что ученики уже арестованного к тому моменту Н.М.Маторина²⁴, Клибанов и Невский, принимали участие в подготовке переписи, поскольку летом 1936 г. они были арестованы по делу «контрреволюционной группы Н.М.Маторина». Впрочем, в документах о подготовке переписи сохранилось чрезвычайно мало фамилий разработчиков «списка религий», и можно предположить, что были оставлены имена лишь тех, кому удалось избежать репрессий по маторинскому делу (в частности раздел иудаизма готовил аспирант Н.М.Маторина М.И.Шахнович). В мае 1936 г. умирает В.Г.Богораз, и подготовкой работ по переписи в Музее истории религии стали руководить новый заместитель директора музея В.О.Василенко, который после ареста Маторина возглавил третий отдел МИРа (его предшественник А.М.Покровский, бывший заместителем Богораз, также был репрессирован по делу Маторина), и ученый секретарь Ю.П.Францов²⁵.

Новое руководство МИРа также требовало уточнений по позиции «религия» в переписном листе, поскольку, как писал в ЦУНХУ Ю.П.Францов, этот пункт «при формальном опросе может дать совершенно механические представления о прежней принадлежности опрашиваемого к той или иной религии. Было бы желательно в инструкции этот вопрос несколько уточнить, например, дать вопрос “отношение к религии”. В случае положительного ответа следующий вопрос задается о принадлежности к той или иной определенной религии»²⁶.

Работа, проделанная в краткие сроки сотрудниками МИРа, не была бы возможна без многолетних исследований, которые проводились по изучению религиозных представлений народов, населявших СССР, и по составлению «карты религий СССР». Все эти усилия этнографов и историков религии нашли воплощение в «Перечне религиозных групп по позициям для переписи 1937 г.». В этом «Перечне» было несколько позиций: «Название религиозной группировки и ее подразделений», «Самоназвание и название», «Среди каких народов встречается», «Район распространения». Основных религиозных групп было девять. Первое место в перечне занимали православные, среди которых были выделены четыре основные группы: «1) староцерковники: тихоновцы, иосифляне, григорьевцы, серафимовцы, викторовцы, сергиевцы и др., и 2) обновленцы: живоцерковники, древле-апостольская церковь, союз церковного возрождения и др. (большей частью распались), 3) Автокефалисты Украины и 4) Автокефалисты Грузии». Второе место отводилось армяно-грегорианам, за ними шли католики, протестанты разных течений, среди которых выделяли три: лютеране, кальвинисты и англикане. Пятую позицию занимали иудеи, которые также были разбиты на три группы: ашкинази (два течения: миснагдим и хасиды), караимы и «другие течения, примыкающие к иудаизму» (иудействующие и субботники). Далее следовали мусульмане. Седьмая позиция была отведена «буддистам и ламаистам», разделенным на две группы: «ламаисты желто-шапочного толка (желтошапочники), и фойсты». Следующими шли шаманисты и группы, отделившиеся от них: бурханисты и последователи культа Хэри-мапа. Замыкающие список «прочие религии» включали в себя браманистов, конфуциан, огнепоклонников (парси и гвевры, проживавшие в Баку), а также последователей старых патриархально-родовых культов (марийская кугу-сорта (большая свеча), липопоклонники – удмурты и последователи «кузьки – мордовского бога»²⁷. Впрочем, этот перечень не был окончательным, и возникший в результате долгих споров и переписки с ЦУНХУ «Систематический указатель вероучений (религий) и антирелигиозных группировок» существенно отличался от предыдущего варианта. В нем было 12 позиций (групп), старообрядцы «поповского согласия» были отнесены к православным, а «беспоповцы» к «христианам прочих направлений». Группа 1

включала неверующих («синонимы: атеисты, неверие, атеизм; антирелигиозные, антирелигиозники, антихристы, безбожники, воинствующие безбожники, свободомыслящие»), безразличных к вопросам веры и сомневающихся («Философские мировоззрения: агностики, агностицизм; гуманисты, гуманизм; материалисты, материализм; моралисты, морализм; натуралисты, натурализм; научное мировоззрение; позитивисты, позитивизм»)²⁸. Относительно распространения этой группы говорилось, что они «распространены между всеми национальностями и по всей территории СССР». Самой разнообразной была группа 6 «Христиане прочих направлений: сектанство, секты, возникшие на почве православия и протестантства», она состояла из множества течений старообрядцев «беспоповцев», только «мелких групп» там было 18, и у всех указаны не только самоназвания, но и места проживания, например: «Дыропеки. Проживали в Саратовском крае. 12. Пасхальники. Проживали в Черниговской обл. 13. Никудышники. Проживали в Астрахани»²⁹. Предпоследняя (одиннадцатая) группа включала в себя «прочие и не точно обозначенные религии». В нее попали не только огнепоклонники, «браманисты» и «язычники», но и «сторонники религиозно-философских систем: деисты, пантеисты, спиритуалисты, мистики, теософы, спириты, оккультисты и последователи “христианской науки”»³⁰.

Подготовка переписи 1937 г., ее проведение, ответы на вопросы анкеты и позднейшие процессы над организаторами переписи – все это примеры выбора: выбора ученого, выбора религиозной принадлежности, выбора между жизнью и смертью. Последующие переписи уже готовились и обрабатывались в согласии с «линией партии», и о свободе выбора гражданам СССР пришлось забыть на долгие десятилетия.

Примечания

- ¹ *Кьеркегор С.* Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал // *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг / Предисл. П.Ганзена. Ростов н/Д., 1998. С. 225.
- ² См. *Перченко Ф.Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201–235.

- ³ См. *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* Дело славистов. 30-е годы. М., 1994.
- ⁴ По результатам этих исследований ЦУНХУ подготовило монографию *Гозулов А.И.* Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения). М., 1936.
- ⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф. 221. Оп. 2. Д. 7. Л. 3.
- ⁶ *Жиромская В.Б.* Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Ист. вестн. 2000. № 5. С. 107–108.
- ⁷ *Максимова В.Н.* Из воспоминаний (20–30-е годы) // Вопр. статистики. 1996. № 10. С. 78–87.
- ⁸ *Волков А.Г.* Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Экспресс-информация. Вып. 3–5 (ч. II). М., 1990. С. 6.
- ⁹ В заключении специальной комиссии утверждалось: «1. Перепись была организована с нарушением самых элементарных правил. 2. Перепись была проведена вредительски, имея предвзятой задачей доказать фашистскую ложь о смерти в СССР от голода и эмиграции из СССР в связи с коллективизацией нескольких миллионов человек. 3. Пропущено при переписи, судя по вышеприведенным данным, не менее 4% населения или около 6,5 млн человек». Цит. по: *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2006. С. 109.
- ¹⁰ См. подробнее: *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996.
- ¹¹ *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социол. исслед. 1990. № 6. С. 7.
- ¹² *Гозулов А.И.* Указ. соч. С. 130.
- ¹³ Там же. С. 132.
- ¹⁴ Богораз Владимир Германович (псевдоним – Н.А.Тан, от имени Натан, данного при рождении, В.Г.Тан, Тан и др.) (1865–1936), этнограф, писатель. Один из зачинателей изучения народов Севера. В 1918 г. стал хранителем Музея антропологии и этнографии РАН. Был одним из инициаторов создания Института народов Севера и Музея истории религии АН СССР, директором которого он стал.
- ¹⁵ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955), государственный и общественный деятель, историк, в 1917–1920 гг. управляющий делами Совнаркома, позже занимался научной работой, был создателем Государственного литературного музея. С 1946 г. возглавлял Музей истории религии.
- ¹⁶ Позиции переписи 1897 г. по вероисповеданиям: православные и единоверцы; старообрядцы и уклоняющиеся от православия; армяно-грегориане; армяно-католики; римско-католики; лютеране; баптисты; менониты; англикане; лица остальных христианских исповеданий; караимы; иудеи; магометане; буддисты и ламайты; лица остальных нехристианских исповеданий.
- ¹⁷ ПФА РАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 7. Л. 7.
- ¹⁸ Там же.

- 19 «Комвнудел» – это народный комиссариат внутренних дел (НКВД).
- 20 Клибанов Александр Ильич (1910–1994) – историк религии, специалист по истории религиозного свободомыслия в России.
- 21 Невский Александр Арсеньевич (1898–1980) – историк религии, специалист по православию и народной религиозности.
- 22 Недельский Владимир Ипполитович (1903–1958) – историк религии, специалист по раннему христианству.
- 23 Монзеллер Георгий Оскарович (1900–1959) востоковед, переводчик с японского и китайского языков. В 1936 г. в МИР АН СССР заведовал отделом нехристианских религий.
- 24 Маторин (Моторин) Николай Михайлович (1898–1936) – исследователь религии, фольклорист, этнограф. После революции 1917 г. Маторин принимал активное участие в политической жизни страны и с 1922 г. был секретарем Г.Е.Зиновьева, что впоследствии и послужило основанием для его ареста в качестве участника «троцкистско-зиновьевского блока». Был директором Института антропологии и этнографии АН СССР, активно занимался преподавательской деятельностью, работал в Музее истории религии АН СССР, руководил группой по изучению «бытового православия». Был арестован в 1935 г., расстрелян в 1936 г. По «делу Маторина» проходили также почти все его ученики и сотрудники, в результате чего российская этнографическая и религиоведческая наука понесли огромные потери, особенно в области изучения народной религиозности.
- 25 Францов (Францев) (Георгий) Юрий Павлович (1903–1969), философ, социолог, историк религии, общественный деятель, академик АН СССР. С 1939 по 1945 гг. – директор Музея истории религии АН СССР и зав. сектором истории религии и атеизма Института философии АН СССР.
- 26 ПФА РАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 61. Л. 10.
- 27 Там же. Л. 90–95.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Там же. Л. 112.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ВЫБОР?

Сергей Малков

Аксиологические основания гуманитарных технологий манипуляции сознанием

Гуманитарное знание, существующее по большей части в виде текстов, не только в значительной степени зависит от ценностных установок авторов-создателей, но и содержит их внутри себя в качестве существенной составляющей. Разумеется, это относится к любому виду знания, в том числе и естественнонаучному. Однако гуманитарному это положение присуще в гораздо большей степени.

Давно известно, что гуманитарное знание, равно как и естественнонаучное, выполняет не только познавательную, но и *преобразующую* функцию. То есть оно может выступать в качестве технологии, конечная цель которой – преобразование человеческого сознания благодаря целенаправленному воздействию на него с помощью текстов¹ (манипуляции).

Следует заметить, что последний термин мы не используем здесь в сугубо негативном смысле, как это обычно делается. Скорее данный смысл является ценностно амбивалентным, а термин просто фиксирует собою сам факт существования подобных воздействий, направленных на изменение глубинных аксиологических установок сознания человека.

Проблемы, возникающие в этой области, достаточно актуальны. Так, после расстрела «норвежским стрелком» террористом Андерсом Брейвиком 22 июля 2011 г. 77 подростков в молодежном лагере правящей Норвежской рабочей партии в журналистской среде разгорелся спор о том, стоит ли печатать в газетах интервью с этим палачом и публиковать текст его защитительной речи в

суде. Ведь прочтя эти материалы, люди могут до некоторой степени проникнуться идеями Брейвика и начать ему симпатизировать, а некоторые из них и подражать. В результате в газетах этот текст напечатан не был, однако он появился в Интернете, в том числе и в переводе на русский язык.

В данной статье нам хотелось бы обсудить не конкретные случаи манипуляции сознанием (их ежедневно и ежечасно можно в изобилии наблюдать по телевидению, радио, в Интернете), а вопросы, связанные с ценностными основаниями гуманитарных технологий вообще, а также *проблемы выбора*, в том числе и *экзистенциального*, между альтернативными гуманитарными технологиями, базирующимися на разных, порой несовместимых друг с другом ценностных установках.

Если естественнонаучные технологии просто несвободны от ценностных установок, то гуманитарные буквально пронизаны ими насквозь. Поэтому делать вид, что здесь их не существует, нельзя. Это касается и тех технологий, внедрению которых в повседневную жизнь мы внутренне противимся, а иногда и активно пресекаем его. Речь, скорее всего, следует здесь вести о борьбе между различными ценностями именно в процессе манипуляции сознанием. Другое дело, что та или иная манипуляция может не разделяться нами и даже вызывать протест и осуждение именно из-за наличия вопросов к самой аксиологической установке, питающей и формирующей ее.

Это, в частности, можно проследить на примере, описанном Б.Г.Юдиным. «В годы Второй мировой войны, – пишет он, – на китайской территории, недалеко от границы с Советским Союзом, японцы создали исследовательский центр, который они называли “Отряд 731”. Там проводились жестокие опыты над заключенными, которых доставляли в находившуюся здесь же тюрьму. Японцы называли этих заключенных “марута”, что на русский переводится как “бревна” <...> “Бревна” – не просто метафора. “Нужное” представление о заключенных буквально вбивалось в сознание тех японцев, которые приезжали работать в “Отряде 731”»². К этим людям соответственно и относились как к бревнам, то есть фактически как к неживым существам, и это давало возможность проводить над ними страшные эксперименты и откровенные издевательства физиологического характера. Однако можно ли говорить,

что в «Отряде 731» при манипуляции сознанием отсутствовала ценностная установка? Конечно, нет. Другое дело, что мы ее не разделяем, поскольку стоим на позициях гуманизма и уважения человеческого достоинства.

Приведем еще один пример, теперь из современности. Повышение управляемости российского общества – это, безусловно, вполне определенная ценностная установка, в соответствии с которой разрабатываются конкретные социально-гуманитарные технологические манипуляции общественным сознанием, в том числе и предвыборного характера. В них оказываются задействованными многие средства массовой информации и в первую очередь телевидение. Но эта конкретная установка может людьми одобряться или, наоборот, не разделяться – в зависимости от того, кто каких взглядов придерживается.

Можно констатировать, что на сегодняшний день в обществе достаточно ярко проявляется ценностный плюрализм, к которому мы пришли далеко не сразу и который по праву считается определенным социокультурным достижением человечества.

Как происходило его становление? В XVII в. в европейской науке господствовал методологический монизм, исповедовавшийся отцами-основателями науки Нового времени – Р.Декартом и Ф.Беконем. Их вера в существование единого правильного метода, способного привести нас к Истине, сейчас может вызывать только улыбку. Однако не станем забывать, что их разработки были направлены против средневековой схоластики и питались надеждами во что бы то ни стало ниспровергнуть ее методологию, как неспособную привести к открытию в мире чего-то нового и потому не имеющую никакой научной ценности. В частности Декарт боролся за то, чтобы господствовавший тогда аристотелизм был заменен его собственной концепцией, а Бекон разработал и противопоставил дедуктивной силлогистике Аристотеля свою единственно правильную (по его мнению) индуктивную логику.

Во второй половине XX в., в первую очередь под воздействием уроков Второй мировой войны, методологический монизм во всех его проявлениях начал расшатываться, и в 1960-е годы стали возникать и торить себе дорогу плюралистические концепции. Так в частности П.Фейерабенд сформулировал идею теоретического

плюрализма, основанную на зависимости эмпирических знаний от принятой теории, а данной теории – от ее языка, а позднее и идею эпистемологического анархизма. Согласно его взглядам, каждый метод имеет свою познавательную ценность, даже если он основывается не на научных взглядах.

Такое же движение от монизма к плюрализму мы можем проследить и в аксиологии. На протяжении XIX – первой половины XX в. считалось, что естественные науки совершенно свободны от каких-либо аксиологических, да и вообще философских установок. Что же касается так называемых «наук о духе», то они наоборот, базируются на неких вечных ценностях, и задача исследователя-гуманитария заключается в частности в том, чтобы тем или иным способом попытаться их «ухватить» и выразить в своих текстах. На поверку эти ценности оказывались либо христианскими, либо коренящимися в христианстве в качестве некоего независимого ядра, к которому в принципе можно редуцировать все значимые аксиологические установки. Такую позицию, основанную на идее редукционизма³, следует охарактеризовать как аксиологический фундаментализм.

Однако вопрос о единственности вечных ценностей оказался не таким простым, и сейчас аксиологический фундаментализм подвергается теоретическим нападкам со стороны философов. Дело в том, что возросло количество трудно совместимых друг с другом ценностных установок, каждая из которых претендует на фундаментальность. Теоретически идея несовместимости была продемонстрирована (по преимуществу на материале логики норм) целым рядом логиков XX в., в частности Б. Расселом в сформулированном им «парадоксе Брадобрее». Оказалось, что распоряжение, данное королем своему брадобрее: брить всех в его королевстве, кто не бреется сам, и не брить всех, кто бреется сам, является невыполнимым, ибо обе нормы одновременно не приложимы к самому брадобрее при условии, если он является подданным этого королевства. Другого рода проблемы возникали с моральным императивом «не убий!», в частности в дореволюционной России. Его действие не считалось универсальным: он не простирался на так называемых врагов Российской Империи, которые должны были, «взявши меч, от меча и погибнуть».

В связи с наличием трудно совместимых друг с другом ценностных установок, каждая из которых претендует на необходимость и всеобщность, происходит их борьба за независимую аудиторию, с целью расширить так или иначе круг своих последователей.

Приведу пример такого расширения. Как известно, в США существует масса католических университетов. Один из старейших американских университетов – Джорджтаунский – финансируется Римской-католической церковью, и в нем есть программа, которая включает в себя ценностные основания функционирования этого учебного заведения. Его работа базируется на католических ценностях. Однако студентом этого университета может стать практически любой человек независимо от того, каких ценностных установок он придерживается. Это может быть мусульманин, еврей, православный, буддист, атеист и т. д. То есть данное учебное заведение открыто не только для католиков. Однако возникает вопрос: как столь разные люди могут обучаться в одном *католическом* университете? Ответ на него чрезвычайно интересен: дело в том, что католические ценности на самом деле являются *общечеловеческими*, просто пока еще не все люди пришли к такому заключению. Именно эти вечные ценности и проповедует данное учебное заведение и помогает людям самостоятельно прийти к ним.

Вот так происходит манипуляция сознанием в современном мире. Налицо попытка объявить католические ценности общечеловеческими и распространить их на более широкую аудиторию. Такая политика РКЦ в общем-то не нова: Ватикан всегда славился своей способностью эффективно реализовывать миссионерские и экуменические проекты.

Однако любая фундаменталистская позиция дает сбой, когда встречается с другой доктриной, аксиологически несовместимой с ней и при этом также претендующей на фундаментализм. Тогда перед человеком возникает ситуация экзистенциального выбора. Приведем пример подобной ситуации. Симон Визенталь (1908–2005), известный австрийский общественный деятель, публицист, всю свою жизнь посвятивший розыску и преданию суду нацистских преступников, в своей автобиографической книге «Подсолнух» (1969) описывает случай, когда умирающий в госпитале эсэсовец просит прощения у незнакомого ему еврея за то, что во время войны в городе Днепропетровске убивал невинных людей, в том числе женщин и детей.

В тот памятный день эсэсовцы согнали триста евреев, заперли их в трехэтажном доме, облили его бензином и подожгли. «Вопли, доносившиеся из дома, были ужасны, – сказал он, переживая этот момент. – Я увидел мужчину с маленьким ребенком на руках. Одежда на нем горела. Рядом с ним стояла женщина, без сомнения, мать ребенка. Свободной рукой мужчина прикрыл глаза ребенка, потом он выпрыгнул на улицу. Секундой позже за ним последовала женщина. Потом из другого окна выпало несколько горящих тел. Мы открыли огонь... О, Боже!»⁴ Без прощения, произнесенного устами бывшего узника-еврея, этот палач не мог спокойно уйти из жизни. Перед главным героем стояла труднейшая дилемма: простить раскаявшегося в своих деяниях фашиста или нет. Он выбрал последнее и молча ушел из его палаты. При этом он прекрасно понимал, что нацист сам стал объектом манипуляции со стороны гуманитарных технологий по «промыванию мозгов», применявшихся в Германии в тридцатые годы прошлого века.

Спустя тридцать лет Визенталь направил описание этого случая христианским и еврейским ученым и спросил: «Был ли я прав, не простив нациста?». В задачи данной статьи не входит детальный разбор возникшей по этому поводу дискуссии. Однако заметим, что решение предложенной дилеммы будет различаться в зависимости от принятия той или иной ценностной установки. Еврей скорее всего ответит преступнику, что морального права на прощение убийцы детей у него нет. Христианин сделает по-другому. Он скорее всего скажет, что простить эсэсовца надо, даже если после этого он выздоровеет и опять займется тем же. И так прощать ему следует «до семижды семидесяти раз». Нацист поступит по-иному. Он, безусловно, осудит такое проявление слабости человеческого духа, которое демонстрирует умирающий немецкий солдат. Самый сложный вопрос – какая из этих позиций правильная? Еще менее ясно, какому человеку можно доверить этот вопрос решать. Ведь каждый является носителем определенной морали, и свою мораль и право он впитывает и усваивает с молоком матери.

Сложность решения данного вопроса имеет свои философские причины. Резкие изменения в методологии науки, произошедшие во второй половине XX в., в первую очередь благодаря трудам К.Р.Поппера, привели философов к мысли о том, что в науке факты и теории не противопоставлены друг другу дихотомически. Факты

являются теоретически нагруженными, то есть зависят от теоретических установок. Об этом мы уже писали. Однако идея аксиологического плюрализма приводит нас к мысли, что факты несут на себе также и ценностную нагрузку. Они не существуют обособленно. В этом смысле люди с разными ценностными установками не только по-разному видят и понимают мир, но и по-своему строят свои жизненные стратегии и потому по-иному используют гуманитарные технологии. В этом смысле иудей, христианин и фашист – люди, живущие на одной планете, но как бы в разных мирах.

В связи с этим возникает еще один вопрос – о пределах аксиологического плюрализма, о границах его допустимости. Ибо вряд ли можно признать в современном обществе допустимыми ценностные установки человеконенавистнического или расистского типа, характерные в свое время для фашистской Германии. Но следует констатировать, что они всё равно исподволь существуют, пусть и в измененном неонацистском виде, и более того, фактически формируют свои собственные границы допустимости⁵. Поэтому общепризнанных границ здесь также нет. Каждая аксиологическая система формулирует свои запреты. Более того, любая гуманитарная технология и стоящая за ней ценностная установка рискует подвергнуться нападкам, беспощадному осуждению и даже ликвидации со стороны носителей других, альтернативных ценностей, в том числе и самых экзотических. И если в милитаристской Японии считалось допустимым относиться к живым людям как к неодушевленным предметам, то сейчас такая практика признается преступной со стороны подавляющего большинства людей, исповедующих гуманизм, и карается уголовной ответственностью.

На наш взгляд, именно идея социальной ответственности может сыграть роль своеобразного фильтра, ограничивающего воздействие и распространение посредством современных гуманитарных технологий вредных для общества в целом идей, а также аксиологических установок. Перейдем к ее рассмотрению.

Проблема социальной ответственности разработчиков и пользователей гуманитарных технологий в первую очередь должна рассматриваться как проблема социальной защиты тех людей, кто данные ценностные установки не разделяет и противится их внедрению, а также тех, кому они безразличны. Эта ответственность обязательно должна найти выражение в виде морального и право-

вого нейтралитета, поощрения или осуждения со стороны государства и общества в целом. Таким образом, принять на себя социальную ответственность за то или иное деяние – значит выставить себя на суд общественности.

В связи с этим следует заметить, что в зависимости от наличия или отсутствия в данный момент результатов человеческих деяний социальную ответственность можно разделить на три типа. С первым мы имеем дело, когда последствия тех или иных действий, как и они сами, находятся в прошлом. Они обществу известны, именно поэтому такие деяния нами могут быть оценены, а сами деятели привлечены к ответу беспристрастным «судом истории». Обычно такие оценки более или менее однозначны, хотя со временем они и могут меняться. Так, последний русский царь Николай II безусловно ответственен за события, произошедшие у нас в стране в октябре 1917 года, и их последствия. Однако его отречение от престола исторически оценивалось по-разному, иногда как положительное явление, иногда как отрицательное. То же касается и ответственности при использовании гуманитарных технологий в далеком (и не очень) прошлом: вспомним всё ту же фашистскую Германию или милитаристскую Японию. В России конца XIX в. распространение народнических гуманитарных технологий вылилось в конце концов в создание марксистских образовательных кружков для рабочих, где тщательно штудировались труды К.Маркса, в первую очередь «Капитал». К чему это в дальнейшем привело страну, мы знаем.

Со вторым типом ответственности мы имеем дело, когда последствия деяний находятся в настоящем времени и затрагивают в первую очередь ныне живущих людей, а иногда и ближайших потомков. В качестве примера правового привлечения к ответственности можно назвать деятельность судов по вынесению оправдательных и обвинительных заключений.

В области гуманитарных технологий социальная ответственность за результаты их воздействия, безусловно, наступает, однако оценивается она обществом гораздо менее однозначно, чем в первом случае. Вспомним здесь, например, использование телевидения и Интернета, а также митингов и уличных шествий для манипуляции сознанием во время недавних выборов в Государственную думу РФ и Президента России с целью получения вполне конкретного результата.

Наконец, с третьим типом ответственности мы сталкиваемся в тех случаях, когда результат деяний неизвестен, поскольку проявится он лишь в ближайшем, а иногда и обозримом будущем. Это наиболее сложный тип социальной ответственности – перед потомками. В таких случаях, на наш взгляд, манипуляции сознанием должны производиться чрезвычайно взвешенно. Например, это касается вопросов о безвредности потребления продуктов, содержащих ГМО, о допустимости альтернативных способов репродукции человека и практики активной эвтаназии. Сюда же относятся проблемы изменения климата в связи с ростом выбросов углекислого газа в атмосферу, гонки вооружений, освоения космоса, ограничения рождаемости и т. д. Это, безусловно, касается и тех гуманитарных технологий, которые порождают в нашем обществе, особенно в молодежной среде, так называемое «клиповое сознание». Речь здесь идет о телевидении, Интернете и рекламе. Оно чрезвычайно опасно, поскольку способно привести к последствиям, которые через несколько десятилетий могут оказаться катастрофическими для России.

Третий тип социальной ответственности доминирует над первыми двумя. Именно забота о здоровье и социальном благополучии будущих поколений должна ставиться во главу угла при принятии обществом на вооружение той или иной концепции социальной ответственности. К числу такого типа «заградительных» аксиологических оснований относится в частности гуманизм, поскольку на сегодняшний день он в состоянии поставить эффективные преграды для развития деструктивных процессов применительно к человеку, природе и устоявшимся социальным связям. Однако существуют и другие подходы, которые по параметрам «создания эффективных преград» способны конкурировать с гуманизмом, а в некоторых случаях, возможно, и превосходить его. Такой чисто прагматический подход к выбору концепции устраняет необходимость ее фундаментализации в сознании людей и оставляет возможности для корректировки и даже смены.

Упомянем здесь лишь о двух подобных конкурирующих подходах, оппозиционных гуманизму и альтернативных друг другу. Во-первых, это сциентистского характера концепция *трансгуманизма*, широко рекламируемая ныне в целом ряде СМИ и представленная в России деятельностью Российского транс-

гуманистического движения. «Трансгуманизм – это рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека»⁶. Согласно трансгуманизму, современная геронтология, нано- и биотехнологии позволят людям жить неограниченно долго. С помощью новых технологий, в частности, технологии искусственного интеллекта, люди кардинально усилят свои интеллектуальные и физические возможности. Молекулярная нанотехнология сделает возможным создание избытка ресурсов для каждого человека⁷. Достижения в области крионики будут способствовать возвращению к жизни давно умерших людей и не только их.

Таким образом, благодаря развитию современных технологий человечество в его современном биологическом понимании прекратит свое существование, а вместе с ним и гуманизм, объявляющий человека высшей и непреходящей ценностью.

В качестве альтернативы трансгуманизму выступают различного рода *натуралистические концепции*, подчеркивающие в качестве приоритетной задачу сохранения человека как биологического вида, необходимость внедрения в нашу жизнь биологических механизмов защиты генофонда, в первую очередь «естественного отбора», которые давным-давно уже не работают. В противном случае человечество неминуемо ждет генетическое вырождение. В качестве аргумента против гуманизма сторонники натурализма выдвигают тезис о том, что нигде в животном мире интересы индивида не ставятся выше интересов вида: биологически неприспособленные особи фактически лишаются права на пищу, производство потомства и вымирают.

На наш взгляд, гуманистические ценности еще не исчерпали своего потенциала, однако современные вызовы человечеству как биологическому виду, безусловно, требуют детального обсуждения и изучения.

В заключение отметим, что единственным способом противостояния аксиологическому фундаментализму и попыткам манипулировать сознанием человека с помощью современных изоцирен-

ных гуманитарных технологий является образование и сознательная выработка личной точки зрения, собственных ценностных оснований, базирующаяся на социальной ответственности перед ныне живущими людьми и потомками.

Примечания

- ¹ Современные гуманитарные технологии воздействуют на человека не только с помощью письменных текстов, но и с помощью речей, аудиовизуальных образов и т. д.
- ² Социально-гуманитарные технологии: ресурсы человеческого развития или объекты манипуляции? СПб., 2011. С. 16–17.
- ³ Критику идеи редукционизма см., напр., в: *Борзенков В.Г.* Единая наука о человеке: за пределами редукционизма // *Человек.* 2011. № 2.
- ⁴ *Визенталь С.* Подсолнух. М., 2001.
- ⁵ Примером тому служит упоминавшаяся речь А.Брейвика. См.: URL: <http://pavel-slob.livejournal.com/515445.html>.
- ⁶ URL: <http://www.transhumanism-russia.ru>.
- ⁷ См.: там же.

Интернет как пространство выбора человека

Сегодня количество пользователей Интернета растет почти в геометрической прогрессии. Можно, не отходя от персонального компьютера, дома или на работе получить практически любую информацию, почитать художественную или научную литературу, выяснить любой вопрос, начиная от глобальных – смысла жизни или озоновых дыр, заканчивая поиском нужного тебе товара. В Интернете есть сайты практически любых тематик, их становится все больше. Интернет решает вопросы поиска людей – одноклассников и дальних родственников, знакомств по интересам, друзей, специалистов в разных областях и т. п. В Интернете представлены разнообразные программы как для общеобразовательной школы, так и для высших учебных заведений, как вспомогательные, так и целых курсов. Причем во многих случаях это авторские программы учителей и преподавателей вузов.

Пожалуй, в современном мире не найдешь сферы человеческой деятельности, в которой не используются информационные технологии (ИТ) вообще и Интернет в частности. Даже простое перечисление разного рода приложений информационных технологий в сетевом пространстве может занять довольно продолжительное время, поэтому назовем наиболее общие из них. Это:

- информационная деятельность, связанная с процессами получения, преобразования, накопления и передачи информации;
- разнообразная профессиональная деятельность, от учета и управления до конструирования и дизайна;

- обучение, начиная с программ для дошкольного возраста и кончая разнообразными курсами не только повышения профессионализма, но и овладения мастерством, например, рисунка или игры на гитаре, развития креативности у взрослых людей часто вполне зрелого возраста;

- игровая деятельность от «ходилок» и «стрелялок» до ролевых игр и сложных экономических симуляторов;

- досуг и развлечения: новости, музыка, фотографии, фильмы и т. п.;

- общение, индивидуальное (электронная почта, скайп) и групповое (чаты, форумы, социальные сети и т. п.);

- самореализация в самом широком смысле, от выставок фото-, кино- и музыкальной продукции, ведения блогов, самовыражения в социальных сетях и до специальных литературных сайтов (<http://www.poezia.ru/>, <http://www.proza.ru>), на которые авторы могут выставить свои произведения.

Анализ интернет-технологий показывает, что одни и те же их свойства несут в себе как достоинства, так и недостатки. Например, поистине неограниченный доступ к любой информации часто оборачивается ее низким качеством, недостоверностью, а то и ложностью, а возможность «выкладывать» в Интернете самые разные продукты может использоваться в целях манипулирования человеком. Наряду с развивающими, широко представлены игры, вызывающие зависимость.

Особенностью этих технологий является то, что многие из них адресованы непосредственно пользователю-потребителю. В Интернете можно встретить рекомендации по использованию информационных, финансовых, политических, психологических, оздоровительных, кадровых, образовательных, мобильных, креативных и других разнообразных технологий, благая цель которых – расширение возможностей человека, совершенствование его деятельности, создание комфортных условий жизни. Например, информационные технологии в образовании создают справочный и программный ресурс по предмету для широкого круга пользователей, в том числе для дистанционного обучения. Характерно то, что пользователь – как преподаватель, так и студент – сегодня имеет возможность выбрать среди массы разнообразных предложений как технологии для своего профессионального развития, так и для

образования, самосовершенствования. Однако эта свобода выбора оборачивается опасностью столкнуться с низкой квалификацией разработчиков курса или образовательной технологии, что может привести к снижению эффективности обучения, напрасно затраченному времени, а то и к вредным последствиям для здоровья и развития. Информационные технологии, включая Интернет, применяются сегодня практически во всех сферах профессиональной деятельности. Часто человек оказывается единственным экспертом и самостоятельно оценивает достоинства и недостатки той или иной технологии и делает выбор.

Таким образом, важным представляется анализ как самого процесса выбора с психологической точки зрения, так и его особенностей в интернет-среде. Актуальность проблемы не вызывает сомнений, и психологические исследования этой темы представлены в достаточно широком диапазоне¹: от сведения выбора к частному случаю «принятия решения», представления его как синонима когнитивного диссонанса, состояния, отношения и, наконец, как деятельности. Остановлюсь более подробно на последнем, так как рассматриваю деятельностный подход как вполне продуктивную методологию для анализа самых разнообразных феноменов человеческого поведения.

Д.А.Леонтьев и Н.В.Пилипко приводит три разновидности выбора. *Простой*, когда в ситуации даны имеющиеся альтернативы и критерии их сравнения. Задача сводится к определению оптимального пути осуществления деятельности, направленной на достижение некоторого результата. Такая трактовка совпадает с пониманием выбора в теориях принятия решения. Более сложной разновидностью авторы считают тот случай, когда критерии для сравнения альтернатив не даны изначально и человеку самому предстоит их конструировать. Примеры – выбор профессии, супруга, товара и др. «Субъект должен найти общие основания для сопоставления качественно разных альтернатив и сформулировать критерии оценки разных альтернатив, по отношению к которым альтернативы приобретают тот или иной смысл»². Это – *смысловой*, в который помимо мыслительных процессов вовлекается личность, ее структуры. И, наконец, *личностный выбор*, когда нет не только критериев для сравнения, но и самих альтернатив. Они строятся самим субъектом с учетом его представлений о своих ка-

чествах, возможностях и перспективах будущего. Д.А.Леонтьев назвал такой выбор *экзистенциальным*, при котором человек выбирает не столько что-то внешнее, сколько внутреннее – разные возможные варианты развития своего Я, например, самореализацию в той или иной сфере жизни. А.Маслоу³ считает, что одной из основных черт, присущих самоактуализации, является постоянный процесс выбора: продвижение или отступление. Он состоит из многократных отдельных актов выбора: лгать или оставаться честным, предать или не предать. Кроме того, для самоактуализации необходимы ответственность и независимость в выборе и принятии решения. Это не обязательно совершение чего-то из ряда вон выходящего; это может быть, например, прохождение через трудный период подготовки к реализации своих способностей. Ссылаясь на исследования по изучению целенаправленного поведения, Н.В.Носкова считает, что свободный выбор обозначен как наиболее рациональная индивидуальная стратегия в ситуации неопределенности. «Свободный выбор, – пишет автор, – происходит в условиях, которые отвечают двум основным требованиям: обеспечивают внутренние личностные предпосылки для построения новых альтернатив выбора (обеспеченность индивида потребностями, ценностями, логиками и ресурсами, готовность к наибольшему числу вариантов событий) и обеспечивают внутренние личностные предпосылки для осуществления любой выбранной альтернативы»⁴. Итак, выбор – разрешение неопределенности в деятельности человека в условиях множественности альтернатив путем принятия на себя ответственности за реализацию одной из имеющихся возможностей.

Анализ выбора как деятельности, по мнению Д.А.Леонтьева, показывает, что она может быть достаточно сложной, иметь свою операционную структуру, свои цели, может сворачиваться в случае простого выбора и разворачиваться, строиться каждый раз заново в случае смыслового и личностного. Кроме того, автор подчеркивает важность момента перехода от уже принятого решения к началу его реализации, суть которого состоит в акте внутреннего принятия на себя ответственности за осуществление выбора, в том числе и за те риски, которые несет в себе его реализация. Ссылаясь на американского психолога А.Мадди, Д.А.Леонтьев считает, что разные люди по своему психологиче-

скому складу могут быть склонны к выбору либо прошлого, неизменности, статус-кво, либо будущего, неизвестности. Последний расширяет возможности найти смысл, а первый их ограничивает. В качестве примера автор приводит результаты экспериментального исследования, в котором отчетливо видно из статистических данных, что люди, по своим психологическим характеристикам выбирающие неизменность, сближаются с теми, кто делает свой выбор формально, без осознания и осмысления. В то же время те, кто выбирает неизвестность (будущее), значимо отличаются по большинству проанализированных параметров и от тех, и от других. Результаты исследования говорят «о двух типах выбора – активном, автономном, субъективированном выборе, опирающемся на внутренние, субъективные критерии, работу сознания и принятие личной ответственности и неизбежной непредсказуемости последствий, и пассивном, объективированном выборе, стремящемся минимизировать изменения статус-кво и переложить ответственность за решение на внешние “подсказки” и выработанные стереотипы реагирования»⁵. Кроме того, в этом исследовании было показано, что люди, осуществляющие выбор неизвестности, будущего, более активно участвуют в том, что происходит в жизни, считают, что они могут контролировать события и их последствия и готовы учиться на собственных ошибках и извлекать из этого позитивный опыт. В отличие от них люди, делающие выбор в пользу неизменности, т. е. выбор прошлого, и безличный выбор, по сути отказываясь от осуществления осознанного, менее вовлечены в процесс своей жизни, считая её неподконтрольной их усилиям, и стремятся к простому комфорту и безопасности, тяжелее воспринимая неудачи. Сравнение их личностных особенностей показало значительные отличия группы выбравших неизвестность: это более высокая осмысленность жизни, толерантность к неопределенности, автономия, жизнестойкость, оптимизм и самоэффективность. Как минимум три (толерантность к неопределенности, автономия и самоэффективность как вера в эффективность собственных действий и ожидание успеха от их реализации) из перечисленных личностных качеств совпадают с необходимыми качествами творческой (креативной) личности⁶. Само понятие «творчество» рассматривается в современной научной литературе⁷ в более широком, чем

прежде, смысле: как способность человека гибко относиться к самой своей жизни, находить альтернативные варианты решений проблем, делать самостоятельный выбор и добиваться успеха в реализации своих идей. По мнению В.Н.Дружинина, «креативность является свойством, которое актуализируется лишь тогда, когда это позволяет окружающая среда»⁸. Он считает, что такая среда обладает высокой степенью неопределенности и потенциальной многовариантностью (богатством возможностей). Неопределенность стимулирует поиск собственных ориентиров, а не принятие готовых; многовариантность обеспечивает возможность их нахождения. Можно предположить, что в современном мире именно Интернет становится для многих такой средой, поскольку обладает указанными свойствами. Он предоставляет возможности для выбора в самом широком диапазоне деятельности человека. Исследователи отмечают, что «виртуальная среда становится реальной сферой деятельности, важной частью жизни индивида, меняя многое в самом человеке – стиль, образ жизни, привычки, круг интересов и общения»⁹. Следует отметить, что этот процесс взаимозависимый. Люди с определенными качествами личности выбирают сеть в качестве информационной, образовательной, профессиональной и т. п. среды, рассматривая её в том числе и как пространство для самореализации. В то же время эти люди сами и формируют такую среду своими вкладами, комментариями, оценками, предпочтениями и рекомендациями. Конечно, я далека от мысли, что Интернет является панацеей и с его помощью можно решить все проблемы интеллектуального, личностного, социального развития человека, а также, что сеть является единственной средой, которая способствует развитию его креативности. Можно говорить и о негативном влиянии Интернета на физическое (например, нарушения зрения, осанки, гиподинамия и т. п.) и психическое здоровье (компьютерная и интернет-зависимость, сдвиги в эмоциональной сфере, подверженность стрессам и депрессиям); на личностное и социальное развитие (возможное изменение мотивации, формирование преимущественно внешнего локус-контроля, инверсии межличностного взаимодействия и социализации, искажение образа-Я, изменение ценностных ориентаций); на социальную сферу (межпоколенческие конфликты, различия в доступности этих технологий

по материальным причинам), качество обучения и т. п. Однако Интернет – это среда информационная, социальная, коммуникативная, профессиональная, среда досуга, обучения. И, как любая среда жизнедеятельности человека, она может способствовать его развитию, а может препятствовать. Информационная среда сегодняшней России: телевидение, печатные СМИ (за редким исключением), их бесконечный глянец, сплетни и ложная информация, включенные и в значительную часть Интернета, – явно не способствует развитию личности с выраженной способностью к осмысленному свободному выбору. Но сеть все-таки отличается альтернативностью, многовариантностью и неопределенностью. Может быть, именно поэтому многие выбирают Интернет, отказываясь от ТВ и печатных СМИ. Некоторые исследователи полагают, что «Интернет выступает в качестве виртуальной экспериментальной творческой лаборатории, в которой человек конструирует себя, получая возможность побыть кем-то другим, раскрывая свои качества, способности, не востребуемые в реальной жизни»¹⁰.

Интернет сегодня – это не только информация, библиотеки, электронная почта, в нем складывается сообщество пользователей сети, которое не только следует в своем поведении определенным правилам и законам виртуального пространства, оно формирует свои новые нормы и свойства поведения. М.Эпштейн в интервью «Русскому журналу» так характеризует поведение и психологию человека в Интернете: «Опыт обитателей Сети ризоматичен¹¹, нелинеен и децентрирован. Мысль одного непосредственно передается многим и вызывает прямые отзывы, комментарии, которые разбегаются вширь, как грибница, захватывая все новых сомышленников. Поэтому мы наблюдаем не просто протестные политические движения, а столкновение двух типов социальной организации. Той, которая родилась в старых чиновно-бюрократических системах во всем мире, с администрированием, центральным стволом государства, вертикалью власти, – и новой ментальностью сетевого общения, непосредственной демократии, точнее, **нетократии**. В широком смысле мы наблюдаем в России и мире переход от дискретности к континуальности. Досетевое общество движется прерывистыми импульсами. Газеты выходят раз в день, заседания правительства происходят раз в

неделю, Дума и президент избираются раз в 4–6 лет... Интернет формирует другую технику и психологию взаимодействия с реальностью – континуальную. Процесс репрезентации в Интернете непрерывен – все постоянно меняется, как в живом мыслящем мозге. Как только что-то рождается в человеческом сознании, оно тут же становится достоянием всех»¹².

Каждый раз, попадая в сеть, человек делает свой простой, смысловой, а часто и личностный выбор. То есть Интернет можно рассматривать как площадку, где происходит отработка навыков выбора, которых в силу исторических причин не могло сформироваться у большинства людей русскоязычной культуры. Наиболее простой – это выбор определенного товара или услуги, предоставляемых в интернет-магазинах и на соответствующих сайтах. В этом случае человек заранее знает, что в принципе ему надо. Альтернативы во множестве представлены. Заданы и критерии сравнения по качеству, стоимости, бренду и т. п. Задача сводится к рациональной оценке и вычислению оптимальной альтернативы через сопоставление с обозначенным критерием.

В качестве примера смыслового выбора можно привести данные сравнения реальных и виртуальных результатов голосования за Президента РФ¹³.

		Официальные итоги выборов Президента России 2012 г., (%)	Результаты голосования на сайте izbirkom2012.ru, (%)	Результаты голосования на сайте «Правда о Путине» ¹⁴ , (%)
1.	Путин Владимир Владимирович	63,60	15,3	15,0
2.	Зюганов Геннадий Андреевич	17,18	16,8	33,0
3.	Прохоров Михаил Дмитриевич	7,98	12,07	28,0
4.	Жириновский Владимир Вольфович	6,22	12	9,0

5.	Миронов Сергей Михайлович	3,85	12,8	3,0
6.	Другой кандидат		31,03	
7.	Против всех			9,0

Результаты говорят сами себя. Там, где это было возможно, пользователи сети выбирают новизну – **другой**, неизвестный кандидат набрал почти треть голосов. На сайте «Правда о Путине» **новый** политик Михаил Прохоров уступил только Геннадию Зюганову, старейшему политику, возможно, потому, что на этом сайте с достаточной полнотой представлены антипутинские материалы, а лидер КПРФ до сих пор для многих олицетворяет оплот оппозиции.

Наконец, выбор экзистенциальный, личностный, в котором со всей полнотой человек раскрывает свое Я. Здесь можно говорить о выборе партнеров, форм и способов общения, видов и форм профессиональной деятельности и самореализации. Например, так называемое фри-лансерство предоставляет возможности выбрать работу по такому широкому спектру специальностей, как менеджмент, разработка сайтов, дизайн, архитектура/интерьер, разработка игр, переводы, программирование, обучение. Это далеко не полный перечень сфер профессиональной деятельности, которые охватывает такой формат отношений работодателей и возможных работников. Есть каталог работодателей и фри-лансеров. И те, и другие осуществляют свободный выбор друг друга, часто руководствуясь собственными критериями и основываясь на личных оценках. В то же время на сайте <http://www.free-lance.ru> можно ознакомиться как с образцами работ (например, портфолио для дизайнеров), так и с отзывами и рекомендациями тех, кто уже пользовался услугами конкретных исполнителей. Например, такую рекомендацию получила дизайнер сайтов, фри-лансер Анастасия¹⁵: «Заказали дизайн в новом виде для магазина Russian-samovar.ru. Работа была выполнена точно в срок, хочу отметить высокую коммуникабельность в работе и оперативность связи, креативный подход. Планируем продолжать совместную работу по другим проектам...»

Это не просто поиск работы – это выбор другого, нового формата практически бесконтактных (т. е. безличных) взаимоотношений работодателя и работника, которые предпочитают обходиться

без подключения к своим отношениям громоздкого бюрократического аппарата, а используют тот организационный ресурс, который предоставляет им сайт. Однако возможен и выбор вполне традиционного способа – заключения договора. Важно то, что здесь представлено множество альтернатив как для выбора самой профессии (иногда люди пробуют себя во фри-лансерстве совсем в другой области), субъектов производственных отношений, так и самого формата профессиональной деятельности.

Как было сказано выше, Интернет предоставляет возможности выбора в сфере как общения, так и самовыражения. Мотивация пребывания в сети может быть разной. В работе О.Н.Арестовой, Л.Н.Бабанина, А.Е.Войсунского¹⁶ выделено несколько видов мотивов, в том числе коммуникативных (26 %) и самореализации (52 % респондентов). Результаты этого исследования показали, что пользователи, отмечающие наличие такой мотивации, рассматривают Интернет как способ проявления и развития собственных интеллектуальных и творческих возможностей. Главное, как уже было сказано, – высказаться, и получить отклик, комментарий, т. е. обратную связь. Опыт самовыражения в Интернете помогает человеку откорректировать себя в реальности, т. е. виртуальная самореализация в какой-то степени способствует таковой в действительности. Интересным явлением в этом плане в жизни Интернета являются блоги – сетевые дневники с комментариями, а также социальные сети.

Причем если чаты и форумы строятся по типу диалога: заявление, вопрос, ответ, реплика, комментарий, то социальные сети Livejournal, а также Liveinternet.ru ориентированы на дневниковую форму с большей долей самовыражения. Сетевой дневник делает жизнь человека публичной и позволяет ему обращаться к потенциально неограниченной аудитории. Это превосходная возможность рассказать о своей жизни и выразить себя, причем не только посредством текста. Когда людям начинает не хватать слов для рассказа о своей жизни, они осваивают другие способы самовыражения, в том числе аудиовизуальные. В сети можно «выкладывать» фотографии, рисунки, музыку, научные статьи, литературные произведения и другие творческие продукты. В условиях ограниченных возможностей представить их другим людям в реальной жизни выбор Интернета как площадки для са-

морализации представляется важной альтернативой, сформированной самими его пользователями. Так, например, на сайте **Проза.ру** опубликовано более 2,5 млн, а на сайте **Поэзия.ру** – около 50 тысяч произведений, многие из которых обсуждаются, комментируются и рецензируются.

Интересен выбор человеком типа социальной сети, в которую он включен. В Интернете сосуществуют тысячи социальных сервисов, связанных с самыми разными сферами жизни человека. На первом месте в рейтинге таких сетей находится Вконтакте.ру. Социальная сеть Вконтакте.ру является аналогом крупнейшей сети *Facebook* и входит в число самых масштабных и посещаемых социальных сервисов в СНГ, аудитория которого представлена всеми возрастными группами пользователей Интернета: как сообщает агентство TNS Gallup, 60 % посетителей Вконтакте старше 25 лет. Эта сеть имеет более 25,5 млн уникальных посетителей в сутки, при этом 2,5 млрд страниц открываются ежедневно. На данный момент это не только быстрый и современный метод общения, но и платформа для поиска единомышленников через группы, организации встреч, прослушивания музыки, просмотра видео, раскрутки бизнеса, музыкальных групп, размещения объявлений и рекламы, а также для игр и еще множества возможностей, предоставляемых в 6 500 приложениях Вконтакте¹⁷. Создатель Facebook Марк Цукерберг пишет, что этот проект был сделан, «чтобы достичь социальной цели – сделать мир более открытым и усилить связи между людьми... Сегодня наше общество достигло очередного переломного момента. Мы живем во время, когда большинство людей в мире имеют доступ к Интернету или владеют мобильным телефоном – основными инструментами, необходимыми для того, чтобы делиться с кем угодно тем, что люди думают, чувствуют или видят. Facebook стремится к тому, чтобы создать сервисы, которые дают людям возможность делиться всем, чем они считают нужным поделиться друг с другом, и помогают им в свою очередь трансформировать многие институты и индустрии»¹⁸. Здесь нет пресловутой анонимности, которой так озабочены противники интернетизации. Facebook дает возможность создать профиль с фотографией и информацией о себе, приглашать друзей – вполне конкретных людей, обмениваться с ними сообщениями, оставлять комментарии, рекомендовать те или иные публикации, ссылки на

свои и чужие произведения, оставлять сообщения на своей и чужой «стенах», «выставлять» фотографии и видеозаписи, создавать сообщества по интересам. Facebook предлагает множество функций, с помощью которых пользователи могут взаимодействовать между собой. И, наконец, последнее: во многом благодаря этой сети люди организовались в виртуальности и вышли на митинги в реальности. Это вполне осознанный и свободный выбор.

В данной статье приведены лишь некоторые примеры осуществления выбора в интернет-среде. Они относятся к возможностям взрослых людей, обладающих определенными психологическими особенностями и личностными качествами. Так, остались за рамками анализа, например, следующие проблемы: выбор в Интернете и психология возрастного развития человека, ребенок и подросток в интернет-среде, обучающие, развивающие игры, программы и их влияние на личностное развитие и формирование навыков выбора, которые требуют отдельного изучения.

В заключение подведем некоторые итоги:

– Интернет – это среда информационная, социальная, коммуникативная, профессиональная, среда досуга, обучения, которая требует не только адаптации, но также дает новые возможности и средства развития человека, так как, воздействуя на него, влияет на развитие его личности, ее ценностную структуру, так или иначе формирует его поведение;

– виртуальная среда Интернета обладает высокой степенью неопределенности, потенциальной многовариантностью (богатством возможностей) и альтернативностью, т. е. теми свойствами, которые способствуют формированию навыков свободного осознанного выбора и развитию креативности;

– однако от самого человека, его психических свойств и личностных качеств, которые развиваются и формируются не только в среде Интернета, зависит, раскроет ли он с помощью новых технологий свои возможности, реализует ли свои способности (люди с определенными качествами личности выбирают сеть в качестве пространства для самореализации) или окажется под властью виртуальной зависимости;

– интернет-среда становится феноменом культуры и неотъемлемым атрибутом социальных, экономических и производственных отношений. Это новая реальность, которую человеку необходимо

осваивать, поскольку теми или иными сторонами она становится включенной в его повседневную жизнь. И в этом освоении перед человеком встает проблема выбора – прогноза, выявления и минимизации факторов риска, которые несет в себе эта новая реальность.

Примечания

- ¹ См. напр. *Носкова Н.В.* Проблема выбора и психология возрастного развития человека // Вестн. ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2008. Вып. 3(10).
- ² *Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В.* Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования (<http://hpsy.ru/authors/x065.htm>).
- ³ *Maslow A.* Self-actualizing and Beyond (<http://talentdevelop.com/articlelive/articles/689/1/Self-Actualizing-and-Beyond/Page1.html>).
- ⁴ *Носкова Н. В.* Проблема выбора и психология возрастного развития человека. С. 62.
- ⁵ *Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю.* Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2005. № 4. С. 37–42.
- ⁶ *Davis C.A.* Portrait of the Creative Person. The Education Forum Volume. 1995. Vol. 59–4; *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. СПб., 2000, С. 175.
- ⁷ *Штернберг Р.* Интеллект, приносящий успех. М., 2000.
- ⁸ *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. С. 219.
- ⁹ *Данилова М.А.* Интернет-социализация студенческой молодежи (<http://www.dissercat.com/content/internet-sotsializatsiya-studencheskoi-molodezhi>).
- ¹⁰ *Водянова Н.В.* Самореализация личности в пространстве интернета в контексте коммуникативной антропологии // Вестн. Челябин. Гос. ун-та. 2009. № 11(149). Философия. Социология. Культурология. Вып. 11. С. 61 (<http://www.lib.csu.ru/vch/149/008.pdf>).
- ¹¹ Ризома – данный термин был заимствован Жилем Делезом и Феликсом Гваттари из ботаники, где он означал определенное строение корневой системы, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих, непредсказуемых в своем развитии побегов.
- ¹² *М.Эпштейн.* Куда мы идем? Язык. Общество. Наука // Русский журнал (<http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Kuda-my-idem-Yazyk.-Obschestvo.-Nauka>).
- ¹³ Протокол об итогах голосования на выборах Президента Российской Федерации 2012 года (http://www.cikrf.ru/news/cec/2012/03/07/zased_112.html); Последнее обновление: 01.03.2012 21:17, Сайт «Правда о Путине» <http://pravdaoputine.ru/golosovanie/internet-opros-golosovanie-na-vyborah-prezidenta-rossii-4-marta-2012-mnenie>).
- ¹⁴ Всего проголосовало: 15 539. Начало голосования на сайте – 10:37 московского времени, суббота, 28 января 2012 г. Окончание голосования и снятие с публикации на сайте – вторник, 28 февраля 2012 г. (ввиду пункта 3 статьи 47

Федерального Закона от 10 января 2003 г. N 19-ФЗ «О выборах президента Российской Федерации»). Восстановление публикации на сайте – понедельник, 5 марта 2012 г.

- 15 Free-lance.ru (<http://www.free-lance.ru/users/nid/opinions/?from=sbr&sort=1&f=2&stamp=43185>).
- 16 *Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Мотивация пользователей интернета (<http://www.hr-portal.ru/article/arestova-onbabanin-ln-boiskunskii-ae-motivatsiya-polzovatelei-interneta>).
- 17 Социальные сети от А до Я: путеводитель по социальным сетям интернета (<http://www.social-networking.ru/soccat/%D0%B2%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%83>).
- 18 Марк Цукерберг рассказал о миссии Facebook, предстоящем IPO и «Пути хакера» (http://polit.ru/news/2012/02/03/jamp_Facebook).

Аннотации

***Игорь Михайлов.* Методологический выбор между субстанциализмом и функционализмом**

В статье рассматриваются основания методологического выбора между субстанциализмом и функционализмом в философии сознания и выясняется, чем гипотеза «искусственного интеллекта» может помочь в этом выборе. Распространённый в англоязычной литературе метод мысленного эксперимента позволяет автору сформулировать и защитить концепцию коммуникативного функционализма в философской рефлексии сознания и его функций.

Ключевые слова: субстанциализм, функционализм, искусственный интеллект, философия сознания, мозг, коммуникация

***Елена Ярославцева.* Выбор как поиск синергичного результата**

Столь сложное явление, как человеческая деятельность имеет один очень важный признак: человеку всегда приходится выбирать, даже если это им не осознается. В онтологических глубинах биосистем все пронизано синергичными процессами, необходимостью их согласования, что дает возможность организму существовать как целостность. Выходя в социальное измерение, наращивая в аутопоэтическом развитии свою сложность, человек продолжает жить по этой же природной логике. Он постоянно выбирает, приобретает и реализует потенции своей свободы, – этот процесс и рассматривается в данной статье.

Ключевые слова: выбор, потенции свободы, биосистема, аутопоэзис, человек, синергия

***Юрий Резник.* Человек и время: проблема жизненного выбора**

В жизни человека происходят события, которые по мере их осознания и интерпретации становятся опорными точками его жизненного выбора, состоящего из образов будущего, перспективных решений и моделей их реализации. Время жизни каждого человека не совпадает с его физическим временем, а представляет собой сложное переплетение индивидуального и социального, субъективного и объективного, идеального и реального векторов времени. Выбор осуществляется из вариантов идеального плана и путем конструирования оптимального для человека или возможного в данных условиях будущего. В индивидуальном плане время жизни человека представлено в двух аспектах: субъективном (как индивидуальная траектория жизни – жизненный путь) и интересубъективном (как способ осознания совместности человеческого существования – жизненный мир). В социальном плане жизненный выбор человека

определяется представлениями о времени, которые вырабатываются коллективными субъектами: поколенческими, профессиональными и иными общностями. В зависимости от характера отношения к своему времени его субъекты подразделяются на три типа: не-деятели, эго-деятели и эко-деятели. Они руководствуются соответственно стратегиями благополучия, успеха и самореализации.

Ключевые слова: человек, жизненный выбор, время жизни, картина времени, план бытия, аутентичность, этапы выбора, самопреображение, самоопределение, самоактуализация, временные координаты, индивидуальное время, социальное время, жизненный путь, жизненный мир, субъекты социального времени, не-деятели, эго-деятели, эко-деятели, стратегии жизни, благополучие, успех, самореализация

Юрий Гранин. «Глобализация» или «вестернизация»? PRO & CONTRA

В статье анализируются современные трактовки терминов «глобализация», «вестернизация», формы глобальных стратегий современных национальных государств как область стратегического выбора.

Ключевые слова: глобализация, вестернизация, интеграция, империя, модернизация, нация, национализм, национальное государство, социальная философия, культурные модели развития

Александр Разумов. Свобода выбора – выбор свободы (между добром и злом)

Необходимость выбора сопровождает весь период человеческого существования. В этой проблеме слились компоненты мифологического, философского и религиозного мышления, естественнонаучного и гуманитарного знания.

Ключевые слова: выбор, история, свобода, ответственность, человек, эволюция

Ольга Шульман. Тема выбора в «Житии Бенедикта» («Диалоги II» св. Григория)

В статье рассматривается текст жития св. Бенедикта, написанный св. Григорием; акцентируются те фрагменты, которые связаны с темой выбора. В разных ситуациях, включая искушения, св. Бенедикт свободно и решительно делает выбор в пользу Бога.

Ключевые слова: житие, выбор, свобода воли, отшельник, монастырь, искушение

Даниэль Садыков. Концепция личности в культуре: евразийский выбор (П.П.Сувчинский)

В статье рассматриваются отдельные аспекты личности, влияния на культуру, раскрывается проблема евразийского выбора П.П.Сувчинского.

Ключевые слова: личность в культуре, евразийство, компаративный подход, П.П.Сувчинский

Татьяна Чумакова. Частный случай выбора: сталинская перепись 1937 г. и «выбор вер»

В статье рассказывается о религиозном вопросе во Всесоюзной переписи 1937 г. Результаты этой переписи стали одной из причин начала «большого террора». Первыми были уничтожены ученые, которые занимались организацией переписи. Они сделали свой выбор между ложью, которая нужна была власти, и научной истиной. Свой выбор сделали и граждане СССР, многие из которых ответили на вопрос переписи о религии утвердительно. Этим они сделали выбор, не отказавшись от своей веры.

Ключевые слова: свобода совести, антропология религии, сталинские репрессии, выбор, история статистики, история науки

Сергей Малков. Аксиологические основания гуманитарных технологий манипуляции сознанием

В статье рассматривается понятие «гуманитарные технологии» и их воздействие на сознание человека. Акцент сделан на анализе аксиологических оснований, существенно влияющих на последствия манипуляции сознанием. Рассматривается процесс плюрализации ценностных установок и отход от фундаменталистских трактовок аксиологических подходов в исторической перспективе. Особое место уделено анализу проблемы социальной ответственности при использовании гуманитарных технологий. Выделяется три типа социальной ответственности. Аксиологическому фундаментализму противопоставляется аксиологический прагматизм, базирующийся на идее плюрализма и на доминировании социальной ответственности третьего типа. Такой подход позволяет блокировать возможные деструктивные воздействия гуманитарных технологий.

Ключевые слова: гуманитарные технологии, аксиологические основания, манипуляция сознанием, фундаментализация ценностей, аксиологический плюрализм, социальная ответственность

Галина Степанова. Интернет как пространство выбора человека

В статье рассматривается современное интернет-пространство, в котором человек формирует навыки выбора. Интернет анализируется как среда, обладающая свойствами неопределенности и многовариантности,

что позволяет рассматривать ее как условие, способствующее развитию и реализации креативности человека; альтернативность интернет-пространства дает возможность осуществлять свободный осознанный выбор в самых разных сферах жизни человека.

Ключевые слова: интернет, выбор, поведение, креативность, неопределенность, альтернативность, социальные сети, самореализация

Summary

Igor Mikhailov. Methodological Choice Between Substantialism and Functionalism

The article examines the grounds of methodological choice between substantialism and functionalism in the philosophy of mind and highlights the benefits the latter may obtain from the «artificial intelligence» hypothesis in making the choice. Thought experiment method, being wide-spread in the English literature, allows the author to formulate and defend the conception of communicative functionalism in the philosophy of mind and explication of its functions.

Keywords: substantialism, functionalism, artificial intelligence, philosophy of mind, brain, communication

Elena Yaroslavtseva. Select a search for synergetic effect

As a complex phenomenon as human activity has a very important feature of existing permanently - the man always have to choose, even if they are not recognized. In the ontological depths Biosystems permeated all synergetic processes need to harmonize all systems, and enables the body to exist as an entity. And going to the social dimension, increasing in the autopoietic development of its complexity, the person continues to live on the same natural logic. He constantly picks, acquiring and realizing the potency of their freedom.

Keywords: Choice, potency of freedom, biosystem, autopoiesis, human, synergy

Yuri Reznik. Human life & the time: the problem of life choices

Events in human life, as their perception and interpretation are the anchor points of the life choice, consisting of images of the future, forward-looking decisions and their implementation. Time life does not coincide with the physical time, and is a complex interplay of individual and social, subjective and objective, ideal and real vectors. Select from the options to the perfect plan and design the optimal for human by or possible future condition. Individual human life is presented in two aspects: the subjective (as individual trajectory of life – life path) and *интерсубъективном* (as a way of understanding solvability of human existence – lifeworld). Social life choices is determined by perceptions of time, which are the collective actors (*поколенческими*, professional and other communities). Depending on the nature of the relationship to the time of his actors are divided into three types: non-leaders, ego-personalities & fake personalities. They are respectively the well-being, success strategies, and self-realization.

Keywords: man, time life, time, the plan being, authenticity, the stages of choice, self-determination, temporal coordinates, individual time, social time, the life, the life of the world, social time, not-activists, ego-activists, eco-activists, strategy life, prosperity, success, self-realization

Yuri Granin. Globalization or Westernization? Pro & contra

In the article modern treatments of the term are analyzed «globalization», «westernization», forms of global strategy of the modern national state.

Keywords: globalization, westernisation, integration, empire, modernization, the nation, nationalism, the national state, social philosophy, cultural models of development

Aleksandr Razumov. Freedom of Choice – Choice of Freedom (Between Good and Evil)

Since humanity came to existence it has been facing the necessity of choice. In the problem of choice we find blended the components of mythological, religious and philosophical thinking as well as of scientific and humanitarian knowledge.

Keywords: choice, history, freedom, responsibility, evolution

Olga Shulman. The problem of free choice in the hagiography of saint Benedict («Dialogues II» by saint Gregory)

The paper deals with early monastic movement as it is reflected by saint Gregory in the second book of his «Dialogues» which contains the hagiography of saint Benedict. The main interest presents the problem of free choice for hermit and in the monastic life.

Keywords: saint Benedictus, saint Gregorius, hagiography, free choice, hermite, monastery

Daniel Sadykov. The personality concept in culture: Euroasian choice (P.P.Suvchinsky)

In article separate aspects of the personality, influence on culture are considered, the problem of the Euroasian choice of Items Suvchinsky reveals.

Keywords: the personality in culture, an evraziystvo, a komparativny approach, P.P.Suvchinsky

Tatiana Chumakova. A Case of Choice: Stalin's Population Census of 1937 and the "Choice of Believe"

The article describes religious aspects of the All-Russian population census of 1937. The results of that population census were among the reasons of the Great Terror. At first, specialists who organized the census were killed.

They made their choice between the lie which was in demand of the authorities – and the scientific facts. Citizens of the USSR also made their choice^ many of them answered positively at the question of their religious believe. So, they made their choice between the lie necessary to the authorities – and their sincere believe.

Keywords: freedom of conscience, anthropology of religion, Stalin's repressions, choice, history of statistics, history of science

Sergey Malkov. Axiological principles of mind-manipulating human techniques

Galina Stepanova. The internet as a space of Human choice

The article considers the idea of the Internet as a space in which experience of choice is formed. Internet as an environment is analyzed, with the properties of uncertainty and multi-variant, which allows us to consider it as a condition conducive to the development and realization of creativity, and alternativeness that allows you to make free informed choices in various spheres of human life.

Keywords: internet, choice, behavior, creativity, uncertainty, alternative, social networks, self-realization

Научное издание

Человек вчера и сегодня

Междисциплинарные исследования. Выпуск 6

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор: *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 11.09.12.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 9,09. Тираж 500 экз. Заказ № 018.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14/1 стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

ВЫШЛИ В СВЕТ

1. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2011. – 252 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0196-9.**

Пятый выпуск ежегодного сборника, подготовленный Сектором биоэтики и гуманитарной экспертизы Института философии РАН, представляет собой результаты исследований сотрудников данного подразделения совместно с учеными из других подразделений и институтов. Авторы представляют широкое тематическое разнообразие в изучении философских аспектов биоэтики и гуманитарной экспертизы. Дается интересный философско-антропологический анализ фундаментальных проблем комплексного изучения человека. Также в сборнике представлено обсуждение моральных проблем, возникающих в практике преподавания, психотерапии и психокоррекции, что является важным дополнением к исследованиям в области биотехнологий, которым традиционно уделяется пристальное внимание сотрудников сектора. Третий раздел сборника посвящен публикациям сотрудников группы виртуалистики.

2. **«Вехи» – 2009. К 100-летию сборника [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Ред.–сост. В.И. Толстых. – М. : ИФРАН, 2011. – 217 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0206-5.**

Авторы сборника, участники состоявшейся публичной дискуссии, сосредоточили свое внимание на главной идее и проблеме российской истории, связанной с её настоящим и будущим. Это – место и роль России во всемирно-историческом процессе, в ряду наиболее значимых стран и цивилизаций. Своей небольшой книгой, обращенной к интеллигенции, веховцы вызвали активный и неоднозначный отклик ответ всех значимых общественных сил и групп того времени, и позднее – тоже. Вот и наша дискуссия, более скромная по своему замыслу и составу, тоже обратилась к вопросам, не только острым и злободневным, но и исторически несколько не устаревшим.

3. **Голобородько, Д.Б. Концепции разума в современной французской философии. М.Фуко и Ж.Деррида [Текст] /Д.Б. Голобородько; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 177 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 85–95. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0183-9.**

Книга посвящена философско-антропологическому анализу знаменитой полемики о разуме и неразумии. Рассматривается ряд критических подходов к проблеме рациональности во французской философии XX в. Да-

ется обзор критики разума в работах А.Кожева, Ж.Батая, М.Бланшо. Анализируются концепции «археологии знания» (М.Фуко) и «деконструкции» (Ж.Деррида). В центре исследования такие понятия, как «Другой», «безумие», «исключение», «власть», «различие». В приложении помещены переводы ключевых для исследуемой полемики текстов: «*Cogito et histoire de la folie*» Ж. Деррида (публикуется в новом переводе) и «*Mon corps, ce parler, ce feu*» М. Фуко (на русском языке публикуется впервые). Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся современной философской и политической антропологией.

4. **Девяткин, Л.Ю. Трехзначные семантики для классической логики высказываний [Текст] / Л.Ю. Девяткин; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2011. – 108 с. ; 17 см. – Библиогр.: с. 107–108. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0203-4.**

Монография посвящена исследованию свойств трехзначных семантик для классической логики высказываний. Автором полностью описаны трехзначные имплицитивно-негативные характеристические матрицы для классической логики высказываний. Построена классификация подобных матриц с одним выделенным значением на основе функциональных свойств их базовых операций. Также исследованы матрицы с классическим классом законов, но неклассическим отношением логического следования. Показано, что отдельные важные свойства классической логики высказываний имеют место только при семантике с двумя истинностными значениями.

5. **Знание как предмет эпистемологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 2011. – 223 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0201-0.**

В книге рассматриваются фундаментальные вопросы эпистемологии: природы знания, соотношения знания и незнания, знания и истины, истины и правды, специфики научного знания и знания практического, дескриптивного и прескриптивного знания. Наряду с традиционными фундаментальными вопросами представлены статьи, касающиеся менее известной проблематики, в которых знание рассматривается в контексте исследований сознания, личностной идентичности, риторики, проблемы перевода.

6. **История философии. № 16 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.И. Блауберг, С.И. Бажов. – М. : ИФРАН, 2011. – 295 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

Данный выпуск журнала содержит главным образом статьи и публикации, в которых освещается малоисследованная проблематика различных этапов историко-философского процесса в России. Наибольшее вни-

мание авторы выпуска уделяют древнерусской философской мысли, а также отечественной философии XIX и XX вв., в том числе концепциям К.Д.Кавелина, В.С.Соловьева, П.И.Новгородцева, Н.О.Лосского. В номере публикуется перевод статьи С.Л.Франка «“Я” и “мы” (к анализу общения)». Здесь также помещено исследование, посвященное одному из эпизодов истории установления интеллектуальных контактов в арабоязычном христианстве XIII в.

Выпуск журнала адресован специалистам, аспирантам, студентам и всем интересующимся историей отечественной и восточной философии.

7. ***Кара-Мурза, А.А. Свобода и Вера. Христианский либерализм в российской политической культуре [Текст] / А.А. Кара-Мурза, О.А. Жукова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 184 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0210-2.***

В книге известных российских ученых, докторов философских наук А.А. Кара-Мурзы и О.А. Жуковой ставится важнейшая для отечественной социальной и культурфилософской мысли проблема синтеза либеральных и христианских ценностей в российской культурно-политической традиции. Центральной задачей авторов является реконструкция христианско-либеральной (либерально-консервативной) традиции в интеллектуальном и политическом опыте выдающихся общественных деятелей России XIX – XX вв. – Ивана Аксакова, Михаила Стаховича, Василия Караулова, Петра Струве, для которых эволюционный путь развития России был связан с синтезом русской «самобытности» и европейской «универсальности» в логике обретения свободы лица как основания правового порядка.

Работа адресована специалистам в области истории отечественной политической культуры. Исследование может быть использовано студентами и аспирантами гуманитарных вузов в процессе изучения историко-культурного наследия России.

8. ***Корзо, М.А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века [Текст] / М.А. Корзо ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 155 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 1450–154. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0186-0.***

Исследование посвящено анализу системы нравственного богословия церковного деятеля, богослова и педагога второй половины XVII в. Симеона Полоцкого, принадлежавшего к числу приглашенных московским правительством выходцев с православных земель Речи Посполитой, которые получили богословское образование в Киево-Могилянской академии или в иных учебных заведениях, испытавших сильное влияние системы образования иезуитов. Сочинения авторов этого

круга, и в первую очередь Симеона Полоцкого, положили начало той линии развития русского (московского) православия XVII в., которая формировалась под значительным влиянием католического нравственного богословия.

В книге реконструируются основные источники системы, влияния иных (помимо православной) конфессиональных традиций; выявляются её композиционные и содержательные особенности; на примере заповедей второй скрижали Декалога анализируется предлагаемая богословом программа практического поведения христианина в миру.

9. **Космология, физика, культура [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.В. Казюгинский. – М. : ИФ РАН, 2011. – 243 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0204-1.**

Становление научной космологии анализируется в контексте культуры. Сделана попытка понять, как известные модели науки, рассматриваемой в качестве феномена культуры, позволяют описать разные эпохи истории космологии – от коперниканской до современной. Изучены основания метода современной космологии: математических гипотез, концептуальных структур, генерируемых в их рамках, эмпирического обоснования этих гипотез. Обсуждается проблема «непостижимой эффективности математики» в космологии. Рассмотрена проблема применимости к сверххранной Вселенной понятий пространства, времени и др. Продемонстрирована многомерность универсалий культуры «мир», «природа», «бесконечность», «эволюция» в их космологических аспектах. Большое внимание уделено мировоззренческим ориентациям космологии.

10. **Кричевский, А.В. Абсолютный дух сквозь лики триединства. Сравнительный анализ философско-теологических концепций Гегеля и позднего Шеллинга [Текст] / А.В. Кричевский; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 237 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0184-6.**

Книга представляет собой продолжение исследования, основные общеметафизические аспекты которого были проработаны в монографии автора «Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга» (М.: ИФ РАН, 2009). В предлагаемой теперь вниманию читателя новой индивидуальной монографии автор видит свою задачу в том, чтобы провести сравнение концепций Гегеля и позднего Шеллинга прежде всего по следующим основаниям: (1) соотношение диалектики понятия и метафизики свободы в контексте учения о триединстве абсолютного духа; (2) отношение к традиции немецкой философской мистики (продолжение темы, фактически уже начатой в разделе первой книги, посвященном анализу установки спекулятивного символизма); (3) место мира и человека в структуре абсолюта.

Для философов, теологов и всех тех, кого интересуют фундаментальные проблемы метафизики и надконфессионального умозрительного богословия.

11. **Кузнецов, М.М.** Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна [Текст] / М.М. Кузнецов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 143 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0196-9.

В монографии дается философский анализ новых структур коммуникативного опыта, сложившихся к концу XX – началу XXI вв. в результате бурного развития информационных технологий, исследуется взаимосвязь когнитивной деятельности и коммуникативных практик, а также роль коммуникации в формировании стереотипов поведения и мышления. В центре внимания автора – концепции Т.Адорно и М.Маклюэна, раскрывших в своем творчестве конститутивную роль средств коммуникации в структурировании различных типов ментальности и форм человеческой жизнедеятельности.

12. **Наука и социальные технологии** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М.: ИФ РАН, 2011. – 203 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0200-3.

Сборник включает серию статей, каждая из которых встраивает понятие социальных технологий в свой собственный оригинальный контекст, задавая, таким образом, все новые определения социальных технологий (дискурс-технологии, мягкие и жесткие социальные технологии, технологии конструирования субъекта и т. д.). Несмотря на разнообразие точек зрения на данную проблему, авторы единогласно увязывают ее с темой управления и власти. Коммуникативная и медийная, языковая, научная среды предстают в результате как основа властных и управленческих процессов, а значительная часть современных общественных отношений – как взаимодействие и столкновение бесчисленных социальных технологий.

13. **Неретина, С.С.** Концепты политической культуры [Текст] / С.С. Неретина, А.П. Огурцов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 279 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0187-7.

Существуют различные методологические и теоретические стратегии в определении сути политики. Авторы выбрали путь выявления и описания концептов политической культуры как тех инвариантных структур сознания, которые образуют систему отсчета многообразных установок и оценок личностью власти, собственности, других людей и социальных групп. По своему генезису концепты являются смыслопорождающими началами, которые обусловлены авторскими интенциями

и усилиями мысли того или иного теоретика, но при всей смене политических концепций и идеологических доктрин они достаточно устойчивы. Политическая мысль имеет дело с концептами и с концепциями, а не с понятиями и теориями. Концепт составляет ядро политических концепций Платона, Аристотеля, Л.Штрауса, Х.Арендт и др.. В философии политики XX в. осознается ограниченность методов рефлексивного анализа, на котором жила классическая политическая мысль, и они замещаются процедурами герменевтики и «понимающими» и проектирующими моделями.

14. **Ориентиры... Вып. 7 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М.: ИФ РАН, 2011. – 187 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0190-7.**

Идеология пронизывает социальную жизнь во всех ее проявлениях, присутствуя в ней как явным, так и неявным образом. От теорий, провозглашавших смерть идеологии, давно отказалась социальная наука, однако в нашей стране исследования идеологических процессов все еще не уделяется достаточного внимания. Восполняя этот пробел, авторы сборника исследуют роль идеологии в процессе модернизации, а также некоторые существенные моменты идеологических процессов в России. Постоянная тема серии данных сборников – «Восток и Запад», – представлена как преломление в восточных культурах западных информационных технологий и стереотипов.

15. ***Петр Абеляр. История моих бедствий [Текст] / Петр Абеляр; перевод с лат. С.С. Неретиной; [примеч. С.С. Неретиной] / Послесловие С.С. Неретиной. Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 125 с.; 20 см. (Философская классика: новый перевод). – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0205-8.***

Новый перевод одного из первых автобиографических произведений Средневековья «Истории моих бедствий», принадлежащего перу Петра Абеляра, «второго Аристотеля», как его называли в XII в. Тщательно продумываемая история, трансформируясь в сознании конкретного индивида, преобразуется в личностный концепт, т. е. в тот опыт уникального, которому «Бог свидетель». Это одно из первых произведений Средних веков, которое можно назвать Книгой интеллектуала.

16. **Политико-философский ежегодник. Вып. 4 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2011. – 203 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0195-2.**

Четвертый выпуск «Политико-философского ежегодника» освещает актуальные вопросы политического знания по трем рубрикам. В главной из них («Государство и гражданское общество») под разными углами

анализируются проблемные аспекты взаимодействия названных ключевых институтов современной политики. Рубрика «Мифы и призраки политической философии» отвечает веяниям сегодняшней интеллектуальной моды в политологии. Заключают выпуск статьи по традиционной для Ежегодника российской тематике.

17. **Политические стратегии российского государства как философская проблема [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФ РАН, 2011. – 203 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0202-7.**

Авторы коллективной монографии полагают, что сохранение российской цивилизацией своего, самостоятельного пути развития в эпоху глобализации вполне возможно и более того необходимо. Но решение вопроса о том, действительно ли существовал и существует такой вектор развития российского государства и российской цивилизации требует обращения к онтологии русской, российской истории. История возложила на Россию функцию организации пространственного хаоса, которая далеко не завершена и требует своего продолжения.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами политической жизни страны.

18. **Спектр антропологических учений. Вып. 4 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. П.С. Гуревич. – М. : ИФРАН, 2012. – 159 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0208-9.**

В монографическом сборнике продолжается разработка темы человека в немецкой философской классике, осмысливается проблема приоритета антропологии над технологией, анализируются новые понятия философской антропологии, раскрываются новейшие тенденции в философском постижении человека.

19. **Субботин А.Л. Джон Стюарт Милль об индукции [Текст] /А.Л. Субботин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2012. – 76 с. ; 17 см. – Библиогр.: с. 75. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0211-9.**

В книге рассматриваются взгляды на индукцию Джона Стюарта Милля (1806–1873), которыми завершается первый период формирования и развития индуктивной логики в английской философии. Этому периоду посвящены две предыдущие книги автора «Френсис Бэкон» (1974) и «Концепция методологии естествознания Джона Гершеля» (2007). Книга содержит изложение всех существенных пунктов миллевской концепции индуктивной логики. При этом в противоположность существующей тенденции отождествлять индуктивные логики Бэкона и Милля показывается их существенное различие.

20. **Судаков А.К. Цельность бытия. Религиозно-философская мысль И.В.Киреевского [Текст] / А.К. Судаков; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2011. – 191 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 178–189. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0192-1.**

Монография посвящена анализу философского мирозерцания И.В.Киреевского как одного из первых опытов светской христианской философии в России XIX в. Система взглядов Киреевского представлена в работе как органическое единство вокруг религиозно-философской идеи цельности бытия личности и народа, непосредственно связанной с православным вероучением, но включающей в свой состав развитие умственной и нравственной образованности лица и народа. Впервые в русской историко-философской литературе дается обстоятельный анализ взглядов Киреевского на отношения Церкви, государства и общества.

21. **Сухов А.Д. Материалистическое философствование в русском естествознании XIX–XX вв. [Текст] / А.Д. Сухов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2011. – 133 с.; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 124–132. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0188-4.**

В работе проанализированы воззрения крупнейших русских естествовников XIX–XX вв. – И.М.Сеченова, Д.И.Менделеева, И.И.Мечникова, К.А.Тимирязева, И.П.Павлова, К.Э.Циолковского, их контакты с философией, заимствования из нее, то новое, что было привнесено ими в русскую философскую мысль.

22. **Творчество: эпистемологический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Е.Н. Князева. – М.: ИФ РАН, 2011. – 226 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0197-6.**

В сборнике анализируются проблемы творчества с позиции новейших достижений когнитивной науки и эпистемологии. Исследуются личностные особенности творчески одаренных людей, механизмы функционирования креативного мышления и работы творческой интуиции, способы стимулирования и тренировки креативного мышления. Показывается, что в творчестве проявляют себя такие феномены сложного познания, как визуальное мышление, телесное мышление, изменение восприятия времени. В своем эпистемологическом анализе творчества авторы развивают нетрадиционные подходы: телесный, натуралистический, нелинейно-динамический, конструктивистский, феноменологический.

23. **Философия науки. – Вып. 16. Философия науки и техники [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: В.И.Аршинов, В.Г.Горохов. – М.: ИФ РАН, 2011. – 289 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0193-8.**

В сборнике рассматриваются проблемы современной философии науки и техники в контексте вызовов междисциплинарности XXI века. Особое внимание уделяется вопросам философско-методологического осмысления концепции информационного общества, общества знания, инновационного развития, феномену так называемых конвергирующих технологий, особенностям возникающей на наших глазах науке об Интернете – *вебологии*. Обсуждаются вопросы философии конструктивизма в ее трансдисциплинарном измерении, синергетики сложности, а также субъектности и интерсубъективной коммуникации в их современном постнеклассическом понимании. С точки зрения междисциплинарности анализируются проблемы современной космологии, квантовой физики, современной «философии природы», перспективы эволюционного подхода и синергичной антропологии.

24. **Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. М.С. Киселева. – М. : ИФРАН, 2011. – 295 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0199-0.**

Пятый выпуск сборника посвящен различным аспектам коммуникативной деятельности. Более чем столетняя история изучения коммуникативных процессов в человеческих сообществах объясняет обращение к философским и методологическим проблемам, формирующим коммуникативную предметность. Исследование социальных и политических контактов на разных уровнях социальной организации (государство, нация, этнические общности, и т. д.) значимо для понимания коммуникаций в современном социуме. Кросс-культурные коммуникации в историческом аспекте, а также новые коммуникативные реальности – расширяющееся пространство интернета исследуются в самостоятельных разделах сборника. Существенно, что в поле зрения исследователей всегда фокусируется человек в его разнообразных коммуникативных связях.

Статьи сборника представляют интерес для научного сообщества, аспирантов и студентов, а также могут иметь значение для социальных, политических и информационных практик в современном обществе

25. **Этическая мысль. Выпуск 11 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М. : ИФРАН, 2011. – 167 с. ; 20 см. – 1 000 экз. – ISSN 2074-4870.**

В «теоретическом» разделе 11-го выпуска «Этической мысли» представлены статьи, в которых с разных методологических позиций критически оценивается роль общих принципов в морали и подчеркивается значение реальной практики человеческих взаимоотношений как источника моральной императивности. В «историко-философской» части анализируется одно из центральных понятий в этике Аристотеля – понятие величавого и прослеживается его судьба в дальнейшем развитии моральной философии. В этой же части реконструированы основные теоретические проблемы, возникающие в рамках классического утилитаризма; представлен анализ морально-философских взглядов Г.Сковороды. В разделе, посвященном нормативно-прикладным проблемам, в частности, исследуются проблемы климатической справедливости и их особенности, задаваемые российским контекстом.